

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 2 ЯНВАРЬ 1979

НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

Дорогие товарищи, друзья!

Уходит в историю 1978 год. Советские люди провожают его с чувством законной гордости. Это был год плодотворного труда по претворению в жизнь исторических решений XXV съезда партии, первый год действия новой Конституции СССР.

Наш народ достиг новых успехов в коммунистическом строительстве. В результате еще более возросли материальные и духовные силы нашей великой Родины, ее международный авторитет. Неуклонно повышаются эффективность общественного производства и качество работы, растет выпуск промышленной продукции. В строй действующих вошли сотни крупных предприятий и объектов. Собран рекордный урожай зерна — 235 миллионов тонн. Крупными достижениями отмечено развитие отечественной науки. Навсегда в летопись покорения Вселенной войдут выдающиеся космические полеты, в которых приняли участие три международных экипажа из социалистических стран. Новые яркие произведения создали мастера многонациональной советской культуры.

Успешно выполняются намеченные партией планы повышения материального благосостояния и культурного уровня советских людей. Построено свыше 2 миллионов благоустроенных квартир, много школ, детских садов и яслей, больниц, учреждений культуры. Таким образом, достижения нашего народного хозяйства воплощаются в ощутимых для каждой семьи, каждого советского гражданина радостных переменах.

Все свои свершения советские люди связывают с мощью нерушимого союза рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, постоянно крепнущей дружбой народов СССР, с мудрым руководством Коммунистической партии, ее ленинского Центрального Комитета, Политбюро ЦК во главе с товарищем Л. И. Брежневым. В своей многогранной деятельности партия опирается на безраздельную поддержку советского народа. Руководствуясь всепобеждающим учением марксизма-ленинизма и творчески развивая его, партия ведет советский народ по пути строительства коммунизма.

Советский народ уверенно вступает в новый, 1979 год. Его вдохновляют решения июльского и ноябрьского Пленумов ЦК КПСС, выступления товарища Л. И. Брежнева, в которых выдвинута боевая программа деятельности партии и народа по дальнейшему развитию производительных сил страны, завоеванию новых рубежей в экономическом, социальном и культурном строительстве.

Трудящиеся самоотверженно борются за претворение в жизнь предначертаний партии, еще выше поднимают знамя социалистического соревнования за успешное выполнение и перевыполнение плана десятой пятилетки. Честь и слава вам, дорогие соотечественники, за доблестный труд на благо нашей великой Родины!

В марте 1979 года состоятся выборы в Верховный Совет СССР. Пусть они станут новой яркой демонстрацией тесной сплоченности советских людей вокруг родной Коммунистической партии, торжеством социалистической демократии.

Дорогие товарищи! 1978 год был годом активной внешнеполитической деятельности КПСС и Советского государства, направленной на дальнейшее развитие разрядки, обуздание гонки вооружений, на укрепление мира и дружбы между народами. Усилия Советского Союза, братских социалистических стран, всех миролюбивых сил планеты позволили, вопреки сопротивлению противников разрядки, сделать мир на земле более надежным.

Международное положение нашей Родины прочно как никогда. Давая решительный отпор агрессивным проискам империалистов и их пособников, мы будем и впредь делать все необходимое для обеспечения мирного созидательного труда советских людей, для укрепления содружества стран социализма, для упрочения дела мира во всем мире. Мирные инициативы, с которыми Советский Союз выступил на Генеральной Ассамблее ООН, Декларация совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора открывают новые горизонты международного сотрудничества, пользуются активной поддержкой народов.

Советские люди шлют сердечные новогодние поздравления трудящимся социалистических стран, всем коммунистам и демократам, борющимся против империализма, расизма, реакции и войны, горячо поздравляют народы молодых независимых государств, строящих новую жизнь, всех людей доброй воли, выступающих за мир, демократию и социальный прогресс. Желаем им новых успехов в их справедливой борьбе!

Дорогие товарищи, друзья!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР сердечно поздравляют с Новым годом рабочих, колхозников, интеллигенцию, женщин, молодежь, ветеранов революции, войны и труда, наших доблестных воинов, бдительно охраняющих священные рубежи нашей Родины. Горячие поздравления тем, кто сейчас находится на трудовом и боевом посту, кто в пути, в море и в небе, кто работает далеко от родной земли!

Счастья и радости вам, вашим семьям, дорогие товарищи!

Крепкого вам здоровья и новых успехов в труде, учебе, творчестве!

Пусть всегда над землей будет мирное небо!

С Новым годом, с новым счастьем!

Центральный Комитет КПСС | **Президиум Верховного Совета СССР** | **Совет Министров СССР**

Москва. Идет предвыборное собрание на заводе счетно-аналитических машин. Выступает секретарь парткома предприятия В. В. Хованский.
Фото В. Будана (ТАСС)

ЕДИНСТВО НАРОДА И ПАРТИИ

Началось выдвижение кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР — наступил важный и ответственный этап избирательной кампании.

Первые после принятия новой Конституции СССР выборы — яркое свидетельство преимуществ социалистической демократии. Избиратели выдвигают кандидатами в народные депутаты лучших, наиболее авторитетных представителей рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции.

Первыми на собраниях в трудовых коллективах названы имена руководителей Коммунистической партии и Советского государства.

27 декабря в празднично украшенном зале клуба передового в Москве завода счетно-аналитических машин состоялось собрание рабочих, инженерно-технических работников, служащих этого предприятия. На собрании единогласно было принято постановление: выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по Бауманскому избирательному округу № 3 г. Москвы по выборам в Совет Союза от рабочих, инженерно-технических работников и служащих Московского завода счетно-аналитических машин **Брежнева Леонида Ильича,** Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Товарища **Л. И. Брежнева** единодушно выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по Бауманскому избирательному округу города Москвы также участники собраний, состоявшихся в МВТУ имени Н. Э. Баумана, в московском швейном производственном объединении «Большевичка» и во Всесоюзном электротехническом институте имени В. И. Ленина.

На предвыборных собраниях кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР названы **Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, Я. П. Рябов, М. С. Горбачев.**

Среди кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР сталевар, лауреат Государственной премии СССР **А. Р. Коротеньков** и инструктор производственного обучения Герой Социалистического Труда **Б. А. Журавлев,** президент Академии наук СССР, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий **А. П. Александров** и водитель хлопкоуборочных машин **Т. Б. Киргизбаева,** руководитель буровой бригады, Герой Социалистического Труда **И. С. Гусейнов** и оператор стана горячей прокатки **В. Х. Сокол...**

Называя своими кандидатами руководителей Коммунистической партии и Советского государства, достойнейших сынов и дочерей рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции, трудящиеся с новой силой выражают безграничное доверие КПСС.

Повсеместно избраны представители на окружные предвыборные совещания, которым поручено поддержать кандидатуры, выдвинутые на собраниях трудящихся.

Л. И. БРЕЖНЕВ.

ДЕТИ—НАШЕ БУДУЩЕЕ

Как известно, Организация Объединенных Наций объявила 1979 год годом ребенка. ЮНЕСКО попросила глав государств и общественных деятелей ряда стран обратиться к детям с новогодними приветствиями в связи с этой инициативой ООН.

1 января по Центральному телевидению было передано выступление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева. Ниже следует текст этого выступления:

Здравствуйте, дорогие юные друзья! Поздравляю всех вас с Новым годом. Организация Объединенных Наций, которая объединяет почти все государства земли, решила провозгласить его годом ребенка. Это очень хорошее, правильное решение. Ведь дети — это наше будущее, им придется продолжать дело своих отцов и матерей. Они, я уверен, сделают жизнь на земле лучше и счастливее. А наш долг постараться, чтобы дети всех народов не знали войн, чтобы у них было спокойное, радостное детство.

К сожалению, сегодня на земле еще во многих местах гремят выстрелы, льется кровь и гибнут не только взрослые, но и дети. Много еще детей умирают от голода и болезней. С этим нельзя мириться. В Советском Союзе мы стараемся сделать все, чтобы годы детства были здоровыми и счастливыми. Мы создали и продолжаем строить тысячи и тысячи светлых, удобных детских яслей, детских садов, школ. Мы стремимся научить детей добру, дружбе, научить их жить по-добрососедски со всеми людьми любой национальности и цвета кожи, научить их уважать труд и уметь трудиться на благо всех людей.

Дорогие ребята! Мальчики и девочки! Придет время, вы тоже станете взрослыми и тогда забота о будущем ляжет на ваши плечи. А пока желаю всем вам здоровья, счастья, мирной и радостной жизни.

◆

Выступление товарища Л. И. Брежнева направлено в ЮНЕСКО.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 2 (2687)

6 ЯНВАРЯ 1979

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонек». 1979

Л. И. Брежнев среди награжденных. Фото С. Гурария.

НАГРАДЫ РОДИНЫ

27 декабря 1978 года в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил награды Родины группе товарищей: орден Ленина и вторую золотую медаль «Серп и Молот» — академику Н. В. Цицину, орден Ленина — кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС Э. А. Шеварднадзе, орден Ленина — председателю Государственного комитета по ценам Н. Т. Глушкову, орден Октябрьской Революции — секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву, орден Октябрьской Революции — А. Я. Абрамяну, орден Трудового Красного Знамени — чемпиону мира по шахматам А. Е. Карпову. Знаки отличия генерала армии вручены товарищам В. А. Матросову и С. К. Цвигуну.

Вручая награды, товарищ Л. И. Брежнев обратился к собравшимся с сердечными словами приветствия.

Награжденные выразили горячую благодарность Коммунистической партии, ее ленинскому Центральному Комитету, Советскому государству, лично Леониду Ильичу Брежневу за высокую оценку их труда.

При вручении наград присутствовали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, другие официальные лица.

ПОСЕЩЕНИЕ ПОСОЛЬСТВА

29 декабря товарищи Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов, Б. Н. Пономарев посетили посольство АНДР в Москве в связи с безвременной кончиной президента Алжирской Народной Демократической Республики, Председателя Революционного совета Хуари Бумедьена.

Минутой молчания они почтили память верного сына алжирского народа, выдающегося лидера национально-освободительного движения, видного государственного и политического деятеля арабского мира и Африки, активного сторонника дружественных отношений и широкого сотрудничества Алжира с СССР и расписались в траурной книге соболезнований.

Москва, 29 декабря 1978 года. Советские руководители в посольстве Алжирской Народной Демократической Республики. Фото А. Пахомова

С ОТЧЕТНО-ВЫБОРНОЙ ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ВЫСОКАЯ ТОЧКА ОТСЧЕТА

С. КАЛИНИЧЕВ

...Оранжево-алая «капля» провисала, освещая промасленные детали машины,— десять килограммов стекла тяжело шлепались в форму. Через несколько секунд из широкого горла машины вытягивалась новая порция раскаленного стекольного теста. Вот так капля за каплей из печи в течение часа утекает несколько тонн стекла. Упавший в форму кусок накрывается штампом, остужается, поворачивается и механической рукой выставляется на стол уже в виде экрана телевизора. Рабочие в асбестовых рукавицах только успевают убирать их, укладывать на небольшие столики.

— Скоро и на этом участке будет установлен робот,— сказал сопровождавший меня начальник отдела АСУ Адольф Борисович Пионтковский.— Тут в стеклянное корытце будущего экрана вваривают металлические пробки. На них в цветном телевизоре крепится специальная маска. Работа очень ответственная: ведь в маске полмиллиона отверстий, и каждое с исключительной точностью должно находиться на своем месте. Под него и траектория луча рассчитана и три точки люминофора, на которые отклоняется луч. В общем, автоматизация этого участка — один из пунктов плана научных разработок, и он близок к выполнению.

В цехах, по которым мы проходили, людей почти не было видно. Бесконечные конвейеры тащили экраны, конусы к ним — огромные, как кухонные раковины, и маленькие, диаметром два-три сантиметра. Полыхали голубые огоньки автоматов для пайки, слышалось мягкое шипение пневматических захватов. Я знал, что в объединении «Кинескоп» многотысячный рабочий коллектив, и теперь можно было только удивляться малолюдью в цехах. Всей системой большой стекловарной печи управляет один человек. Управляет, вернее сказать, ЭВМ, а оператор только следит за основными приборами.

Многолюдно было лишь в цехе, где работают стеклодувы, где идет сборка нестандартных оболочек и других мелкосерийных изделий. Здесь мы и разыскали Анатолия Евгеньевича Фау, Героя Социалистического Труда, мастера на все руки. Когда я спросил, как правильно записать его профессию, он ответил не сразу.

— Лучше должность запишите — бригадир прессовщиков. Вот сколько есть рабочих в цехе — могу заменить любого.

Анатолий Евгеньевич со своим огромным опытом виделся мне началом очень важной цепи, на другом конце которой академик АН УССР, руководитель ее Западного научного центра Ярослав Степанович Подстригач. Оба они — академик и рабочий — были делегатами партийной конференции Радянского района города Львова и, выступая с ее трибуны, оба развивали одну тему — огромные возможности новых форм содружества науки и производства.

В последнее десятилетие Львов выдвинулся как крупный центр машиностроения, приборостроения, электронной промышленности, как город высокой социальной и технической культуры. Именно здесь стали разрабатываться комплексные планы социального развития коллективов, которые вот уже три пятилетки успешно выполняются; здесь, на телевизионном заводе (ныне объединение «Электрон»), применили первую автоматизированную систему управления производством. В 1975 году было принято постановление ЦК КПСС «Об опыте работы партийных организаций и коллективов передовых предприятий промышленности Львовской области по разработке и внедрению комплексной системы управления качеством продукции». Здесь умеют находить и развивать то новое, что содействует социальному и техническому прогрессу. И не случайно именно во Львове, в производственном объединении «Конвейер», недавно организовали конструкторское бюро промышленных роботов — одно из первых в стране.

Выступая с отчетным докладом на партийной конференции Радянского района, первый секретарь райкома партии Владимир Григорьевич Василец рассказывал о том, что сделано за последние три года. Он говорил о новых жилых домах и улицах, детсадах и школах, больницах и столовых, что появились за эти годы в районе, о построенных цехах, об учебе коммунистов и воспитании подрастающего поколения. Но главное, о чем говорилось в докладе,— как надо работать завтра, чтобы достойно завершить десятую пятилетку.

В Радянском районе Львова сосредоточены крупные, передовые в своих отраслях предприятия, такие, как производственное объединение имени 50-летия Октября, «Кинескоп», и другие, которые и ранее не придерживали резервы, а из года в год добивались высоких результатов. Однако десятитысячная армия коммунистов района смогла найти пути дальнейшего социального и экономического роста с опережением контрольных цифр пятилетки.

Коллективы объединения «Львовхимсельхозмаш» и галантерейной фабрики первыми поддержали почин ростовчан — работать без отстающих. Райком рекомендовал всем предприятиям района использовать их опыт. И если в январе 1978 года с производственным заданием не справлялись один цех, три участка и двадцать четыре бригады, то уже к концу года ни отстающих цехов, ни участков в районе не было. План не выполнили только четыре бригады.

Райком партии нацеливал коммунистов на постоянную и кропотливую работу с теми, кто рядом, воспитывал их в духе нетерпимости к недостаткам не только на своем участке, в своем цехе, но и в делах соседей. И вот результат—рост производительности труда шел со значительным опережением планового задания пятилетки, за три года предприятия района реализовали на 19 миллионов рублей сверхплановой продукции. Почти каждое второе изделие, изготовленное здесь, имеет государственный Знак качества.

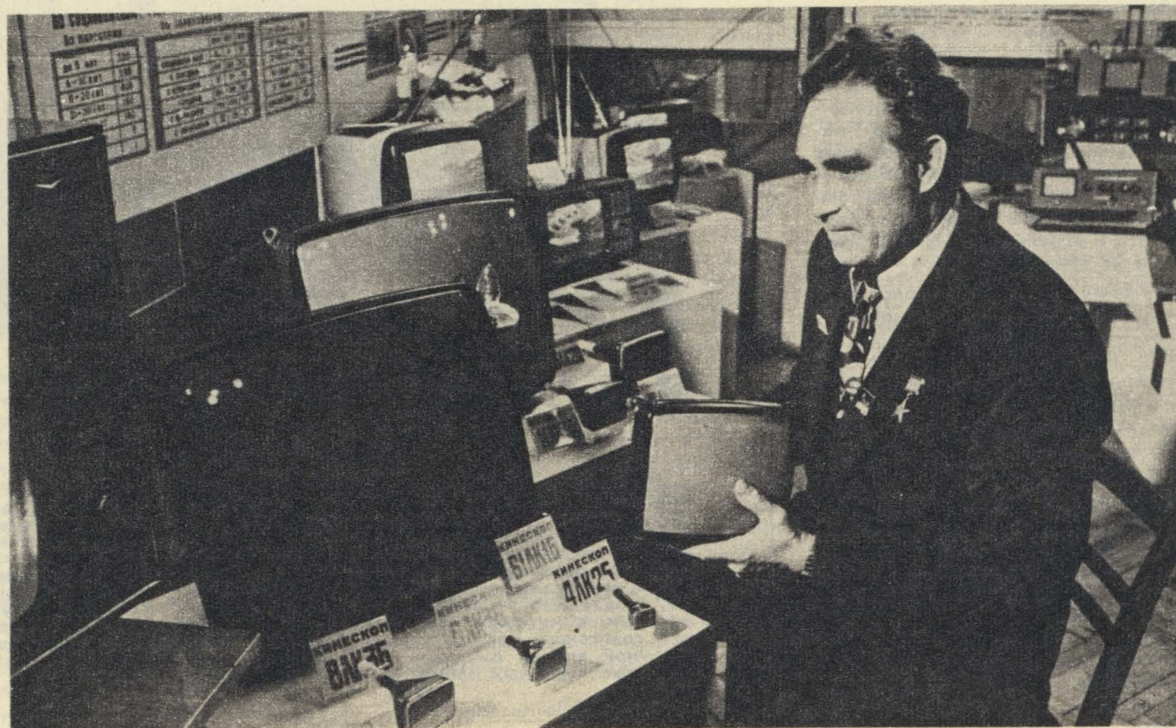
На конференции говорилось много и о том, что еще не сделано, на каких путях искать решения новых задач. В выступлении на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев указывал: «Сейчас, накануне четвертого года пятилетки, каждая партийная организация, каждый партийный комитет должны детально разобраться в обстановке и решить, какой опыт следует взять на вооружение, а какие формы работы устарели и не приносят эффекта, как избавиться от недостатков, мешающих успешному продвижению вперед.

Отличную возможность сделать такой анализ, определить главные точки приложения партийных усилий предоставляет проводимая ныне в партии отчетно-выборная кампания».

Вот и на конференции Я. С. Подстригач, в частности, сказал: «Мы на собственном опыте убедились в эффективности межотраслевого научно-технического сотрудничества. Важнейшая роль в этом деле принадлежит партийным организациям, ибо они сто-

Герой Социалистического Труда Анатолий Евгеньевич Фау: «Сколько есть рабочих в цехе — могу заменить любого».

Фото Н. Козловского

ят над всяческими ведомственными барьерами и перегородками».

О перспективах, которые открывает такая форма сотрудничества ученых, конструкторов, инженеров, рабочих, партийных организаций и хозяйственных руководителей, можно судить по деятельности объединения «Экран». Созданное для выполнения межотраслевой программы «Качество электронно-лучевых приборов», оно не имеет ни вывески, ни своего помещения, ни штатных сотрудников. А эффект уже очевиден: сберегли государству 15 миллионов рублей. В объединение, кроме Института прикладных проблем механики и математики АН УССР, входит более десятка организаций. Всеми работами руководит Координационный совет. Он же намечает темы исследований, определяет исполнителей, стоимость работ, источники финансирования, подготавливает проекты договоров, которые затем подписываются заинтересованными сторонами и утверждаются в соответствующих министерствах.

В координационном плане — десятки тем. Их выполнение контролировалось партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями, в цехах создавались творческие бригады для внедрения научных рекомендаций.

Деятельность межведомственного научно-технического объединения отличается большой гибкостью. Для выполнения отдельных работ создаются межведомственные лаборатории, и для решения той или иной проблемы организуется творческая бригада, в которую могут войти ученые, специалисты — математики, медики, социологи, конструктор, технолог... И, конечно же, когда дело доходит до реализации научных разработок непосредственно на предприятии, в творческие бригады включаются опытнейшие рабочие, такие, как бригадир монтажниц кинескопов лауреат премии имени Ленинского комсомола Наталья Сарафанова или мастер-стеклодел Герой Социалистического Труда А. Е. Фау...

На второй день после партконференции Анатолий Евгеньевич Фау вместе с Адольфом Борисовичем Пионтковским показывали мне цеха и те новшества, которые обязаны своим рождением межведомственному объединению «Экран».

...Большой цех. Во всю его длину — закрытые конвейеры, где кинескопы прогреваются до нескольких сот градусов и из них откачивается воздух. Математики и материаловеды так рассчитали режим прогрева и откачки воздуха, что в результате высвободился один из трех конвейеров.

— Была получена колоссальная экономия,— сказал Пионтковский,— а главное, нам тогда до зарезу нужен был конвейер для освоения производства цветных кинескопов. Кстати, сегодня вот уже вторую неделю мы не выпускаем черно-белые кинескопы — только цветные.

— Здесь, если присмотреться,— добавил Анатолий Евгеньевич,— на каждом шагу можно видеть результаты научно-технического сотрудничества, налаженного с помощью партийных органов. Оно поможет нам успешно выполнить, а кое в чем и превзойти задания пятилетки.

Львов.

ЗА ДАЛЬЮ ДАЛЬ ОБОЗРЕВАЯ

Идея агитрейса Москва — Сибирь — Тихий океан на самолете Як-40 возникла в редакции газеты «Известия» сразу же после возвращения из поездки по Сибири и Дальнему Востоку Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева, имевшей историческое значение для развития и освоения этих районов нашей страны. И выпуск книги с материалами участников агитрейса — пример работы советской прессы, один из вкладов ее в дело освоения громадных просторов востока Советского Союза.

Вот один лишь факт, приведенный в книге: школьница Галя Рябцева из маленького поселка Тюменской области просила журналистов прислать ей литературу для доклада о современной Японии, ибо Галю каждый день привозят в школу на вертолете, и она не успевает забежать в городскую библиотеку.

Этот характерный факт из жизни сегодняшней Сибири поражает: мы привыкли, что в школу ходят пешком, ездят в оленьей упряжке, на лошадях, на электричке, на машине, но чтобы на вертолете... Для Гали же, дочери покорителей Сибири, это — обычное дело.

Громадное значение для Родины имеет новый этап освоения восточных районов Сибири и Дальнего Востока. В недрах Сибири больше угля, чем во всех капиталистических странах, вместе взятых, здесь сосредоточена большая часть отечественных запасов железной руды, четыре пятых площади лесов, четыре пятых гидроэнергетических ресурсов СССР, а строящаяся на Енисее Саяно-Шушенская ГЭС мощностью 6,4 миллиона киловатт — самая большая в мире. Показать, как реализуются сегодня указания и советы, высказанные Л. И. Брежневым, раскрыть напряженную борьбу трудящихся Сибири и Дальнего Востока за скорейшее претворение в жизнь решений XXV съезда КПСС, осмыслить путь нынешнего этапа освоения восточных районов страны — неотложная задача советской прессы.

Як-40, на борту которого находились известинцы, побывал в Тюмени и Норильске, Абакане и Чите, Магадане и на Курильских островах. Через 16 краев, областей и автономных республик проходил маршрут агитрейса, организованного совместно с Аэрофлотом. Семьдесят городов страны посетили журналисты, встречаясь с рабочими и колхозниками, партийными деятелями и учеными, рыбаками и геологами. Они проделали расстояние в 41 300 километров, равное кругосветному путешествию. И материал, помещенный в книге «Москва — Сибирь — Тихий океан», обширен, интересен, глубок. Обозрев за столь короткий срок огромные пространства, свои впечатления об увиденном журналисты сложили в один яркий, увлекательный рассказ о современной и завтрашней Сибири. С полос газеты «Известия», где регулярно публиковались материалы о поездке, эти репортажи и статьи встали на страницы захватывающей книги, изданной в максимально сжатые сроки.

Сегодня эта книга как бы фиксирует настоящий день в жизни, в труде сибиряков и дальневосточников. Завтра — через пять, десять, двадцать лет она станет документом, и с пожелтевших ее страниц перед читателем предстанет история.

Ф. ПОКРОВСКИЙ

Москва — Сибирь — Тихий океан. Путевые репортажи «Известий». М., издательство «Известия», 1978, 448 стр.

ВЕЧНО ЖИВОЙ ТАЛАНТ

В Академии художеств СССР, в Москве, состоялся вечер памяти советского скульптора Евгения Викторовича Вучетича, посвященный семидесятилетию со дня его рождения. Вечер открыл президент Академии художеств Н. В. Томский. Он отметил выдающуюся роль великого художника-гражданина, патриота своей Родины, создавшего бессмертные монументы и памятники, в которых нашел воплощение героизм советского народа в годы Великой Отечественной войны. Выступавшие говорили о таких замечательных произведениях, как всемирно известный памятник Победы над фашизмом в Берлине, памятник генерал-лейтенанту Ефремову в Вязьме, Волгоградский мемориал, посвященный Сталинградской битве, аллегорическая композиция «Перекуем мечи на орала!», которая установлена перед зданием ООН в Нью-Йорке. Народное признание получила также созданная скульптором галерея портретов полководцев и славных тружеников нашей Отчизны: ученых, рабочих, писателей — героев мирного созидания.

Фото М. Савина

Войска — последняя опора.

Против нынешнего режима протестуют все слои населения.

ИРАН: ОБСТАНОВКА ОБОСТРЯЕТСЯ

Положение в Иране по-прежнему остается напряженным. Сотни тысяч демонстрантов заполнили улицы Тегерана и других городов страны. Повсюду полыхают пожары. Главные магистрали Тегерана перегорожены баррикадами из автомашин, автопокрышек, вывороченных столбов, бетонных блоков, ящиков, железных бочек.

Экономическая жизнь страны, даже по официальным сообщениям радио Тегерана, практически парализована. Бастуют связисты, железнодорожники, энергетики, горняки, портовики, персонал внутренних и внешних авиалиний. Нефтепромыслы и предприятия нефтеперерабатывающей промышленности не работают.

Волнения в Иране продолжаются уже год. Погибло несколько тысяч человек. Власти ужесточают репрессии. Но ничто не может остановить движение народа.

Шах был захвачен врасплох взрывом народного недовольства. И тогда он применил силу. Репрессии, однако, не решили ничего. Введение военного положения не воспрепятствовало ни забастовкам, ни демонстрациям. И все задают вопрос о будущем. Шах держится за трон.

Вашингтон, как и прежде, вмешивается во внутренние дела Ирана. Американская печать сообщила о выходе в море авианосцев «Констеллейшн» и «Мидуэй», направляющихся к берегам Ирана. В Вашингтоне не исключают, что присутствие авианосцев у берегов Ирана понадобится для «демонстрации мощи», и дают ясно понять, что их, возможно, используют для вмешательства под предлогом эвакуации из Ирана американского персонала, насчитывающего 40 тысяч человек.

Из США в Иран непрерывным потоком прибывают новые партии оружия и различное полицейское снаряжение для разгона демонстраций, в том числе гранаты со слезоточивым газом, «водяные пушки», дубинки, наручники. Национальная буржуазия начинает испытывать страх. Она не возражала бы против компромисса. Но этому намерению противостоит решимость всего народа. Ничто, по-видимому, не в состоянии его остановить, ибо, как заявил корреспонденту газеты «Матэн» лидер оппозиции Карим Санджаби, «нельзя убить весь народ».

Непродолжительные периоды сравнительной либерализации сменялись в Иране более длительными периодами беспощадного военно-полицейского террора. Страна управлялась силой с 1954 по 1960 год и снова с 1966 по 1976 год. Шах ничего не предпринимал, чтобы покончить с режимом террора, включавшего систематическое использование пыток. Тюрьмы были переполнены, и сотни людей казнены.

Шах имеет в своем распоряжении широко разветвленную систему разведки, полицию, жандармерию, гвардию и большой военный аппарат. Он лично контролирует вооруженные силы.

Со времени государственного переворота, совершенного армией ровно 25 лет назад и направленного против Мосаддыка, власть де-факто принадлежала ей. Введение военного положения закрепило де-юре ее функции стража режима. Кроме того, полицейская роль, которая возлагается на нее с тех пор для обеспечения сохранности имперского порядка, дает ей право почти полностью контролировать пружины государственного аппарата.

После государственного переворота 1953 года американская администрация стала предоставлять тегеранскому режиму займы на низких процентах, чтобы он обзаводился американским оружием. С 1953 по 1963 год было предоставлено в форме военной помощи более 600 миллионов долларов. Это побудило начальника иранского генерального штаба сказать в 1962 году сенатору Губерту Хэмфри: «Вы нам дали достаточно оружия, чтобы поставить народ на место, теперь вы должны были бы дать нам больше для борьбы с русскими».

Политическая судьба Ирана имеет решающее значение для интересов Соединенных Штатов. В последние годы шах проявляет готовность использовать свой растущий военный аппарат для вмешательства в дела соседних стран. Шах способствует проведению американской политики в этом районе, избавляя США от необходимости прямого вмешательства.

Экономические интересы Запада не менее важны, чем стратегические соображения. Поставки иранской нефти имеют большое значение для американской экономики. США связывают с Ираном и многочисленные другие общие экономические интересы. Шах хорошо платит за американскую военную технику — ее закупки с 1972 года составили 14 миллиардов долларов. Сотни американских банков и компаний ведут дела в Иране, и их финансовое благополучие во все большей мере определяется событиями в этой стране. Народ требует ухода шаха и его американских покровителей. Боевой дух масс не удается сломить, хотя, следует признать, репрессии сильно дезорганизуют сопротивление; различные течения, борющиеся против режима, сталкиваются с большими трудностями.

Репрессии обрушились в первую очередь и сильнее всего на членов партии Туде. В течение 25 лет они ведут борьбу, находясь в самом глубоком подполье. Партия Туде призывает к союзу антидиктаторские силы страны, рабочих, трудящихся города и деревни, интеллигенцию, а также солдат и офицеров, среди которых кое-кто оказался восприимчивым к влиянию демократических идей.

Существует также течение «левого центра», представляющее интересы национальной мелкой буржуазии, которая самым широким образом представлена в Национальном фронте; эта организация несколько оторвана от масс; у нее есть несколько крупных лидеров, которые, впрочем, не все действуют в одном и том же направлении: если некоторые из них защищают доктрину «органических уступок», другие все более четко отмежевываются от режима.

Более 90 процентов иранского населения принадлежит к шиитской ветви ислама, которая характеризуется утверждением превосходства духовной власти над светской и стремлением к социальной справедливости.

Режим пытается внести раскол в религиозное течение, оторвать его от других антидиктаторских сил. Он стремится также вызвать среди верующих антикоммунистические настроения. В связи с выпадами некоторых мусульманских оппозиционеров против марксистов иранская партия Туде заявляет, что она протягивает руку для борьбы в союзе со всеми национальными силами, в том числе с религиозными.

(По материалам иностранной прессы подготовил В. ДУНАЕВ.)

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

1

«ОГОНЕК»
В НАБЕРЕЖНЫХ ЧЕЛНАХ

1000 КАМАЗОВ СВЕРХ ПЛАНА!

Минувший, 1978 год стал новой знаменательной вехой в истории Камского объединения по производству большегрузных автомобилей. Успешно осваиваются проектные мощности первой очереди автогиганта, строятся новые корпуса, растут жилые массивы автограда. Молодым коллективом с опережением взяты высокие темпы выпуска современных машин. Немногим более чем за два с половиной года с главного конвейера сошло 68 тысяч грузовиков. Усилия автозаводцев, активно участвующих в социалистическом соревновании за повышение эффективности производства и качества работы, перед новым годом увенчались очередной победой — здесь собрали и отправили потребителям сорокатысячный автомобиль марки «КАМАЗ». Это почетное задание выполнили молодые бригадиры Евгений Вареник и Шаукат Хуснутдинов. Оба коллектива борются за приз журнала «Огонек».

Сейчас в целом по объединению в соревновании за призы журнала участвуют свыше 350 бригад основного производства, при этом круг соискателей продолжает расширяться.

Последние дни 1978 года были наполнены заботой по выпуску дополнительно к плану тысячи автомобилей «КАМАЗ». В ту же предновогоднюю пору началась сборка новой модели «КАМАЗ-53212». Этот автомобиль с более удлиненной базой в составе автопоезда сможет поднять на свои «плечи» груз значительно больший, чем его предшественники.

В. АРАКЧЕЕВ,
контрольный пост «Огонька»
на КамАЗе.

На снимке: на главном конвейере.

Фото Дм. Бальтерманца

ДОНЕЦКАЯ ОБЛАСТЬ

2

В СЕМЬЕ ДАНИИЛА НЕСТЕРЕНКО

Каждое утро Прасковья Никифоровна отправляется за несколько километров от своего дома на перегон железной дороги, открытый всем ветрам и не знающий перерыва в движении поездов. Там ее рабочее место. И сейчас, зимой, тоже. В составе одной из лучших на железнодорожном транспорте бригад она ремонтирует стальную колею. Трудится эта женщина наравне со всеми, ни от какого задания не отказывается. Таким был и ее муж, тракторист Даниил Нестеренко. Это о нем Л. И. Брежнев в своей книге «Целина» написал: «За свою жизнь я не раз убеждался, что подлинные герои в обычной обстановке бывают, как правило, скромными, не очень заметными. Они просто и безотказно делают свое дело. Таким был и Даниил Нестеренко, тракторист совхоза «Дальний» Целиноградской области... Немудрящая речка Жаныспайка грозилась, по словам старожилов, разлиться бурно и широко. Пока на ней еще стоял лед, надо было срочно переправить тракторы. Нестеренко помог товарищам провести эту рискованную операцию, а свой трактор повел последним. Но тающий лед, уже покрытый водой, не выдержал...

Когда друзья вынули из воды погибшего, то обнаружили в его кармане удостоверение Героя Советского Союза. До этого никто в совхозе не знал, что рядом с ними работает такой человек. Выяснилось, что звание Героя Даниил Потапович Нестеренко получил за форсирование Днепра».

В домике № 9 по улице Петра Великого в пристанционном поселке редкий день теперь не бывает гостей. Возвращаясь памятью к далеким фронтовым дням, Прасковья Никифоровна рассказывает, как, будучи санитаркой полевого госпиталя, познакомилась в Берлине со своим будущим мужем, доставленным на перевязку после ранения, как они встретились после Победы и трудились на полях и фермах совхоза «Никитовский» в Донбассе; как Даниил Потапович по призыву партии с комсомольской путевкой в кармане поехал осваивать целинные и залежные земли Казахстана. А вскоре за ним отправилась и жена с дочерьми. Привезли они с собой в некогда пустынную степь вишневые саженцы. Только сажал их уже не бывший гвардейский офицер Нестеренко, а его новые друзья из тракторно-полеводческой бригады...

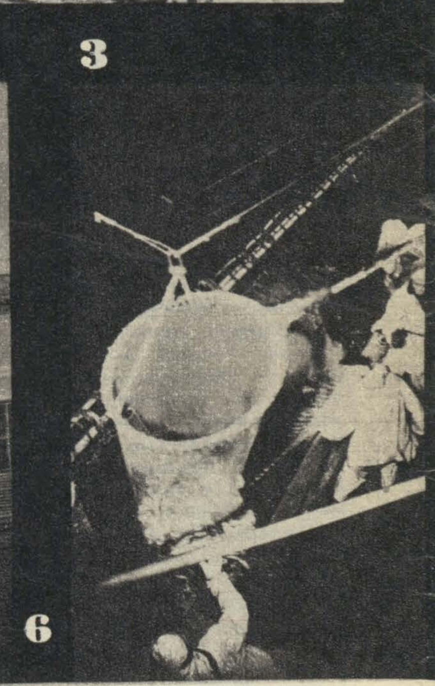
У отважного первоцелинника большая родня. Жена и дочери живут в Дзержинске. Прасковья Никифоровна — монтер пути Константиновской дистанции Донецкой железной дороги. На днях ей вручили общесоюзный знак «Победитель социалистического соревнования 1978 года». Братья Даниила Потаповича — Леонид, Дмитрий и Андрей — работают на Курдюмовском заводе кислотоупорных изделий тоже в Донецкой области; сестры Акулина Потаповна и Раиса Потаповна с 84-летней Улитой Захаровной, своей матерью,— в соседнем Артемовске. Нет в живых отца, Потапа Варламовича. Умер. В 1949 году за выращивание высоких урожаев овощей в том же совхозе «Никитовский» он был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Б. АКСЕЛЬРАД

На снимке:
Прасковья Никифоровна Нестеренко со своими дочерьми Раисой и Галиной.

Фото автора

3

КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА

ИДЕТ САЙРА

...Темная беззвучная ночь висит над океаном. Маленькие юркие кораблики, сияющие серебром осветительных ламп, то скрываются в волнах, то снова выскакивают на гребни, бросаясь навстречу могучему океану. Тысячи огней, неведомо откуда оказавшиеся здесь, посреди океана, чем-то напоминают вечерний город. Свет прожекторов врезается в волны, прячущие от рыбака «океанскую жемчужину» — сайру.

— Вахтенный, играть аврал! — всматриваясь в пятно от прожекторного луча, командует Василий Тихонович Лукaнов.— Ловушку — за борт. Перевести косяк на правый борт.

Рыболовный сейнер «Гремящий» обнаружил косяк сайры и, стараясь не упустить ее, ведет добычу. Ловушка за бортом, и теперь нужно как можно скорее стянуть дно, и тогда рыба твоя. Заводи черпак-каплер и высыпай рыбу прямо на палубу. Так всю ночь.

К утру, взяв хороший улов, «Гремящий» спешит к причалам острова Шикотан. На палубе работа в разгаре. Матросы укладывают сайру в деревянные ящики, аккуратно пересыпая ее льдом. Сейчас главное — сохранить быстро портящуюся сайру, доставить ее на берег и сдать первым сортом.

Берег ждет сейнеры, его комбинаты каждый день перерабатывают сотни центнеров рыбы.

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»

На снимке: ловушка.

Фото автора

4

7

5

4

БАКУ

МИКРОКЛИМАТ ПО ЗАКАЗУ

Более 500 тысяч кондиционеров с маркой БЗБК уже проложили себе маршруты в сто городов одиннадцати республик нашей страны. Дороги бакинских кондиционеров пролегли и на мировой рынок. Выпускаемые на экспорт в тропическом исполнении, они пользуются спросом на Кубе и Кипре, в Турции и Греции, Афганистане, во многих странах Азии, Африки и Южной Америки. Это все кондиционеры первого поколения. А какие агрегаты искусственного климата придут им на смену завтра? Этот вопрос и привел нас в специальное проектно-конструкторское и технологическое бюро бытовых кондиционеров Министерства электротехнической промышленности СССР. С новинками, которые здесь разрабатываются, знакомит руководитель бюро, кандидат технических наук Саид Султанов.

— Сейчас наши конструкторы создают модель бытового кондиционера так называемого раздельного типа. Мастера установят в помещении не весь агрегат, как это делается нынче, а лишь испаритель с вентилятором. Компрессор с конденсатором, вырабатывающим холод, выносится за окно. Такое решение довольно удобно и экономично.

Ведутся работы по созданию кондиционера, который станет работать в режиме теплового насоса, или, как принято говорить, по схеме тепло — холод. Летом его испаритель будет вырабатывать холод, а зимой — тепло. При одинаковом потреблении энергии в сравнении с бытовым электрокамином такой кондиционер станет давать в три раза больше тепла.

И последняя новость: наши конструкторы начинают проектировать миниатюрные кондиционеры для легковых автомобилей.

Г. ПОГОСОВ
Фото автора

На снимке: главный конструктор проекта А. Голянд (справа) и ведущий конструктор С. Алиев у кондиционера марки БК-1500.

5

КАЛИНИНГРАД

ПУШНИНА НА ПОТОКЕ

В павильоне «Пушное звероводство и кролиководство» ВДНХ СССР на световом стенде запечатлен торжественный момент: директор зверосовхоза «Прозоровский» Калининградской области Г. М. Зафрен принимает переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, присужденное коллективу за успешное выполнение девятой пятилетки. Уже сегодня по таким экономическим показателям, как прибыль, рентабельность и производительность труда, совхоз достиг уровня 1980 года.

Мы побывали в совхозе «Прозоровский» и взяли короткое интервью у его директора коммуниста Гарри Мариевича Зафрена, который трудится здесь с 1965 года.

— Вряд ли стоит говорить, что норка высоко ценится во всем мире,— сказал Гарри Мариевич.— Благодаря прочности и высоким теплозащитным свойствам густого шелковистого меха этот хищный пушной зверек стал основным объектом клеточного пушного звероводства в СССР и за рубежом. У нас в совхозе широкое развитие получило цветное норководство. Наряду с обычными темно-коричневыми и черными появились норки голубые, серые, пастелевые, жемчужные и даже сапфировые. Такие шкурки пользуются особым спросом и ценятся дороже.

В нашем хозяйстве сейчас более 20 тысяч самок норки. В нынешней пятилетке совхоз получает ежегодно в среднем около 90 тысяч голов молодняка. В совхозе самая высокая по стране норма обслуживания норок одним рабочим — 370 самок с приплодом.

Механизация в звероводстве — дело сложное. К тому же норка — зверек капризный. Раньше кормить и поить ее приходилось вручную. Теперь на смену ведерку с кружкой пришли кормораздатчики, подвесные дороги и другая техника. Производительность поднялась в полтора раза.

Разработка и внедрение нового типа кормления позволили снизить себестоимость шкурок на 25 процентов в сравнении со средними показателями других хозяйств РСФСР.

Недавно Гарри Мариевич защитил кандидатскую диссертацию на тему «Рационализация структуры типовых рационов для норок».

Г. ГОЛЬШТЕЙН

6

ДОМ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

КРАСНОЯРСК

Это здание построено в живописном уголке Красноярска. Его окружают березы, воздух здесь чист и прозрачен, по соседству студенческий городок. Этот дом станет одним из центров культурно-массовой работы. Здесь — выставочный зал для показа научно-технического творчества молодежи, большой спортивный зал, гостиница, библиотека, молодежное кафе...

И. КРАВЧЕНКО
Фото автора

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

7

МОСКВА

ЗДРАВСТВУЙ, ЗИЛОВСКАЯ СКАЗКА!

В канун Нового года Дворец культуры ЗИЛа подготовил массовый театрализованный праздник «Олимпийское время остановить нельзя!». Художественный руководитель и главный режиссер представления, являющийся и автором сценария, интермедий, песен, Евгений Михайлович Пичуев рассказал:

— Представление начинается массовым выступлением: звучит спортивный фанфарный марш, и на площади перед дворцом выступают юные фигуристы, танцевальный ансамбль, спортсмены... Торжественный приезд Деда Мороза и Снегурочки украшают мастера-пиротехники. В этом нам помогает дружащий с ЗИЛом коллектив киностудии «Мосфильм». Ребята видят «приход» предолимпийского года, слышат рапорт спортсменов завода об участии в предстоящих Спартакиаде народов СССР и Олимпиаде-80. Затем выступают победители летних видов спорта, капитаны команд, призеры спортивных игр, победители викторин...

Красочное представление станет достоянием детей автозаводцев, многочисленных рабочих делегаций нашей страны и других стран. Исполнители — артисты Московской эстрады, среди которых хочется отметить Лидию Боровикову и Юрия Гомозова, выступающих четырнадцатый год подряд в ролях Снегурочки и Деда Мороза. Участвуют также коллектив объединения «Цирк на сцене», наша заводская самодеятельность.

Наше новогоднее представление — сказка со свойственной жанру спецификой — волшебством, веселой музыкой, всевозможными превращениями — вместе с тем ненавязчиво напоминает ребятам о значении спорта в их жизни, поскольку в недалеком будущем им предстоит принять спортивную эстафету от старших товарищей во славу любимой Родины.

З. ОБУХОВ
Фото Г. Розова

НИКОЛАЙ ПОНОМАРЕВ

Владимир ГОРЯИНОВ,
секретарь правления Союза художников СССР

Николай Афанасьевич Пономарев — один из крупнейших советских художников. Его поколение прошло через войну и познало великую радость Победы. Пламя войны опалило и еще сильнее обострило в нем чувство красоты, жажду творчества. Умение взглянуть на окружающий мир глазами художника-гражданина — удивительный дар Н. А. Пономарева. Дар, определивший неповторимый, своеобразный характер его искусства.

Он всегда отдает предпочтение прежде всего графике, рисунку, то есть тому виду изобразительного искусства, в котором наиболее очевидно движение руки художника, живой процесс творчества. Его влечет завораживающая белизна бумаги, на которой немногие линии вдруг открывают безбрежность пространства, богатство оттенков светоносной атмосферы, сложность и многообразие пластических соотношений фигур и предметов. Графика Пономарева немногословна, и передано ею всегда самое главное, самое существенное. Поэтому листы мастера так богаты внутренним содержанием, так сильно и точно передают эмоциональное состояние, так глубока психологическая мотивировка образов.

Н. А. Пономарев вошел в советское искусство в первые послевоенные годы вместе с группой молодых и талантливых художников. И в известной степени можно утверждать, что их творчество определило важный рубеж в развитии советской графики, открыло ее новую страницу. Им предстояло искать свои пути тогда, когда в нашем искусстве сложилась и успешно развивалась богатая графическая традиция, связанная с именами Фаворского, Лебедева, Конашевича, Митрохина и многих других. Богатый опыт, накопленный к этому времени, с одной стороны, давал творчеству молодого мастера прочную базу высокой художественной культуры, с другой — ставил перед ним задачу большой сложности: найти свой изобразительный язык, который позволил бы выразить мысли, чувства, убеждения, с которыми он вышел в самостоятельную творческую жизнь. Его дебют оказался в высшей степени удачным.

МАНДАРИНОВОЕ ДЕРЕВО.

Сразу после войны, собирая материал для диссертационной работы, Н. Пономарев приехал в город Шахты. Он выбрал этот город не случайно: родился здесь и хорошо знал людей, их нелегкий труд. Теперь, вглядываясь в них глазами художника, открывал все новые и новые черты характера своих героев: их мужественность и доброту, смелость и какую-то особую доброжелательную силу. Именно тогда сложилось убеждение, что важно не изображение самого сюжета, но выражение пластическими средствами главного — содержания образа. Причем образ этот должен развиваться во времени, охватывая все стороны явления.

Сначала появилась серия листов «Донбасс восстанавливается», а затем — большой цикл «Шахтеры Донбасса», ставший его диссертацией в Суриковском институте. За эту работу художник был удостоен Государственной премии СССР. Редчайший случай, очень многое говорящий о творческих возможностях молодого мастера.

Характерная для Н. Пономарева изобразительная манера сформировалась довольно быстро. Собственно говоря, уже в рисунках, посвященных Донбассу, большую роль стали играть линия, композиционная ритмичность, передача воздушной среды.

Графика — очень сложный вид изобразительного искусства. Штрих, линия всегда остаются первоначальными, основополагающими элементами художественного творчества. Они многозначны, выразительны, и поэтому никакие формальные ухищрения не восполнят приблизительность в построении предмета, в пространственных соотношениях. И не случайно именно рисунок во многом определяет уровень мастерства.

Н. Пономарев рассматривает самую фактуру листа как активный элемент изображения среды, в которой фигуры и предметы, обозначающие планы, намечены гибкой, выразительной линией, подчеркивающей насыщенность изображенного пространства светом. В этом случае он доверяется творческой фантазии зрителя, который должен как бы следовать движению руки графика, создающего форму в пространстве, почувствовать органичное единство предмета и воздушной среды. Тонкая одухотворенность линии, прозрачность и светоносность воздуха в рисунке оказались близкими поэтическому темпераменту художника.

Одна из особенностей творчества Николая Афанасьевича заключается в том, что образная система его произведений не ограничивается той или иной серией. Она развивается последовательно от листа к листу, обогащается по мере того, как художник открывает для себя новые сюжеты, получает новые впечатления. Он как бы ищет связь времен, фиксирует в изобразительном пространстве свое понимание и ощущение времени.

Так, например, произошло с его наиболее известными графическими циклами «О людях Советской России», «Северный Вьетнам», «Паруса Подмосковья». Когда художник приехал в маленькую деревушку в дельте Волги, его прежде всего заинтересовал пейзаж: пронизанный солнцем воздух, блики воды, тишина волжского простора. Но по мере того, как он знакомился с живущими здесь людьми — рыбаками, их семьями,— их образы стали для художника главным стержнем, определяющим отношение и к природе и к жизни. Начали вырисовываться листы, посвященные этим людям, живущим, по выражению художника, «как птицы на ветру». И снова — поиски пластических и изобразительных средств, которые могли бы раскрыть содержание образа, органичное единство людей и природы. В красоте линии, цвета, строгой отточенности ритмов — красота людей, поэтичность судеб, глубина характеров.

Те же мотивы нашел художник в совершенно иных условиях: в Северном Вьетнаме. Произошла удивительная перекличка образов, объединенных единством поэтического мировосприятия мастера.

Серия «Северный Вьетнам» была для него программной. В 1959 го-

Н. Пономарев. Род. 1918. УТРО. РЫБАЧКА. 1964.

Н. Пономарев. СИНИЙ ПАРУС. 1969.

ду он побывал в этой стране, и вскоре на выставке появились первые созданные там работы. Я не думаю, что сам характер вьетнамских пейзажей с их влажным воздухом, мягкими очертаниями гор и мерцающей водой лагун повлиял на его творческую манеру. Скорее наоборот — в них он нашел идеальное созвучие своим художественным устремлениям.

Хотя большая часть этих листов выполнена в технике гуаши, пастели или цветной автолитографии, цвет в них выступает лишь в роли своеобразного лирического лейтмотива. Он главным образом способствует созданию насыщенной светом воздушной среды, как бы растворяющей фигуры и элементы пейзажа — легкие, по-особому изящные, а в результате — передает единую радостную и поэтическую атмосферу. Этим ощущением проникнуты и образы людей. Пономарев прежде всего увидел в них ту красоту, которую может дать человеку только подлинная свобода. Их движения, жесты, фигуры — все естественно входит в удивительную гармонию с природой.

В этой серии мы уже имеем дело с окончательно сложившейся системой изобразительных средств, полностью соответствующих поставленной художником задаче. Дальнейшая эволюция идет по пути отбора наиболее законченных, наиболее выразительных элементов художественного языка. Это наглядно прослеживается и в новой серии работ о Вьетнаме, и в серии рисунков «По Индии», созданной в шестидесятые годы, в пейзажах Подмосковья, в серии «Рыбаки» и других.

Рисунки Н. Пономарева делаются все более лаконичными. Композиционное построение начинается с главного пластического элемента, привлекшего внимание художника какими-то особенностями. Это может быть и необычная для нас форма деревенского колодца в Индии или парус яхты, проплывающей между деревьями, или почти статуарная группа восточных женщин, несущих кувшины с водой, или просто густая крона сосны. Второстепенные детали подчеркивают и усиливают главную композиционную идею: ритм, пространственное развитие пластики, движение линии на плоскости, равновесие частей. И возникает ощущение насыщенной воздушной среды, движения солнечного света, прозрачности тени, мягкой цветовой гармонии,— даже если рисунок черно-белый. Всего этого художник добивается очень точным размещением фигур и предметов и особой динамичностью, живописностью линии, которая то напрягается и усиливает движение, то ослабевает, как бы растворяясь в освещенных участках пространства.

Особенность такого рода рисунков в том, что они своим лаконизмом как бы настраивают зрителя на активное творческое мышление. Художник не изображает всего, он не все в композиции договаривает до конца, но зритель реально представляет себе за синим парусом — простор реки, свежесть ветра; в мерном ритме движения водоносов — иссушенный солнцем пейзаж; за фигурой рыбака — образ бескрайнего моря и движение судна. Мне кажется, что именно в этой недоговоренности — особое очарование работ Пономарева, а в необходимости для зрителя додумывания, сопереживания — радость подлинного познания искусства.

И хотя Николай Афанасьевич реже обращается к живописи, его достижения и в этой области весьма значительны. Созданные им натюрморты и портреты всегда отличают тонкость цветовых отношений, поэтическая гармония. Художник выбирает обычно незамысловатые сюжеты, но наполняет их особым эмоциональным зарядом, благодаря которому краски начинают звучать, кажутся драгоценными, а каждый элемент композиции приобретает почти символический смысл. Умение наполнить пространство цветом, точно соразмерить насыщенность колористической фактуры придает этим картинам особую красоту и очарование. Причем в отличие от импрессионистического «минутного ощущения природы» художник ищет длительное, устойчивое состояние.

В последние годы у Н. А. Пономарева все чаще появляются весьма своеобразные рисунки. Выбирая самый простой мотив — деревья, корни, ветви,— он стремится в прихотливости их форм найти пластические закономерности. Изобразительный язык рисунков художника отличается большой индивидуальностью. Однако поиски выразительных средств никогда не были для него чисто формальной задачей. В них ясно проявляется характер мироощущения мастера. Жизнеутверждающая красота человека и природы — главное содержание его работ. Она не декларируется, но постоянно утверждается им в изяществе линий, музыкальной отточенности ритмов, прозрачной чистоте цвета.

В этой красоте, в умении увидеть и выразить ее — воплощение любви к человеку, к жизни, одно из величайших достоинств Н. Пономарева, народного художника СССР, академика, депутата Верховного Совета СССР, лауреата Государственной премии СССР, внесшего большой вклад в отечественное искусство.

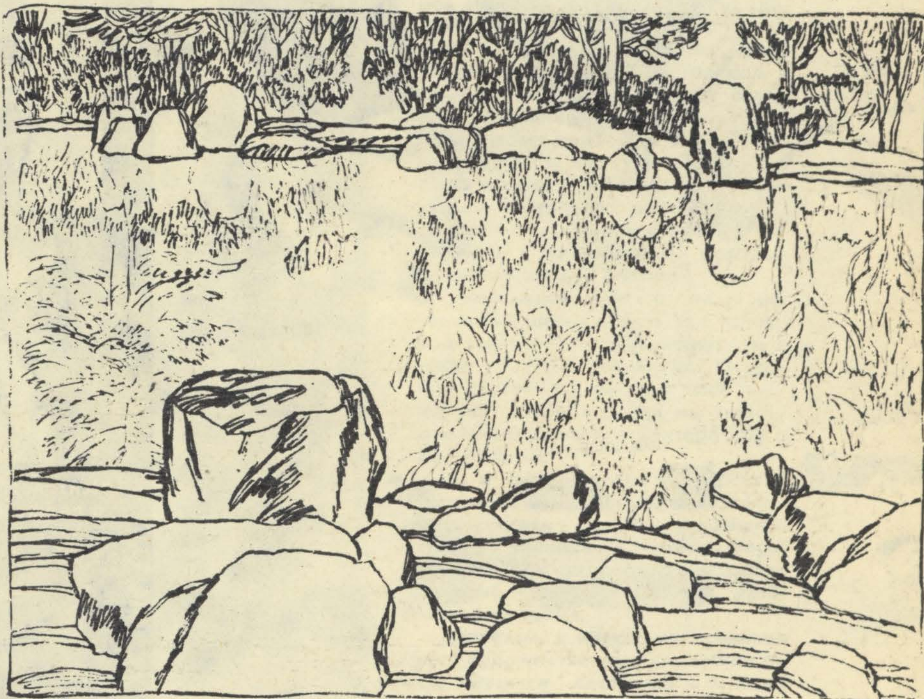
Творческая судьба художника складывалась удачно. Среди его учителей были такие замечательные мастера, как К. Истомин, С. Герасимов, Д. Моор. Он работал в Суриковском институте вместе с выдающимся советским художником М. Черемных. Многолетняя дружба связывала его с Александром Дейнекой (их мастерские находились рядом) и многими другими деятелями советской культуры.

Н. Пономарев был еще студентом, когда весной 1945 года его направили в Германию, где он с группой специалистов участвовал в спасении шедевров Дрезденской галереи. Он не может забыть тех удивительных дней в маленьком городе Пильнице, куда привозили чудом спасенные произведения. Много лет спустя, каждый раз приезжая в Дрезден, художник идет к ним, как к старым знакомым, с гордостью осознавая, что есть частица и его труда в том, что они продолжают жить.

И это глубоко символично: шедевры мировой живописи, с которыми судьба свела молодого художника в начале творческого пути, навсегда определили его отношение к высокому искусству. Именно это отношение так ярко проявилось в работах Н. Пономарева, которые недавно с успехом экспонировались на его персональных выставках в Болгарии и Японии и вызвали всеобщий интерес своей любовью к жизни, к человеку.

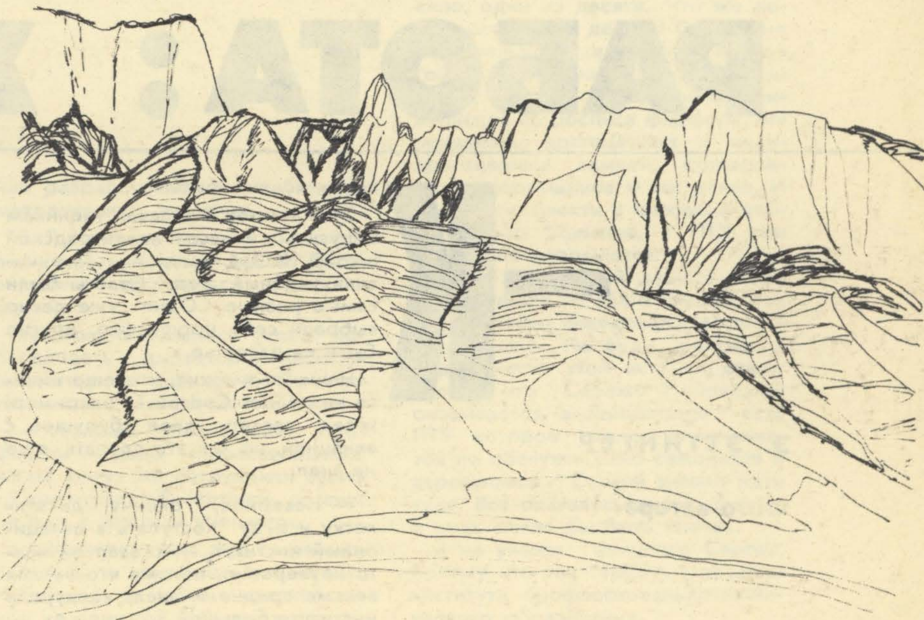

ПОРТРЕТ ИРЫ.

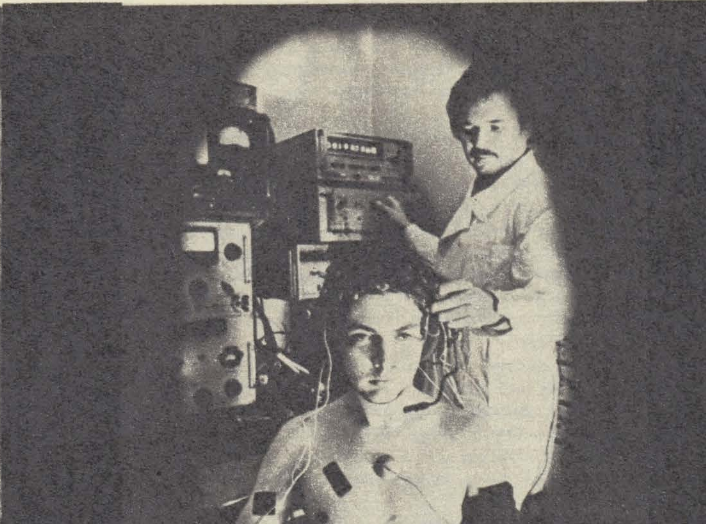
ИЗ СЕРИИ «ПО ЯПОНИИ». САД.

ИЗ СЕРИИ «ПО БОЛГАРИИ». КАРЛАНОВА.

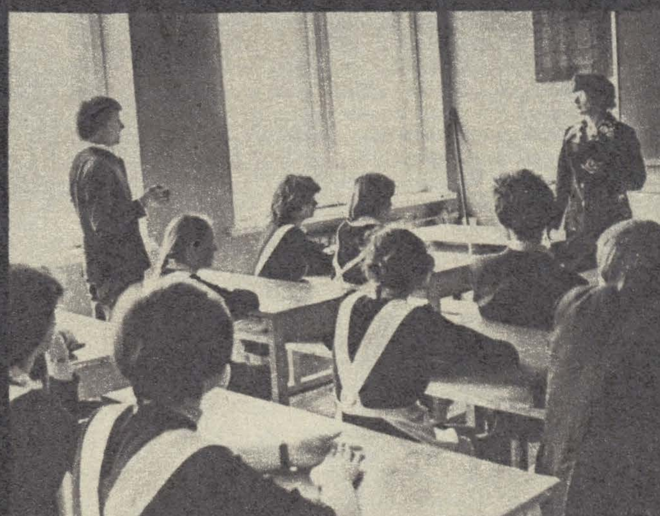

Учащаяся ПТУ Наташа Тихомирова обучается живописи по фарфору.

Комплексные психофизиологические исследования проводит кандидат биологических наук Василий Алексеевич Цаун.

Психолог института Наталья Федоровна Гейжан беседует о профессиях.

Заведующая кабинетом профтехориентации Елена Михайловна Дворкина и ученица 8-го класса Яна Зайцева: «Может, вместе выберем профессию!»

РАБОТА: ЖЕЛАНИЕ И

Э. ЭТТИНГЕР

Фото автора

— Кем ты хочешь быть?

Этот вопрос я задавал ученикам выпускных классов ленинградской школы № 354, когда они заканчивали учебный год. Ответы были самые разные. Одни уже давно выбрали себе профессию, другие были на распутье.

Нашлись и такие, кто еще ничего не решил. Сергей Т., например, хотел связать свое будущее с авиацией, но как это сделать, еще не знал.

— Наверное, окончу десятилетку и буду поступать в авиационный институт, — сказал он както неуверенно, потому что учился весьма средне и знал: конкурс в институте большой.

— А что будешь делать, если не попадешь в институт?

Он развел руками: впереди еще два года... а в авиацию хочется.

На следующий день в школу должен был прийти сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института профессионально-технического образования, кандидат педагогических наук В. Г. Каневец. Накануне я беседовал с ним в его лаборатории.

— Случай с Сергеем Т. очень типичный, многие ребята понятия не имеют, как подступиться к той профессии, которая их как будто бы привлекает. Для того, чтобы помочь школьнику, и создан наш институт.

Родители обычно хотят видеть своих детей в институтах. При этом выбирается только один путь: десятилетка—вуз. Часто во внимание не принимаются склонности и желания сыновей и дочерей.

И вот результат: школьник под нажимом родителей с трудом, но без всякого желания поступает в институт, оканчивает его, становится посредственным специалистом или меняет профессию, не считаясь с тем, что государство потратило на его образование большие средства.

А еще чаще бывает так: выпускник, не попав в институт, устраивается на случайную работу и ждет удачи на следующий год. Но проходит год, история повторя-

Закончен эксперимент. Кандидат педагогических наук В. Г. Каневец рассматривает данные, полученные на ЭВМ.

Мастер завода «Электропульт» Борис Михайлович Зайтов знакомит ребят с производством.

ПРИЗВАНИЕ

ется, и разочарованный молодой человек идет служить в армию. Профессию он получит с опозданием в несколько лет.

А почему бы не поступить так: не попал, например, в кораблестроительный институт — ищи себе работу на судостроительном заводе учеником сборщика или сварщика! Одновременно можно учиться на подготовительных курсах в институте. При этом варианте легче разобраться в избранной специальности. Очень важно, чтобы выбор профессии с самого начала не был случайным.

— Скажите, а не может случиться так: вы приходите в школу, агитируете ребят избрать какие-то специальности, а потом оказывается — не то?

Вячеслав Георгиевич улыбается:

— Мы никого не агитируем. Надо подвести человека к самостоятельному выбору специальности, я подчеркиваю — к самостоятельному.

В кабинете раздался телефонный звонок.

— Это из Дзержинского района, просят приехать, — говорит Вячеслав Георгиевич. — У нас в каждом районе созданы специальные кабинеты профориентации, они ведут большую работу в школах с учениками, педагогами и даже родителями. Данные, полученные в кабинетах, стекаются в институт, а институт на их основании разрабатывает для кабинетов методические указания.

В. Г. Каневец извинился — надо ехать в Дзержинский район. Договорились встретиться завтра в школе.

Мне очень хотелось успеть побеседовать с директором института доктором педагогических наук Николаем Ильичом Домченко.

— Николай Ильич, выбор профессии — дело индивидуальное, но не могут же сотрудники вашего института побеседовать, да еще не раз, с каждым учеником.

— Конечно, нет. Мы стараемся работать в контакте с учителями. Наблюдая за своим воспитанником не один год, педагог знает характер, темперамент, меру усидчивости, увлечения каждого ученика. Нашим институтом разработаны специальные анкеты-опросники, которые помогают условно разделить всех ребят на категории. Ведь каждому типу людей подходит определенная группа профессий. Допустим, человек необщительный, замкнутый, легко ранимый в разговоре, возбуждающийся из-за каждой мелочи — он явно окажется не на месте за прилавком магазина или у руководства бригадой на заводе. Хотя он и будет справляться со своей работой, иногда сдерживая себя, но, как показали исследования, человеку такого типа трудно постоянно быть в контактах с людьми, он обречет себя на большие нервные перегрузки. А человек общительный, наоборот, справится с этой работой легко, без напряжения. Школьник, выбирая профессию, может о таких «мелочах» даже не догадываться, а исправить ошибку позже очень трудно. Примеры же несовместимости профессии с характером, к сожалению, встречаются постоянно.

Распространяя среди выпускников анкеты-опросники, мы убедились: большинство из них поступают в вуз, не представляя, какие трудности их ожидают. Толчком к выбору профессии служат отрывочные знания, красивые кадры в кино и тому подобное. А разговор о будущей профессии должен вестись не раз и не два, нужно знакомить не только с внешней, всегда привлекательной стороной дела, но и с трудностями, которые неизбежно ждут впереди.

Школьников чуть ли не с начальных классов знакомят с производством. Проводят экскурсии в институты, ПТУ, техникумы. Основной контакт со школьниками имеют учителя — для них мы подбираем специальную литературу о профессиях.

Но и тогда, когда подросток твердо выбрал будущую профессию, учитель должен расширить знания ученика в этой сфере. Практически он соучастник выбора наиболее подходящего учебного заведения.

Допустим, у какого-то мальчика есть художественные способности. Он пытается поступить в Высшее художественно - промышленное училище имени Мухиной. Но его способности развиты недостаточно, а требования к абитуриентам в этом вузе очень высоки, поступает сюда, как правило, один из десяти. Что же делать остальным девяти? Совсем не обязательно искать что-то в другой области. Существуют ПТУ, которые готовят декораторов, живописцев по росписи фарфора, огранщиков драгоценных и полудрагоценных камней, столяров-краснодеревщиков и так далее. И если способности у человека действительно большие, в ПТУ они наверняка разовьются.

...На следующий день я опять был в школе № 354 и слушал, как В. Г. Каневец беседовал с восьмиклассниками. Не буду описывать подробности этой встречи, скажу только, что Сереже Т. повезло: оказывается, в Ленинграде есть ПТУ, которое готовит специалистов по обслуживанию самолетов и аэродромов. Сергей решил идти туда. Все оказалось очень просто, а ведь могло бы быть иначе...

Я не указал фамилию Сергея, потому что так требуют правила института профессионально-технического образования.

БАШКИРСКО

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Эрнст САФОНОВ

Снова побывал в знакомых мне местах на северо-западе Башкирии и снова, как прежде, любовался пригожим видом здешних деревень. Дома тут ставят высокие, просторные, они смотрят на проезжую дорогу веселыми — в резных узорных наличниках — окнами. Почти на каждом ухоженном подворье своя аккуратно срубленная баня-пятистеночка и хоть маленький, но обязательно сад — с яблонями, вишнями, смородиновыми кустами. По утрам — даже летом — вьются над крышами кудрявые дымы: это хозяйки пекут хлебы, и густой, ни с чем не сравнимый запах свежевыпеченного хлеба плывет над округой.

Тоже ведь примета! На полках магазинов в достатке румяных, хорошо пропеченных буханок из пекарни, а все равно в какой бы дом ни зашел — на столе пшеничный каравай из собственной печи. Круглый, золотистый, от которого не отрежешь стандартного кусочка, а непременно ломоть или аппетитную горбушку! И не то что одни старухи привычки ради занимаются домашним хлебопечением— и молодые, комсомольского, что называется, возраста женщины, недавно выпорхнувшие из-под родительского крыла, только начинающие самостоятельную семейную жизнь. Причем неважно, кто из них где работает на селе: доярка ли она, учительница, продавец сельмага, агроном ли. Ревниво, негласно соревнуются меж собой в этом искусстве. По тому, какой хлеб в семье, судят о домашнем умении хозяйки, о самом доме.

Когда же еще видишь, как из ладных, осанистых ворот шумно высыпают на широкую улицу стайки детей — их много в деревне,— сама по себе приходит мысль об основательности, скажем так, местной жизни, ее прочности, о том, что здесь в колхозах люди очень привязаны к родной земле.

В этих краях, несмотря на их удаленность от железной дороги и больших автострад, крепки, в хорошей силе колхозы. Уже много лет как бы ни испытывала терпение земледельцев природа, то ударив внезапной засухой, то жесткими заморозками средь зеленой весны, тут не знают, что такое неурожаи, зерновых с гектара берут не меньше двадцати, а коли суровых помех не случается — все тридцать — тридцать пять центнеров. Так же посовременному грамотно, с размахом и выгодой развивают животноводство. Одно хозяйство откармливает тысячи бычков на мясо, другое выращивает телочек для дойного стада всего района, у третьего — чисто молочное направление...

И всюду кони. К ним любовь тут исстари. Они под седлом, в легкой упряжке, косяками в степи. Мощные машины, в иной из которых по семьсот лошадиных сил дизельного свойства,— сами по себе, а кони, в каждом из которых лишь одна живая сила,— тоже сами по себе. Умные и благородные, они равнодушны к яростному машинному грохоту и асфальтовому покрытию дорог, однако не забывают, что такое седок в стременах или поскрипывание тележных колес за спиной. Тут конь попрежнему верный друг и помощник человека. И как бы ни «теснила» техника коня в наш век прогресса, ему стараются найти место и полезное занятие. А летом, в пору буйного цветения и созревания трав, заезжего гостя попотчуют пенистым, остро бьющим в нос богатырским напитком, приготовленным из кобыльего молока,— кумысом.

Резвый мускулистый жеребенок красиво и привычно смотрится на фоне движущихся тракторов, а здешние дома (избами их не назовешь!), вытянутые в ровные, опрятные улицы, нерасторжимы со всем тем, что вокруг,— с неоглядными, умело спланированными полями, вековыми дубравами, бегущими к реке Белой, с тихим небом в теплых облаках или в зависимости от погоды затянутым синей осенней наволочью, снежной белизной. Это село, сохраняющее и уважающее все свое сельское, свой уклад, вместе с тем нетерпеливо и уверенно вбирающее в себя новизну современности.

Ее приметы не только в телеантеннах над каждой крышей, не только в том, что парни тут любят джинсы в обтяжку и на полевом стане запущенный на всю громкость джазовый шлягер из переносного магнитофона перекрывает гул моторов... Приметы глубже. Они в том, что устоявшийся облик принарядившихся деревень получает все новые и новые краски, обогащается иным, приближающимся к городскому содержанием. Колхозы модернизируют свои отрасли с оглядкой на промышленный опыт, опираясь при составлении перспективных планов на трех могучих «китов»—специализацию, концентрацию, межхозяйственную кооперацию. И растут, тесно окружая деревни, не прежние приземистые фермы, а внушительные корпуса сельскохозяйственных предприятий — по производству в больших количествах мяса, молока, яиц. Возле них, как спутники, монтируются кормоцехи, способные обеспечить многотысячное поголовье комбикормами, сенной мукой, гранулированными питательными добавками, обогащенным калорийными «стимуляторами» фуражом. А в небо вздымаются далеко видимые издали, как когда-то купола храмов, серебристые конструкции обтекаемых башен-хранилищ для сена и силоса. В штатных расписаниях колхозов значатся теперь операторы, лаборанты, технологи, наладчики...

Это не только в Башкирии. Но здесь тоже.

И здесь, как доводилось мне наблюдать в других краях, ловят на сельских пригорках солнце широченными окнами-витринами построенные колхозами Дворцы культуры, школы-десятилетки, торговые центры, административные здания. Будто большие корабли, ведут они за собой в просторном море равнинных полей флотилии одноэтажных деревенных улиц. И когда в разговоре одобрительно заметишь, что новостройки умело привязаны к местности, с учетом ландшафтных особенностей, в ответ услышишь: «А как же... застраиваемся строго по генплану!»

Всесильный генплан, разработанный архитекторами, пресек былую сельскую вольницу — выбирать площадку для застройки на глазок, не очень-то заботясь, что и где придется строить завтра. И, понятно, дает о себе знать большая нужда в стройматериалах, толковых типовых проектах, в строителях. Деньги-то есть, да не всегда пока условия позволяют развернуться, как хотелось бы.

В колхозе «Победа», Дюртюлинского района, где издавна бок о бок живут объединенные общими заботами башкиры, татары, русские, марийцы, в короткий срок вырос, как его тут называют, торгово-бытовой и культурный центр. Дом быта и торговли, Дом культуры, средняя школа, другие здания, каждое из которых — по своей отделке, элементам монументальной росписи — свидетельствует о вкусе, культуре колхозных строителей и, разумеется, их главного «прораба». Имею в виду колхозного председателя Хависа Мирзаяновича Каюмова, делегата XXV съезда партии, руководителя дальновидного, с опытом, чуткого к требованиям и подчас круто меняющимся запросам времени. На строительстве все проходит через него, большое и малое. Впрочем, малого, пожалуй, нет: для председателя одинаково важно, на каком проекте остановить выбор и как разместить в фойе светильники, какого цвета и рисунка должен быть в зале занавес и чем можно оживить интерьер вестибюля...

Колхоз — дело его жизни. Когда-то он пришел сюда молодым, с партийным поручением и собственным горячим желанием как можно скорее вытащить хозяйство из долгов, неурядиц, поднять в людях пошатнувшуюся веру в иную, чем была у них, жизнь. Принял кассу пустой, а теперь одних прибылей (чистого дохода!) ежегодно имеют по полтора-два миллиона. В нынешнюю уборочную самый высокий в районе урожай пшеницы с озимого клина взяли — по 55 центнеров с гектара. Все деревни колхоза, вечно страдавшие от бездорожья, связаны сегодня насыпным грейдерным большаком с надежным покрытием. Овраги перегородили плотинами — теперь тут пруды, полезные водохранилища: зарыблены, дают воду для орошения. А при въезде на центральную усадьбу, в Старо-Янтузове, бросается в глаза оригинальное сооружение — словно игрушечный, уменьшенных размеров зáмок с высокой, тоже из кирпича четырехугольной башней, горделиво вознесенной над округой. Это всего-навсего пожарное депо с каланчой.

— Первая наша «бытовая» новостройка,— с улыбкой, в привычной для него шутливой манере пояснял Каюмов.— На большее тогда не могли размахнуться — красивую башню поставили!

Вот-вот, не просто пожарный сарай, а уж если строишь, чтоб это красиво было и надолго, чтоб служило украшением селу и сегодня и завтра. Таков принцип Каюмова. И еще при этом вот что: соблюдая красоту, не забывать про «пользу»...

Например, при Доме культуры, как крыло его,— отличный спортивный зал. Рядом возводится школа, и в ней по проекту — тоже спортзал. Но ведь в ДК в дневные часы, когда взрослая молодежь на работе, он пустует, и зачем, спрашивается, два одинаковых спортивных помещения в десятке метров друг от друга? И школьное здание без нарушения целостности ансамбля составляет теперь часть его — «привязывается» крытым, фундаментальным переходом к спортзалу Дома культуры. В школе же «спортивное» крыло отводится под классы производственного обучения, которые колхоз полностью оснащает необходимым техническим оборудованием — вплоть до нового, последней модели трактора. Ребята с этого учебного года начинают здесь, под школьной крышей, осваивать профессию механизатора, другая группа станет заниматься по программе «механизация животноводческих процессов». Пусть не все учащиеся потом останутся в селе, да и необходимости такой сейчас уже нет, зато оставшиеся придут на поле и фермы с основательной подготовкой, зная, какая работа их ждет. И другое они знают: будет желание учиться дальше — колхоз охотно направит каждого из них своим стипендиатом в ПТУ, техникум, институт.

Каюмов видит в школе ту неиссякаемую силу, которая обещает хозяйству постоянную

Е ПОЛЕ

молодость. Поэтому сам он не просто частый гость в школе, а заинтересованный в ее делах соратник и помощник педагогов. Поэтому тут школу отечески опекают всем колхозом, и на вновь заложенной улице одна из самых первых колхозных новостроек — жилой кирпичный дом в несколько квартир для учителей...

Причем нельзя говорить о колхозе «Победа» как о хозяйстве образцово-показательном. Расположено оно в самой что ни на есть башкирской глубинке, вдали от шумных автотрасс, в двадцати километрах от районного центра. Есть колхозы хуже, есть лучше «Победы», но одно бесспорно: в Старо-Янтузове крепко живут и умело хозяйствуют сегодня, эту свою жизнь строят с мудрым прицелом на завтра, и тут уже многому можно поучиться.

В «Победе» первоклассный механизированный ток, система его технологических линий способна подрабатывать зерно любой влажности и засоренности. В дюжих грузчиках и женщинах с метлами и совками, как бывало, нужды нет. Погрузочно-разгрузочные операции выполняются только машинами, а все управление током происходит с пультов — нажатием кнопок. И, что важно отметить, во время уборки хлеб с полей поступает лишь сюда: ток с его автоматикой и мощностями способен принять и без задержки пропустить через себя весь громадный сбор колхозного зерна.

В этом тоже принцип Каюмова. Он говорил мне:

— Хлеб не должен распыляться по разным токам, временным площадкам. Хлеб не должен терпеть неудобства. Слишком дорогая цена ему... Не в рублях, конечно, как сами понимаете!

Я был в Дюртюлинском районе и в пору уборки. Страда здесь проходила, как всюду в прошлом году: из-за холодной весны и мокрого лета запоздала недели на две. И уже комбайны вышли на поля, а дожди не переставали гвоздить. То ливневые, то нудные, мелкие, с «передышкой» всего на два-три денька, чтобы потом зарядить с новой силой. Редко какие сорта колосовых выстояли, не полегли, как, допустим, озимая рожь «чулпан», выведенная в БашНИИ сельского хозяйства — с жестким, упрямо не поддающимся ветрам и переувлажнению стеблем. И тем не менее и пшеница и рожь с ячменем все равно радовали! Своей тучностью, крепким, полновесным колосом. Первые контрольные обмолоты показывали по 25—30, а на иных массивах — по 35—40 центнеров с гектара.

Трудная задача была — не растеряв, собрать все зерно в ненастье, под дырявым небом. И дюртюлинцы, разработавшие стратегию уборки с учетом плохой погоды, справились с задачей достойно. Жатва, несмотря на вынужденное замедление в темпах, проходила уверенно, с тем рабочим спокойствием, которое достигается тщательной, заблаговременной подготовкой всех наличных сил, продуманностью всех действий.

И вот что примечательно (тоже примета дня!..), в поездках по тамошним колхозам я вдруг обнаружил, что с поля исчез издерганный, с небритым лицом, перехлестнутым от раздраженного крика голосом человек, который, помним, раньше был едва ли не обыкновенен, имел причины громогласно ругать не одну «небесную канцелярию», а еще и нерасторопное «начальство» свое, застрявших неизвестно где ремонтников, неразворотливых водителей, сонных поваров и т. п. Человек, короче, не видевший порядка в деле.

А сейчас был порядок — и даже тяжелая погодная обстановка на уборке не гасила в людях приподнятого настроения и уверенности в успехе.

Об этом зашел у нас разговор с председателем колхоза имени Карла Маркса Рифкатом Салиховичем Еникеевым, и он, подумав, сказал, что все само собой, так, однако, и удивляться нечему. То, что стало нормой, не может вызывать удивления. К сегодняшнему дню нельзя прикладывать вчерашние мерки...

Известные решения партии и правительства, принятые в последние годы по сельскому хозяйству, рассуждал вслух Еникеев, дали колхозам такое ускорение, на такие научно-экономические рельсы поставили сельское производство, что нынешний развитый колхоз — как барометр, который сразу же реагирует на все новшества и требования времени. Кудлатого мужичонку, который, сидя на телеге, похмельно почесывает затылок в раздумьях, чем занять себя, увидишь теперь разве только в плохих, далеких от жизни фильмах. Вместо такого мужичонки, дожидавшегося поутру наряда от бригадира, есть работник с твердо определенной штатным расписанием должностью, со своими обязанностями, а следовательно, с твердо гарантированной зарплатой. И как директор завода не сомневается, что очередной трудовой день в каждом цехе начался по строго заведенному распорядку, так и колхозный председатель должен быть уверен в такой же дисциплине на всех своих хозяйственных участках. Непосредственная опора председателя — дипломированные специалисты (в колхозе имени Карла Маркса их свыше тридцати) — имеют не меньшую подготовку, чем те же фабрично-заводские инженеры и техники.

— А в поле мало быть просто «инженером»,— заключил сказанное Еникеев.— В поле НОТ. И годится лишь НОТ, одушевленная твоей личной любовью к земле...

С Рифкатом Салиховичем Еникеевым мы знакомы уже несколько лет. В «Правде» я писал о нем, что он крупнее, больше, чем просто умелый колхозный председатель. Как только новое, еще вчера желанное, выстраданное, добытое в поте лица становится в колхозе будничным, начинает давать ожидаемые плоды, мысль Еникеева устремляется дальше. Это было ступенькой, это лишь этап—

Р. Еникеев на диспетчерском пункте колхоза.

Х. Каюмов (третий слева) среди механизаторов.

Фото М. Герасимова

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ

ОГОНЁК СТРОКА В БИОГРАФИЮ СТРАНЫ

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ОТДАВАТЬ ЛЮДЯМ

В Солнечном районе есть живописное озеро Эворон. Восемь речек несут в него свои воды, а вытекает одна — Девятка. На ее берегу и раскинулось мое родное село Кондон.

Сейчас даже трудно представить себе, что до революции на этом месте, в глухой тайге стояло несколько убогих юрт нанайского стойбища, что люди здесь умирали от болезней и голода и один историк пророчил: «Нанайцы скоро вымрут, не оставив о себе никакой памяти». Но он явно поторопился с таким выводом.

Великий Октябрь в корне переменил жизнь маленького нанайского стойбища. Сегодня Кондон — большое, благоустроенное село. Есть у нас электричество, радио, сельский Дом культуры, библиотека, больница, восьмилетняя школа, детский сад. У многих — телевизоры. Сегодняшние кондонцы могут свободно разговаривать по телефону с Москвой, Ленинградом и другими городами, где учатся и живут их дети.

Я люблю шагать по улицам моего села, люблю всматриваться в родные лица односельчан и каждый раз невольно думаю о тех, кто строил нашу счастливую жизнь. Сегодня хочу рассказать о старейшем следопыте, бывалом охотнике на медведей и кабанов, одном из организаторов колхоза «Сикау покто», о моем наставнике коммунисте Никифоре Дмитриевиче Дзяпи.

Дзяпи родился в семье потомственного рыбака. Родившись в тайге, он рос ее сыном. Он не помнит, когда научился управлять оморочкой, стрелять из лука и орудовать острогой: кажется, всегда умел. А иначе и не выжить было в те времена.

Особенно трудно пришлось Никифору, когда умер отец,— черная болезнь забрала его, а долг достался сыну по наследству. Пять лет выплачивал молодой Дзяпи долг отца местному богатею, но конца не было видно...

Наконец, отзвуки Октября докатились и до Дальнего Востока. Отгремели последние выстрелы гражданской войны, и амурская земля вздохнула свободно. Народ приступил к строительству социализма.

Впервые в наше нанайское стойбище приехал врач. Не просто было поверить в него, не просто отказаться от шамана. Но за первой ласточкой прилетели и остальные. Один за другим в Кондоне начали появляться учителя, культработники. Государство строило жилые дома для бедняков, открылись клуб и больница, построили школу. Дети охотников и рыбаков стали учиться.

Никифор Дзяпи пошел в ликбез. Трудно давалась учеба Никифору. Глаза, которые видели зверя за многие километры, плохо разглядывали буквы. Руки, которые ловко орудовали рыболовными снастями, плохо справлялись с карандашом. Но какая радость охватывала охотника, когда он постигал мудрость нового слова, слышал от учителя похвалу.

Учителя — ленинградки А. П. Путинцева, М. А. Каплан и В. И. Пяхтель — открыли Никифору глаза на смысл новой жизни, научили его читать и писать. Распрощался Дзяпи с амулетами и духами. А выучившись, стал заместителем председателя, а затем и председателем сельсовета.

Пришла весна 1931 года. Приветливо и ласково пригревало солнце. Побурели таежные покровы сопок, еще ярче заискрились снежные зубья горных цепей на горизонте. Вот-вот должна вскрыться, забурлить и исконная кормилица кондонцев — река Горин. В эти весенние дни в стойбище Кондон собрались жители других нанайских селений — Яхмихты, Сарголы, Наана, Синдана, чтобы сообща решить большое и важное дело.

Н. Д. Дзяпи. 1978 год.

— Как мы живем? Одни богато, другие бедно. А колхоз тем и хорош, что ты людям помогаешь, они — тебе. Жизнь радостная и богатая будет у всех,— начал свою речь председатель сельсовета Дзяпи.

Поверили рыбаки и охотники словам вожака, организовали колхоз.

— А как называться будем? — спросил у Никифора старый охотник.

— Жить по-новому определила нам Советская власть. Она и Ленин указали нам путь. Так и назовем наш колхоз «Сикау покто» — «Новый путь»,— ответил Дзяпи.

На том и порешили.

Тогда же Никифора Дзяпи избрали председателем правления колхоза. Всякое бывало за многие годы у Никифора Дмитриевича. Трудные времена ложились тяжестью на плечи, белым инеем на виски. Удачи, заслуги отмечены орденом «Знак Почета», многими медалями.

Дорожит наградами старый Дзяпи (сейчас ему семьдесят шестой год). Но выше всех наград ценит он доброе к себе расположение односельчан. А они уважают его, относятся с почтением, потому что большая часть жизни отдана родному Кондону, его людям. Он не только передает молодым свой богатый опыт, учит премудростям рыбацкого дела, делится секретами охотничьего ремесла. Воспитанниками своими гордится старый Дзяпи, воспитанниками, которые сами стали уже настоящими наставниками, уважаемыми в селе людьми. Это коммунисты Александр Самар, Владимир Самар, Михаил Самар, Эдуард Наймуна, Клавдия Загузова, Валерий Самар.

Сейчас Никифор Дмитриевич на заслуженном отдыхе. Но духом Дзяпи молод по-прежнему, всегда чем-то занят: то хлопочет на стройке, то спешит на помощь к рыбакам, вместе с ними тянет полный улова невод.

Дзяпи — бессменный член правления колхоза, член партийного бюро. Когда он выступает, то говорит всегда умно и дельно. Однажды, выступая перед молодыми рыбаками, он предложил им создать свою молодежную рыболовецкую бригаду.

Предложение поддержали. Так была создана комсомольско-молодежная бригада, возглавил ее бывший ученик Никифора Дмитриевича, член Солнечного райкома КПСС Виталий Зиновьевич Самар. Дзяпи стал в ней наставником. Комсомольско-молодежная бригада добилась больших успехов — заняла первое место в социалистическом соревновании среди рыболовецких бригад края в честь 60-летия Великого Октября и 60-летия Ленинского комсомола. Бригадир ее был награжден орденом Трудовой Славы III степени.

Как-то зашел Дзяпи в сельсовет, спрашивает у своего старого друга Евгения Михайловича Самара:

— Ты помнишь, как жил наш народ раньше?

— Помню.

— А вот молодежь не знает. Надо бы музей создать...

Благодаря хлопотам Дзяпи в Кондоне был создан краеведческий музей. За последние годы он вырос, значительно пополнились его фонды. Руками ветерана и его юных помощников тут любовно оформлены стенды: «О чем говорят камни?», «Жизнь и быт нанайцев до революции», «В борьбе за новую жизнь», «Они сражались за Родину».

Большую жизнь прожил Никифор Дмитриевич Дзяпи. Большую и счастливую, потому что каждый ее день и сегодня отдан людям. В этом и видит свое счастье старый коммунист Дзяпи.

В. ЗУЕВ

Комсомольск-на-Амуре.

надо совершенствовать, углублять, снова искать! С его именем в Башкирии связывают становление в колхозах республики первых — в 60-е годы — комплексных бригад, затем смелый перевод хозяйственных отраслей на специализацию, перестройку бригадной формы хозяйствования на хозрасчетные участки и вместе с этим внедрение передовых приемов в земледелии. Первым в районе он начал строить мощный откормочный комплекс. Его личные заслуги отмечены звездой Героя Социалистического Труда, колхоз за стабильные высокие достижения награжден орденом Октябрьской Революции.

В колхозе имени Карла Маркса встретил я группу сотрудников Башкирского НИИ сельского хозяйства во главе с директором, кандидатом наук Н. Х. Ждановым. Они смотрели, как прививаются на дюртюлинской земле новые зерновые сорта. И от Жданова услышал, что любой эксперимент, требующий для проведения естественных производственных условий, можно спокойно доверить колхозу имени Карла Маркса. Среди множества своих председательских забот Еникеев о нем не забудет, проследит, чтоб все было, как нужно.

И здесь на гороховом поле увидел я работавшую жатку незнакомой конструкции. Оказалось, опытный, пока единственный образец на испытании. Привез ее сюда конструктор Г. И. Наумов из Всесоюзного НИИ сельскохозяйственного машиностроения имени В. П. Горячкина, что в Москве. Почему же, поинтересовался я у конструктора, выбрали именно Дюртюли, не ближний свет ведь... А потому, отвечал он, что Еникеев, прослышавший про новую жатку, зазвал к себе, обещал всяческую помощь и поддержку в доводке машины. Мы, мол, ежегодно в колхозе по тысяче гектаров под горохом имеем, культура капризная при уборке, а надежных высокопроизводительных жаток нет. Может, ваша как раз из тех, что давно ждут в хозяйствах: давайте-ка вместе ее на высокоурожайном поле понаблюдаем...

Однако в селе не только с нетерпением поглядывают в сторону «науки»—создателей необходимых тут машин и сельхозорудий. Село, как бывало всегда, выходит навстречу ученым со своим долголетним, проверяемым на земле богатым опытом. И что ни колхоз — свои рационализаторы. Кулибины местного значения, потомки легендарного Левши, у которых ныне, кроме изобретательского, технического наития,—умение читать чертежи, знание законов механики.

По соседству с Дюртюлями, в колхозе «Победа», Чекмагушевского района, мое внимание привлекли два громадных К-700, медленно тащивших за собой плуги не со скошенными лемехами с отвалами, а с лемехами прямыми, словно гигантские ножи. Они, слегка-слегка сдвигая пласт, глубоко резали почву— до полуметра и даже чуть больше. Председатель колхоза, депутат Верховного Совета РСФСР Амир Закареевич Зайнутдинов пояснил:

— Этот полупар под озимую рожь пойдет — щелевание проводим. Сначала щелевание, затем дискование — и почва, освобожденная от сорняков, готова для сева. Щелеватели же, вы правы, не серийные. Сами их изготовили, в своей мастерской, используя станины корпусов от плугов для горных районов...

— А чья идея?

На обветренное лицо Зайнутдинова набежала усмешливая улыбка, он ответил на вопрос вопросом:

— Иль мы, крестьянские дети, получившие сельскохозяйственное образование, выходим на поле без собственных идей? У земли свое притяжение: она не просто преданных — умных любит!

И я вспомнил Еникеева — разве он не об этом же самом говорил? И Каюмов...

И вот такая потребность — осознавать себя на родной земле творцом,— не самая ли это прекрасная примета времени?

Хорошо сказал колхозный председатель: притяжение земли...

Я уезжал из Башкирии, а над ее полями, лесами, селами красно полыхали холодные зори. Из печных труб, будто бы обволакивая теплом ширь неба, густо вился дым, пахло поспевающим на горячих кирпичах домашним хлебом.

Я ВЛЮБЛЕННЫЙ ПРОЙДУ ПО ЗЕМЛЕ

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СТЕПАНА ЩИПАЧЕВА

С. Щипачев — декабрь 1978 года.
Фото А. Козьмина

Так сказал о себе много лет назад Степан Петрович Щипачев. Сказал просто и взволнованно. Влюбленный в жизнь, в человека, в искусство, вот уже скоро шесть десятилетий отдает он всего себя литературе. Степана Петровича можно назвать одним из старейшин советской поэзии. Только этот эпитет не совсем подходит к нему, ибо он бесконечно молод душой. Воспринимая мир всякий раз как бы заново, Степан Щипачев сегодня, как и десятилетия назад, радует читателей своими лирическими раздумьями.

Не стыжусь, не стыжусь. Пусть развенчивает
однолюба во мне зубоскал.
С непритворною нежной застенчивостью
я в любви постоянство искал.

Это искреннее признание. Вся жизнь Степана Щипачева определена верностью гражданской позиции, на которую встал он в суровые послереволюционные годы, годы гражданской войны (С. П. Щипачев — член КПСС с 1919 года). Молодой боец-красноармеец рвался в бой не только с винтовкой и штыком — его оружием стало слово. За одно стихотворение, написанное в период захвата Зауралья Колчаком, его «могли бы поставить к стенке», как выразился позднее сам автор. Стихотворение-прокламация С. Щипачева использовалось в агитационных целях как верное и точное оружие.

В девятнадцатом году начинающий стихотворец переписывает в школьную тетрадь свои первые опыты и посылает их в Москву. Тогда они затерялись, и лишь много лет спустя всплыла эта тетрадочка при разборе архива издательства «Художественная литература». Нашедших ее больше, пожалуй, взволновали не стихи юного литератора, а письмо, предваряющее их: «Я как крестьянин, выросший в беднейшей крестьянской семье, не имею никакого школьного образования, почему в моих стихотворениях наблюдается некоторая неправильная постройка. Я пишу самоучкой, указаний мне никто не давал...»

Творческая судьба складывалась у Щипачева не так уж гладко. Первая книжка его стихов вышла в свет в 1923 году в Симферополе под названием «По курганам веков». Но этот и последующие несколько его сборников особым вниманием критики и читателей не пользовались. Так было до 1939 года, когда появилась «Лирика». Тоненький, синего цвета сборничек сразу же сделал Степана Щипачева известным поэтом. Он получает множество восторженных писем. В одном из них говорилось: «Спасибо Вам за Вашу книгу. Это — поэзия, изящная, остроумная, добрая, высокая. Своеобразна у Вас особенная лирическая ирония. Это несколько роднит Вас с Гейне, но там ирония была замешана на политике, у Вас — ирония от большой любви к жизни и ее прекрасным проявлениям, которые так быстротечны и хрупки: от сопоставления большого и малого.

Очень прошу Вас... живите и думайте по-своему. Поэзия — это редкая удача... Алексей Толстой».

Последующие издания стихотворных сборников утвердили за Степаном Щипачевым место замечательного поэта-лирика. Поэт нашел основной мотив и интонацию своих произведений — это лирически проникновенные стихи о любви, о верности, о семейном счастье. Он вспомнит о том далеком времени в следующем признании: «Для меня стало ясным: поэт должен, обязательно должен открывать читателям клапаны своего сердца, но сердце его должно быть чистым... Как только я пришел к твердому убеждению, что поэту надо быть абсолютно открытым, искренним, мне сразу стало легко жить, думать, работать».

Щипачева привлекали темы вечные: любовь к Родине, к природе, воспевание добрых человеческих чувств, а главное во всем этом — служение времени, эпохе. И время «сослужило» свою службу тому, кто был ему верен: Степан Петрович Щипачев остается в нашем читательском восприятии значительным лирическим голосом своей эпохи. А в иные годы, когда лирическая тема в поэзии пребывала в забвении, на «задворках», Степан Щипачев уверенно отстаивал право лирики на существование. Об этом в дни 80-летнего юбилея поэта забывать никак нельзя.

«Характер разработки вечных тем определяется временем, они всегда современны, актуальны, даже злободневны... Поэтому я, как поэт-коммунист, уже давно много думаю и пишу на темы «вечные», мне хочется, чтобы советские поэты писали о любви так, чтобы их стихи наталкивали на светлые раздумья, светлые радости...»,— говорит Щипачев.

Лирическая поэзия С. Щипачева обнажает глубины бытия, облагораживает человека, высветляет мрачные минуты его жизни, наполняя ее радостью и уверенностью. Душа читателя как бы очищается от всего мелкого, преходящего, наносного. Сколько нюансов, сколько разных оттенков, настроений любви в произведениях поэта. Любовь вечная и любовь-однодневка, любовь-радость и любовь-печаль, скорбь...

«Науку страсти нежной» постигали сотни лет поэты всех времен и народов. А сколько российских поэтов — от Державина и Тредиаковского до Блока и Есенина — отдали дань этой прекрасной теме. Да, у С. Щипачева были великие предшественники — и все-таки муза любящего и влюбленного в жизнь художника не повторяет найденное ранее: советский поэт открыл свои грани этой бессмертной темы. Творчество Щипачева современно, оно говорит как бы от имени всех влюбленных на земле:

Мне далеко до дому,
и труден мой путь впереди,
а до тебя другому
лишь улицу перейти.

Все так же твой быстрый почерк
ложится в моей судьбе...
Не в строчках, так между строчек
прочесть бы: какая короче
дорога ведет к тебе?

Читатель становится свидетелем возвышения, углубления чувств лирического героя. Слово поэта отмечает малейшие отклонения «барометра чувств»:

Как хочешь это назови.
Друг другу стали мы дороже,
заботливей, нежней в любви,
но почему я так тревожен?
Стал придавать значенье снам,
порой задумаюсь, мрачнея...
Уж, видно — чем любовь сильнее,
тем за нее страшнее нам.

Кажется, что с тобой ведет беседу близкий человек, что он по-домашнему успокаивает собеседника, направляет. Именно эти качества — жизнелюбие, деликатность, демократичность — одна из прекрасных традиций русской лирической поэзии. Ее усвоил еще молодым и поныне продолжает С. Щипачев.

Но в любовную лирику Щипачева властно врывается Время. Мы ощущаем в его стихах гулы революции, громовые раскаты гражданской войны, великую скорбь и великую радость победы Великой Отечественной. Поэт верен истории, а о любви к России, к Уралу, где он родился, к величавой русской природе он написал так, как никто другой. По-своему, философски — возвышенно, оптимистично. Это искренние и мудрые размышления о жизни и смерти, о вечном и сиюминутном. Очень интересны и поэмы С. Щипачева. Основные его крупные произведения на виду у читателя: и «Домик в Шушенском», и «Встреча на Бермамыте», и «Павлик Морозов», и повесть о детстве «Березовый сок», и недавно опубликованная в «Новом мире» поэма «Перевалы», которая начинается так:

Когда-то писалось.
Душа моя
неба касалась.
К бумаге слетали
в трепете
строчки, как белые лебеди,
живые, сердцам адресованные,
датами окольцованные.
Писалось?
Нет, пишется, как бывало!
За дымкою —
пройденные перевалы.

Пройденные и преодоленные перевалы жизни дают право замечательному советскому поэту С. Щипачеву смело и открыто оглядывать прошлое. Его путь в литературе прям и достоин. Его имя вошло в историю великой русской литературы, стало лирическим символом своей эпохи.

Феликс МЕДВЕДЕВ

ТЕПЛЫЙ ДОЖДЬ В БЕРЛИНЕ

Сергей ВЫСОЦКИЙ, специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

Уже неделю я живу в красивом доме на Унтер-ден-Линден. И каждый день идет дождь. Просыпаясь рано утром, радуюсь, увидев вспыхивающие от косых солнечных лучей большие зеркальные окна дома напротив: ну, вот, наконец-то будет можно побродить пешком по Берлину. Побродить по живописным, только что отреставрированным улочкам в районе Шёнхаузер-аллее. Пройтись по чудесным паркам, полюбоваться панорамой новостроек с телебашни. Но полчаса спустя, выходя из подъезда, я вынужден раскрывать зонт. Дождь опять лениво сеется из затянутого низкими рваными облаками неба, ветер осторожно шевелит желтые листья на бульваре. Толпы берлинцев, одетых в плащи и кожаные пальто, дисциплинированно замирают под цветастой чешуей зонтов у красных сигналов светофоров. Конец сентября щедр на ленивые теплые дожди...

Но гостю Берлина дождь не помеха. Музеи, кинотеатры, библиотеки гостеприимно распахивают двери перед каждым, у кого есть желание покороче познакомиться с городом.

Если надежды на хорошую погоду не сбывались, я шел по Унтер-ден-Линден на Маркс-Энгельс-плац, во Дворец республики, где можно послушать мягко льющуюся из невидимых динамиков музыку, познакомиться с яркими, полными экспрессии картинами современных художников в «Дворцовой галерее», выпить кофе в одном из баров. Здесь, в этом удивительном Дворце, всегда многолюдно и спокойно, словно бы вместе с тихими аккордами музыки по залу разносятся благотворные волны умиротворения. Люди, молодые и пожилые, дети и старики, сидят и разгуливают по этажам и залам, читают свежие газеты и толстые книги, тихо беседуют и громко смеются, становятся зрителями или даже участниками самодеятельных конкурсов и веселых представлений. Здесь всегда солнечно, в этом огромном современном здании, внешне очень простом и строгом. Даже в дождливую погоду, увидев Дворец республики, в первый момент начинаешь оглядываться, пытаясь понять, откуда взялись солнечные лучи, позолотившие его окна. И дело совсем не в том, что строители и ученые создали специальное золотистое стекло, создающее иллюзию солнечного света, и обильно применили в отделке здания бронзу. Дворец, построенный всего два года назад и ставший не только по названию, а по сути республиканским, народным, воспринимается как явление социальное, олицетворение всего нового, что произошло за последние десятилетия в Германской Демократической Республике, в Берлине, в городе, узнать который человеку, долго не бывавшему здесь, трудно.

Моя первая встреча с Берлином была короткой. В 1959 году я ехал из Москвы в Лондон поездом, с многочисленными пересадками, стремительными экскурсиями по городам, где приходилось коротать время в ожидании очередного поезда. В Берлине была самая длинная остановка — два дня. И эти два дня глубоко врезались в память.

Почему-то нас, молодежную делегацию ленинградцев, принимала туристская фирма Западного Берлина. Наверное, потому, что те годы были трудными для столицы ГДР — в городе мало строили, не хватало гостиниц. Нас поселили в прекрасном отеле, возили в комфортабельных английских автобусах. Как только мы пересекали секторальную границу, молодой симпатичный гид показывал на бесконечные развалины в районе Фридрихштрассе и ненавязчиво, но с тонко рассчитанным сочувствием говорил:

— Вряд ли можно будет восстановить Восточный Берлин даже через пятьдесят лет, даже с вашей помощью...— Он замолкал и, горестно качая красиво подстриженной головой, сосредоточенно разглядывал руины. Шофер вел автобус по заранее разработанному маршруту, открывая перед нами вроде бы и невзначай все новые и новые нагромождения битого кирпича.

— А нельзя ли хоть на час заехать на Остров музеев? — спросил я гида. Собираясь в поездку, я основательно полистал довоенный бедекер и узнал кое-что о берлинских музеях. Вдруг что-то уцелело?

Гид тонко усмехнулся и с сожалением развел руками:

— Можно восстановить дома, реставрировать дворцы, но погибшие картины не вернешь...

Да, в Берлине и через четырнадцать лет после войны было много развалин, но строгие добротные дома на Сталин-аллее вселяли оптимизм...

Потом наши хозяева везли нас на фешенебельную Курфюрстендам, показывали «витрину западного мира» — широко разрекламированный район новой застройки с модерными, под Корбюзье, жилыми домами и ультрамодными кирхами. Через восемь лет я снова побывал в этом районе. Увы, аляповатая потускневшая «витрина» выглядела анахронизмом, чуждым традициям немецкой архитектуры. Просто еще один памятник неудачному эксперименту...

В 1968 году я прожил в ГДР две недели. Среди многих особенностей повседневного быта одна запомнилась особенно ярко — всюду на улицах, в самом Берлине и в других городах, бросалось в глаза слово «Umleitung» — «объезд». «Объезд» — значит, прокладывается новая дорога, значит, строятся новые жилые дома, восстанавливается фабрика, разбираются руины... Берлин напоминал гигантскую стройку. Жители столицы не только создавали новые кварталы и улицы, они начали бережно восстанавливать старые здания, на что раньше просто не хватало ни времени, ни средств. А любовь к старому городу, к тихим улочкам всегда жила в их сердце!

В 1940 году Отто Нагель, сын берлинского столяра, прекрасный немецкий художник и давний друг Советского Союза, обеспокоенный судьбой планомерно уничтожаемого фашистами старого города, создает серию полотен, чтобы запечатлеть облик Берлина для потомков.

«Продолжительное время я не был в старом Берлине, — писал художник.— Когда я снова попал туда, многого уже не было. Где прежде проходили старые улицы, теперь были пустые площади, дома остались без жителей, оконные рамы без стекол. Тогда я взял, что положено иметь художнику, и стал основательно «прочесывать» местность, чтобы занести на бумагу и холст то, что когда-то было живым Берлином, но скоро навсегда погибнет, чтобы освободить место новому Берлину. Я рад, что написал его — старый город перед его концом, как я рад тому, что написал портрет моей старой матери, прежде чем она ушла навсегда».

Нагель проследил все фазы крушения города. Его картины, как свидетельствовал уже после 1945 года биограф художника, «стали обвинениями того проклятого состояния, в которое ввергла людей, весь мир война».

Но война не пощадила и картин Нагеля — в 1944 году была разрушена его мастерская в рабочем районе Веддинг. И почти все, что написал художник за двадцать предвоенных лет, уничтожил огонь. Остальное было запрещено нацистами. А ныне картины пролетарского художника Отто Нагеля, избранного в пятидесятых годах председателем Союза художников республики, можно увидеть в Берлинской Национальной галерее, которая вопреки предсказаниям недальновидного гида по-прежнему является гордостью берлинцев.

Остров музеев — один из тех уголков города, куда строители и реставраторы пришли раньше всего. Предстояло выполнить колоссальные работы — еще и сегодня не завершена окончательная реставрация музеев. Фасад величественного, в форме коринфского храма, здания Национальной галереи еще ждет своего часа, а по залам его уже давно разгуливают экскурсанты.

Коллекции берлинских музеев, через год празднующих свое столятидесятилетие, уникальны. Особенно интересно собрание античного и восточноазиатского искусства в Пергамон-музее. Часами можно рассматривать фризы Пергамского алтаря, поражаясь гению безвестных эллинов, сумевших две тысячи лет тому назад воплотить в камне драматическое напряжение беспощадной битвы богов Олимпа с мятежными гигантами. Более двадцати лет потратили ученые и художники на то, чтобы совместить тысячи осколков фриза и представить алтарь в специально выстроенном светлом зале на обозрение миллионов посетителей.

Но и у самих музеев, как и у тысяч экспонатов, хранящихся в бесконечных залах под охраной молчаливых седовласых матрон, есть своя история, окрашенная горечью утрат и поражений, тенью предательств, радостью открытий и торжеством верности и великодушия.

Тринадцатого октября 1933 года в Мюнхене Гитлер заложил первый камень в фундамент Дома немецкой культуры, учреждения, которому отводилась зловещая роль в борьбе с подлинным искусством и в утверждении принципов национал-социализма в «эстетическом» воспитании масс. Что это будет за «дом» и какие идеи он будет насаждать, художники могли себе представить, услышав откровение из речи Розенберга, произнесенной при закладке дома: «Немецкие штурмовики, без сомнения, сделали для немецкой культуры больше, чем некоторые профессора высшей школы».

— Фашисты направили главный свой удар на пролетарское искусство. Многие художники попали в тюрьмы и лагеря, другие остались без работы,— рассказывает мне сотрудница Национальной галереи доктор Вера Мария Ротенберг.— Потом нацисты провели по всем музеям конфискацию произведений импрессионистов и экспрессионистов. Они тоже подпали под категорию «выродившегося искусства». После открытия Дома немецкой культуры народу было заявлено: «С этого момента мы начинаем вести беспощадную очистительную войну... на уничтожение, против последних элементов, разлагающих нашу культуру».

Доктор Ротенберг раскрывает передо мной альбом с репродукциями, чтобы показать образцы живописи, преданной проклятию, а я вспоминаю прочитанные как-то в одной старой книжке слова кайзера Вильгельма II.

«Искусство, которое уклоняется от принципов, высказанных мною, уже не искусство,— говорил этот муж, ввергший Германию в первую мировую войну.— Это ремесло, индустрия, все что хотите... Под флагом слова «свобода», которым теперь так часто злоупотребляют, люди впадают попросту в беспорядочность...»

Дом Шиллера в Веймаре. * Утренние новости. * Всегда многолюдно на Александер-плац в Берлине. * Туристы в Веймаре. * Берлин: справа — Дворец республики.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Берлин — столица ГДР.

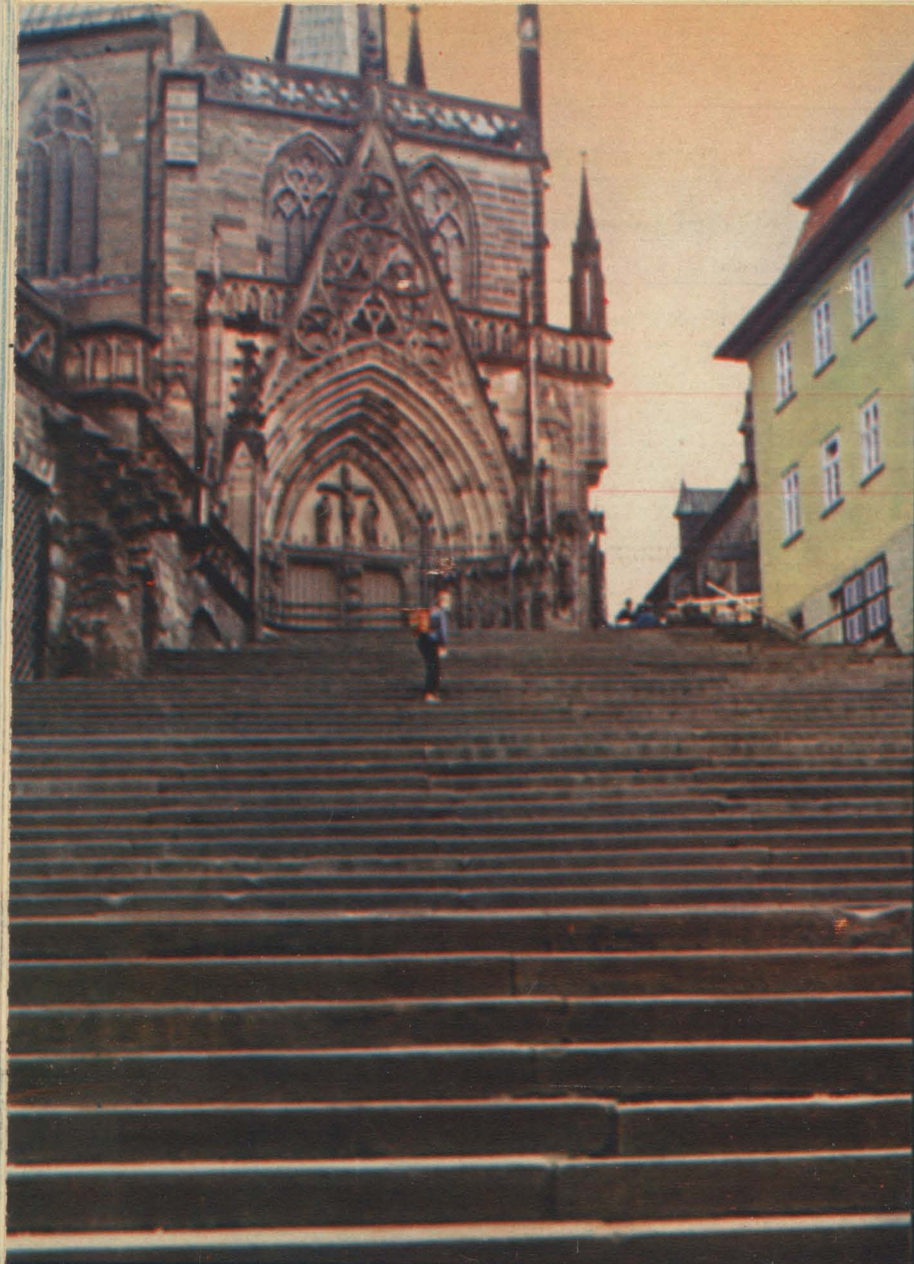

REISEBURO

Император, нарисовавший за свою жизнь несколько любительских картин, считал себя художником и знатоком живописи и скульптуры. Его духовный наследник, неудавшийся архитектор, запаливший вторую мировую войну, тоже возомнил себя специалистом в области изящных искусств. По замыслу одного создается серия скульптур в честь дома Гогенцоллернов на Аллее побед. Народ насмехается над ней и называет «аллеей кукол». Другой, чтобы похоронить заживо подлинное искусство, строит помпезный Дом немецкой культуры — народ безмолвствует. За насмешки теперь расплачиваются головой...

— В 1933 году власти уволили профессора Людвига Юсти, директора Национальной галереи, прекрасного специалиста в живописи и пластике, глубокого, интересного человека.

Мы беседуем с доктором Ротенберг в небольшом, сумрачном кабинете, в цокольном этаже музея. В шкафу и на полках тускло поблескивают золотые корешки старинных книг по искусству. С небольшого портрета, писанного маслом, смотрит на нас молодая женщина. В больших ее глазах светятся ум и улыбка.

— Девятнадцатый век,— перехватив мой взгляд, говорит Вера Мария.— Портрет актрисы Лины Фо...

Лина Фо чем-то неуловимо напоминает мне саму Веру Марию Ротенберг. «Наверное, в молодости сходство было еще заметнее,— думаю я.— И, может быть, неспроста висит в кабинете портрет давно забытой актрисы».

Жизнь, проведенная среди картин и скульптур, в стенах музеев, за изучением коллекций, составлением каталогов, словно скульптор, сформировала облик моей собеседницы. Седой венчик красивых волос над головой — тут не обошлось без опытного парикмахера, на черной водолазке, надетой под черным жилетом,— миниатюрная золотая цепочка. Строгие очки, красивое кольцо на тонкой руке — весь облик этой женщины говорит о вкусе и достоинстве. А глаза, умные и совсем не строгие, с улыбкой,— о добром и спокойном характере.

— Директор поплатился своим местом за стремление уберечь коллекцию музея от посягательства наци. Долгие годы он был отлучен от любимого дела. И каким праздником для всех оставшихся в живых сотрудников стал день, когда Людвиг Юсти снова появился на Острове музеев! Народная власть назначила его генеральным директором. Мне посчастливилось познакомиться с профессором, быть его ассистентом...

Вера Мария Ротенберг приехала в Берлин в 1952 году из Ростока. В то время нужны были специалисты для восстановления экспозиций берлинских музеев, а у нее уже имелся опыт работы в музее родного города. В университете Ростока Вера Мария изучала историю искусства и архитектуры, специализировалась на XIX и XX веках. Людвиг Юсти сразу оценил эрудицию своего нового ассистента, ее безграничную преданность делу. Вместе с Юсти Ротенберг проработала три года, а после его смерти в течение девяти лет руководила музеем.

Сегодня берлинцы и многочисленные туристы, проходя по залам галереи, любуясь картинами Гойи и Курбе, Сезанна и Мане, Адольфа Менцеля и Франца Крюгера, вряд ли знают о том, сколько труда было вложено в восстановление музея, в поиски пропавших картин.

— В годы войны галерея потеряла девятьсот картин. Многие работы фашисты еще до войны продали с аукциона за границу. На основании «Закона о конфискации выродившегося искусства» из государственных музеев и хранилищ они изъяли шестнадцать тысяч произведений художников, которых идеологи нацистов зачислили в разряд левых. То, что не сумели продать, 20 марта 1939 года под свист и улюлюканье толпы сожгли во дворе главной пожарной охраны. Более тысячи картин и акварелей, около четырех тысяч графических работ! — Вера Мария сокрушенно качает головой. Для нее, великолепного знатока и ценителя прекрасного, эта утрата — словно незаживающая рана, которую никогда не залечит время...

О преступлениях нацистов нельзя забывать во имя будущего — эту фразу я не раз слышал от немцев. И в рассказе доктора Ротенберг о невзгодах, выпавших на долю самых достойных представителей немецкого искусства середины XX века, словно учащенный пульс, бьется эта беспокойная мысль: будем помнить, будем помнить...

Наивно думать, что вокруг фашистов образовался вакуум. Да, они посадили в каторжные тюрьмы и лагеря борцов, от них отшатнулись честные, но слабые, а вокруг них столпились, подняв руки в нацистском приветствии, бездари и карьеристы. Какая ирония судьбы: художник Ханс Йост, сам начинавший как экспрессионист — представитель направления, которое идеологи второго рейха официально заклеймили как «выродившееся искусство»,— стал их верным бардом. В своей антифранцузской пьесе «Шлягетер» он сформулировал кредо нацистов: «Когда я слышу слово «культура», я спускаю предохранитель браунинга».

Будем помнить, будем помнить... И будем бояться равнодушных. Ярко, как будто это произошло вчера, встают перед моими глазами события июня 1967 года в Западном Берлине. На Курфюрстендам, которую так любят показывать приезжим вежливые гиды, полиция окружила участников антиамериканской демонстрации и по всем правилам уличных боев избивала дубинками. Побоище происходило поздно вечером, вспышки неоновых реклам отражались на касках и щитах полицейских, на черной эмали полицейских автомашин, поливавших демонстрантов из мощных гидрантов. Упавших били ногами, кровь перемешивалась с водой, глухо ударялись о днища тела арестованных, которых, раскачав, закидывали в автомашины остервеневшие полицейские. Хватали всех без разбору — и тех, кто протестовал против войны во Вьетнаме, и просто прохожих. Наш попутчик, электромонтер Хоост, член Союза свободной немецкой молодежи Западного Берлина, увел нас с Курфюрстендам через черный ход какого-то ресторана, где за рюмкой кюммеля и любимым айсбеном сидели равнодушные буржуа, отгороженные от улицы зеркальными стеклами.

Хоост пригласил нас к себе домой выпить по чашке кофе.

Взволнованные, мы долго не могли разойтись, обсуждая жестокость полиции и равнодушие обывателей. А когда расставались, хозяин протянул мне тоненькую книжечку, напечатанную на оберточной бумаге. Немецко-русско-украинско-польский словарь.

— Этот словарь вручили моему отцу, когда послали воевать в Россию,— сказал Хоост.— Отцу посчастливилось остаться живым. Он хранил словарь как память о том проклятом времени, как предупреждение быть бдительным. Узнав, что я встречусь с вами, просил передать словарь русскому и сказать, что фашизм больше не пройдет.

В гостинице я полистал словарь. В глаза бросилось обилие восклицательных знаков. «Говорите правду, или вас расстреляют!» «Покажите добровольно ваше имущество!» Нет, пока на улицах Западного Берлина бесчинствуют полицейские, а где-нибудь в Баварии еще собираются на свои съезды реваншисты, нельзя забывать о повелительном наклонении фраз из этого словаря!

...Фашисты не просто уничтожали произведения искусства, увольняли и сажали в концлагеря художников — они стремились отравить сознание целого поколения людей. Культура была использована и проституирована для оглупления и унификации не только средних слоев, но всего народа — вот свидетельство людей, переживших ад нацизма. В ряду тотальной пропаганды особое место занимали широко разрекламированные выставки: «Большевизм в культуре», «Так видят природу люди с больным воображением». Здесь экспонировали работы Кете Кольвиц, Ловиса Коринта, Отто Панкока, Эрнста Кирхнера, Эрнста Барлаха и многих других известных художников. Сегодня их произведения заняли постоянное место в музеях ГДР.

— Раздел пролетарского искусства — один из самых обширных в нашем музее,— говорит доктор Ротенберг.— Мы довольно много покупаем, часто устраиваем персональные выставки. И до сих пор занимаемся розыском картин, утерянных в годы фашизма.

— В 1958—1959 годы вернулось в свою обитель на Остров музеев всемирно известное собрание медных гравюр, редких экспонатов из ранней египетской, древнегреческой, римской эпох. Предчувствуя скорый финал, фашисты вывезли из Берлина все коллекции, но советские воины разыскали бесценные сокровища. Они были сохранены и реставрированы. Повезло и нашим картинам: большая часть коллекции тоже хранилась и реставрировалась в Советском Союзе. В послевоенных берлинских развалинах вряд ли что удалось сберечь. А шестьсот произведений, увезенных на Запад, так и не вернулись в родные стены, и среди них картины Рафаэля, Дюрера, Рембрандта.

Много замечательных работ, место которым в Национальной галерее, в трудные годы скупили за бесценок у берлинцев и увезли на Запад спекулянты. И сейчас еще мы тратим массу времени на поиски пропавших произведений, издали специальный альбом с репродукциями разыскиваемых картин. И, знаете, удача иногда улыбается нам: не так давно вернули полотно, утерянное сорок пять лет назад. Несколько полотен, изъятых фашистами, разыскано Дрезденской галереей.

Самым большим праздником для нас, работников музея, стал день, когда вместе с советскими коллегами из Москвы и Ленинграда мы занимались устройством первой экспозиции! Вот пример настоящей дружбы и великодушия. Я подружилась с фрау Ириной Кузнецовой из Музея изобразительных искусств имени Пушкина, с ленинградкой Изагиной. Была помоложе — часто ездила в Советский Союз. Теперь реже...— Доктор Ротенберг улыбается.— Годы диктуют оседлый образ жизни. В первое время после открытия музея я была одна на два отдела — XIX и XX веков, много занималась организационной работой, составлением каталогов. И успевала ездить. А сейчас появилось много новых сотрудников, но работы не убавилось, она стала интереснее, глубже. И главное — у нас прекрасная творческая атмосфера. И многое хочется сделать. К 1980 году готовим каталог современных немецких художников. Будем издавать его совместно с московским издательством «Изобразительное искусство».

— Доктор Ротенберг,— спрашиваю я,— у вас есть свои любимцы?

Вера Мария смотрит на меня вопросительно, даже с некоторым удивлением.

— Среди экспонатов музея,— уточняю я.

— Этот вопрос мне задают очень часто.— Она обводит стены кабинета задумчивым взглядом. Но, кроме Лины Фо, ей не у кого спросить совета...

— Знаете, как мать в каждом ребенке любит что-то свое, особенное, так и мы... Особенно дороги картины, в поисках которых я участвовала... Очень люблю маленькие картины, классическую скульптуру. Вы обратили внимание на картину Файнингера «Тельтов»?

Я киваю.

— Это одна из самых любимых.

Нам пора расставаться, но мне очень хочется задать Вере Марии еще один вопрос. Он не имеет прямого отношения к ее работе в музее, да, собственно говоря, можно даже и догадаться, как она на него ответит... Но варианты могут быть.

— Что в вашей жизни стоит на втором месте? После живописи?

— Нет, я не могу определить последовательности. Живопись и музыка идут рядом... Бах, Моцарт, Бетховен, Чайковский — без их музыки представить себя не могу. У меня большая коллекция пластинок, много советских исполнителей. Вечерние концерты по выходным дням — самое любимое занятие обитателей моего маленького домика на окраине Берлина. О, да, мой дом густо населен — две собаки и две кошки. Вы удивлены приватными пристрастиями доктора искусствоведения? — Вера Мария хитро улыбается.— Вот вам портрет пожилой берлинки.

Какие все-таки у нее красивые и добрые глаза!

Мы выходим из музея, медленно спускаемся по ступенькам. Дождь все еще сеется, ступени дворца мокрые. Сколько людей прошло по ним и сколько еще пройдет... И каждый человек, если только у него нет на душе зла, уйдет из этого дома чуть-чуть богаче, чем он был раньше.

Берлин — Москва.

С любовью относятся в ГДР к памятникам старины: на улицах и площадях Эрфурта и Веймара.

СИЯНЬЕ СЕВЕРА

Юван ШЕСТАЛОВ

ТРАССА В ГРЯДУЩЕЕ

Друг мой,
Нефтяник,
Брат мой,
Геолог,
Будничный путь твой труден и
долог
Тундрой песцовой,
Медвежьей тайгою,
Звездными вихрями Уренгоя...
Голос — чуть хриплый на
звонком морозе,
Только душа —
Словно юность в березе,
Душу не тронул снарядный
осколок,
Брат мой,
Нефтяник,
Друг мой,
Геолог.
Под меховою спецовкой,
в кармане
Карточка той,
Что вовек не обманет,
Не для нее ли ты ходишь по
свету,
Древнюю
Делаешь юной планету?
Помнишь,
Как в школьной тетрадке
когда-то
Парус любил рисовать ты
Крылатый?
Парус ведет тебя в новые дали,
Где никаких парусов не видали.
Через большие твои
расстоянья,
Через привычные расставанья
Мать ли глядит на дорогу
сыновью,
Вся ли страна —
С материнской любовью?
Ты — теплотворец!
Но в тундре кромешной
Кто обогреет ночлег твой
поспешный?
Кто преисполнит огня и задора
Поступь твою
По снегам Самотлора?
Друг мой,
Геолог,
Брат мой,
Нефтяник,
Трассу одну мы в грядущее
тянем!
Пусть моя песня,
Согрета тобою,
Солнцем взойдет над твоею
судьбою.
Пусть к новой жизни
Сибирь возродится,
Пусть твоей славой
Отчизна гордится,
Пусть будет праздник твой
Светел и долог,
Друг мой,
Нефтяник,
Брат мой,
Геолог!

ЯБЛОКО

В северном сиянье —
Серый камень,
Хмурый лес,
Холодная река...
Строганина яблоком была мне,
Нельмы розоватые бока.
Знал я лед,
Медведей злые когти,
Только яблок Север не припас.
С яблоком луну сравнить я мог
бы,
Если б видел яблоко
Хоть раз...
Но волшебник,
Праздничен и весел,
Вдруг шагнул ко мне из
букваря,
Яблоко в душе моей повесил,
И оно сияло,
Как заря.
Снегири свистели как шальные,
И звенели сосны на снегу,
И Мичурин шел в края иные,
Озаряя яблоком тайгу.
Яблоко — улыбка мирозданья
В россыпи сверкающих огней!
Северное бледное сиянье
Солнца незакатного бедней.
Вновь иду я по земле,
волнуясь,
Восхищаясь свежестью крутой,
Яблоко,
В тебе я вижу юность,
Ты кристальной дышишь
чистотой.
Все, что спето,
Что еще не спелось,
Все идет из песенной зари.
Яблоко,
В тебе я вижу зрелость,
Над которой свищут снегири.
Вот они
Румянца перья нижут,
Солнечные листья теребя...
Яблоней,
Любовь моя,
Я вижу
Незакатной яблоней тебя.
Ледяные голубеют реки,
Седина не зреет на виске...
Думаю о нем,
О человеке,
Человеке с яблоком в руке.

МОЯ МОСКВА

Умолк моторов гром,
И твой аэродром
Меня встречает вновь
Рассветным серебром.

Москва, моя Москва,
Отечества глаза,
Священный праздник мой,
Тобой душа жива.

Я становлюсь добрей,
Я становлюсь щедрей
У золотых твоих
Распахнутых дверей.

К тебе мои мечты,
Моя отрада — ты,
Твой светел Новый год,
Как солнце с высоты.

Забыв любую грусть,
В глаза твои гляжусь,
Хоть синий их простор
Я знаю наизусть.

Мое прозренье — ты,
Мой слух и зренье — ты,
Твои чисты мечты,
Свершения чисты.

Ты всех отцов щедрей,
Всех матерей добрей,
И преданный твой сын
С тобою всех бодрей.

Твой сын — дитя пустынь,
И витязь гор — твой сын,
С Невы или с Оби
У всех нас путь один.

Наш путь, Москва,— к тебе,
В работе и в борьбе
Мы все приобщены
К родной твоей судьбе.

Отечества исток,
Надежды лепесток,
Москва, моя Москва —
Души моей восторг.

К тебе мы припадем —
И в новый путь идем,
Твой свет в душе храня,
Зарю большого дня...

О СЫН ЗЕМЛИ!

1

О сын Земли!
Ты опытен, быть может,
Познал ты шахты глубь и неба
высь,
Тебя все мироздание
тревожит,—
Тем более беспечности
страшись.
Пусть молодость не знает
опечаток,
Пусть мысль летит,
Как солнечный олень!
Твой длинен век,
Но каждый день твой краток,
Наполни славным делом
Каждый день.
Признанья человечества
достоин
Лишь патриот, строитель или
воин.

2

О сын Земли!
Где Родина твоя —
Там пригоршнями воду пьешь
живую.
Но слушает твой голос
Вся Земля,
Когда поешь ты песню
трудовую.
Мир ценит созиданье искони,
Поэзию, встающую из буден.
Кто к людям добр,
К тому добры они,
Так поспеши доставить радость
людям!
Плывет корабль по космосу —
Земля,
Тебе стоять с улыбкой у руля.

ОБЬ

Я стою над светлой Обью,
Волны плещут широко.
Счастье, как ты необъятно,
Сердце, как тебе легко!

К этим волнам приносила
Мать ребенка в свете дня,
Эти волны освежали
И баюкали меня.

Сединой поспешно ранней
Косы тронула война,
Но не скрылась Обь в тумане,
Не ушла под лед волна.

Юность праздничнa, и стоек
Мир наш, дерзкий искони.
Нам огни таежных строек —
Как маячные огни.

Где века тоской острожной
Шла тоска из рода в род,
У Оби в глуши таежной
Встретил счастье мой народ.

Здравствуй, жемчуг Самотлора,
Нефть девонского пласта!
Пусть сбывается не скоро,
Но — сбывается мечта.

Солнце с неба тянет руки,
Хочет ласково обнять,
Ветер голову ласкает —
Так меня ласкала мать.

Я стою над светлой Обью,
Волны плещут широко.
Счастье, как ты необъятно,
Сердце, как тебе легко!

Перевел с языка манси
Владислав ШОШИН.

ЗАВЕРШАЯ РАЗГОВОР...

РАЗВОД СОСТОЯЛСЯ, НО...

Я. КИСЕЛЕВ

Семейная драма по самой своей природе интимна и хоронится от постороннего глаза. Но бывает, события и чувства так накаляются, что драма шумно выплескивается наружу, и тогда к ней проявляется широкий интерес, множатся и сшибаются суждения о том, кто виноват в распаде семьи и что послужило истинной причиной.

Драма в семье Ковровых, рассказанная в очерке «Перед последним словом» («Огонек» № 36 за 1977 год), вызвала многочисленные отклики читателей. Они разные, но все их авторы признают равную ответственность мужа и жены за прочность семьи, за нравственную чистоту отношений в ней, за воспитание в ребенке личности доброй, значительной, светлой.

Напомним вкратце содержание очерка. Ленинградка Татьяна Михайловна Озерцова получила телеграмму: ее девятилетняя дочь Наташа, отдыхавшая в пионерлагере в Анапе, погибла в автокатастрофе. Когда обеспамятевшая от горя мать прилетела в Анапу, она застала Наташу живой и невредимой. Следствие установило, что телеграмму сочинил и отправил семнадцатилетний Саша Ковров, сын Алексея Алексеевича Коврова, нынешнего мужа Озерцовой. Саша объяснил: он хотел отомстить Озерцовой, это по ее вине отец оставил семью. По ходу следствия и суда над Сашей выяснилось, что три года назад, после пятнадцати лет согласной жизни, Алексей Ковров, вернувшись из длительной командировки, признался своей жене Евгении Сергеевне: он полюбил другую женщину, Озерцову, но сейчас не уйдет к ней, его уход может тяжело отразиться на Саше. Сейчас ему многого не понять, а года через двa-три сын легче перенесет распад семьи. Евгения Сергеевна отвергла «компромисс» Коврова, потребовала, чтобы он теперь же ушел из дому. Переживая настигшую ее беду, она делала все, чтобы внушить Саше презрение и ненависть к отцу. Мать не только всячески чернила отца в глазах сына, но не останавливалась и перед измышлением различных обид и унижений, которым якобы и теперь подвергает ее отец Саши, и делает это по наущению Озерцовой.

В подавляющем большинстве откликов вывод делается категорический: главный виновник бед Саши — это его отец, оставивший семью. Авторы некоторых откликов идут еще дальше, безоговорочно оправдывают Евгению Сергеевну, дескать, жертву себялюбца Алексея Коврова.

В этих откликах напрочь отвергается сама возможность возникновения у Коврова глубокого и сильного чувства к Озерцовой. А если Евгения Сергеевна открывала сыну глаза, помогая ему видеть своего отца в истинном свете, то делала это из самых добрых побуждений, веря, что сын, осудив постыдное поведение отца, никогда не пойдет по его стопам.

«Такая телеграмма, — это жестокость, — пишет в своем письме Борис Степанович Кузнецов из подмосковного города Люберцы.— Но она несвойственна нашим детям. Виновники — взрослые. В первую очередь отец — А. А. Ковров, ушедший из семьи». Эту же мысль продолжает в своем письме жительница Краснодарского края: «Я не оправдываю Евгению Сергеевну за то, что она воздвигала стену между сыном и бывшим мужем, но она ведь от отчаяния пошла по скользкой дороге и в своих взаимоотношениях с сыном, она боялась потерять его».

Естественно, в откликах встречается и иная точка зрения: мать, по обстоятельствам, от нее не зависящим, принявшая на себя после ухода мужа заботы о сыне, обязана всячески охранять и беречь его душевный мир, особенно после потрясения, вызванного распадом семьи. Евгения Сергеевна, взращивая в сыне мстительность и злобу, должна по всей справедливости нести моральную ответственность за телеграмму. А в одном из самых недавних откликов высказывается недоумение, почему мать не разделила с сыном его вины в суде.

Да, наша читательница Н. М. Наумова из Ленинграда так и пишет: «Она три года клеветала на мужа, три года отравляла и сердце и ум своего сына. По всей справедливости, она больше достойна скамьи подсудимых. Поймите меня правильно, я не требую суда над ней, меня больше волнует вопрос другой: как всю эту очень тяжелую историю переживает Саша?»

Спор, возникший между читателями, глубже и общественно значительнее, чем это может показаться. Это отнюдь не спор о том, чья вина больше, отца или матери, и как распределяется ответственность между ними.

Семья распалась, развод состоялся, но остаются чаще с матерью, а иногда с отцом дети. Растерянные, неспособные к объективной оценке происшедшего. Что нужно делать, чтобы не повторилась беда, постигшая Сашу?

Вот на этот самый трудный и сложный вопрос, который не может не волновать, читатели в своих откликах дали резко расходящиеся ответы. Попробуем разобраться в них. Причины, по которым распадаются браки, не однородны, и было бы упрощением считать, что уход из семьи всегда обусловлен нравственной несостоятельностью одного из супругов, как нельзя считать, что сохранение брака во всех случаях нравственно и нужно.

Вряд ли можно согласиться с категоричным заявлением З. И. Долгалюк, которая пишет: «Будь я законником, то вписала бы обязательно в наш кодекс строгое наказание за такую любовь, какая получилась у Озерцовой и Коврова. Я имею в виду не саму любовь, а ее последствия для других людей». Думается, более приемлема точка зрения М. М. Николаевой из Иванова: «Я признаю хорошую и высокую любовь, которая может прийти и в сорок лет, но только не за счет горя своих детей. Для порядочного человека счастье, добытое таким путем, не существует. Как можно чувствовать себя счастливым, зная, что где-то рядом страдает твой сын?»

Евгения Сергеевна разделяет судьбу матерей, вынужденных воспитывать сына или дочь после того, как семья распалась. Справилась ли Евгения Сергеевна с выпавшей на ее долю обязанностью формировать духовный облик сына, его жизненную позицию?

В очерке — тут авторы откликов правы — дается ответ недвусмысленный: своего долга матери Евгения Сергеевна не сумела выполнить. Она, несомненно, вызывает сочувствие. Она безоглядно верила мужу, не представляла себе жизни вне брака с ним, и, конечно же, его уход стал для нее бедой. Ей тяжко.

Но сочувствие, даже самое горячее, не должно заслонять правду. Евгения Сергеевна, как ни тягостно такое признать, ранила душу сына и нисколько не может оправдывать себя тем, что первую рану сыну нанес отец. Думается, что и сама Евгения Сергеевна сурово осудила бы любую мать, которая стала бы оправдывать свое поведение: «Отец не пощадил, почему же я обязана щадить сына?»

Не случайно оценке поведения отца и выяснению мотивов, по которым он оставил семью, уделялось третьестепенное место в очерке. Оставил ли он семью по низменным мотивам, как думают некоторые читатели, или потому, что не мог справиться с подлинным и глубоким чувством, как это, возможно, и было, что не меняет основного: свой отцовский долг он не выполнил. И если в семейной драме Ковровых есть нечто такое, что побуждает говорить о ней и что, несомненно, вызывает тревожные раздумья,— то это в первую очередь вопрос о том, как следует воспитывать сына или дочь после распада семьи или, если быть совсем точным, в чем состоит ошибка Евгении Сергеевны?

Никто лучше Евгении Сергеевны не знал, чем был для Саши его отец. Она сама прилагала немало стараний к тому, чтобы он видел в своем отце лучшего из лучших. И добилась этого. Внезапный уход, которому отец не счел нужным дать хоть какое-нибудь объяснение, был для Саши непонятен. Саша ведь не знал, что Евгения Сергеевна, грозя тем, что увезет Сашу, запретила Алексею Коврову какое бы то ни было общение с сыном. Какое жесточайшее смятение охватило душу подростка, в котором еще так много не устоялось, не окрепло. Сын уход отца воспринял как предательство, недаром он сказал следователю: «Уйти от тех, кто тебе предан,— предательство».

Рядом с Сашей его мать. Оната знала, она видела, какая опасность грозит душевному миру ее сына. Она, пусть не по своей воле, вынужденная уходом мужа, приняла на себя заботы и ответственность за сына, за формирование его характера, жизненной позиции. Но Евгения Сергеевна сама не меньше Саши нуждалась в помощи. Это многое объясняет, но все же горе — не охранная грамота. Оно не снимает долга. Могут спросить: а чем Евгения Сергеевна должна была помочь сыну? Никто ведь не вправе требовать от нее, чтобы она пыталась как-то облагородить поведение отца. Предоставь она Саше самому судить отца столь строго, сколь он заслуживает, Евгению Сергеевну не в чем было бы упрекнуть, нельзя же от нее требовать «лжи во спасение». Но разве так обстояло дело? Нет, речь шла о совершенно ином, о том, вправе ли мать усиливать и умножать страдания сына, вправе ли она, прибегая к лжи, растравлять рану.

Достоверные и неопровержимые доказательства своей вины перед сыном нашла сама Евгения Сергеевна в горькой исповеди накануне суда. Все три года, призналась Евгения Сергеевна, она подмечала, что не окончательно ушла из сердца Саши его любовь к отцу, нет-нет, а вспыхнет в нем надежда: может, произошла какая-то непостижимая ошибка, папа вернется и все пойдет как раньше? Все три года Евгению Сергеевну грызла тревога: не найдут ли отец и сын дорогу друг к другу? Вот почему сразу же после ухода мужа она принялась выдумывать обиды, чтобы каждая из них стала преградой на дороге от отца к сыну. И видела, что каждая вымышленная обида приносит Саше страдания.

Ковров оставил семью в октябре, а 29 ноября — день рождения Саши. Запретив Алексею Коврову, несмотря на его настояния, поздравить сына, Евгения Сергеевна постаралась внушить Саше: новая семья, дескать, до того заполонила отца, что даже в день рождения сына он не вспомнил о нем. И только за день до суда Евгения Сергеевна поняла, с каким поистине страшным «бесстрашием» она выращивала в сыне злые чувства.

Нет чувства, более чтимого, чем материнское, и мера для него особая: самоотверженность, всегдашняя готовность принять удар на себя, собой заслонить ребенка. Все то, что было бы подвигом для другого человека, для матери является привычной, естественной, каждодневной формой поведения. И когда личное горе вытесняет у матери заботу о воспитании своего ребенка, это огорчает. Когда же мать ведет себя так, что может искалечить судьбу своего ребенка, это неизбежно вызывает осуждение.

Едва ли нужно добавлять, что, осуждая Евгению Сергеевну, мы тем самым не оправдываем, хотя бы в самой малой степени, Алексея Коврова. Но, расходясь в оценках поступков Евгении Сергеевны и ее мужа, отклики читателей, если говорить по существу, продиктованы заботой о детях, их воспитании, их будущем.

Это и естественно для нашего нравственного самосознания.

ЖЕНЩИНА В ОДНОКОМНАТНОЙ КВАРТИРЕ

Любовь ЮНИНА

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Проснувшись, Дарья Павловна несколько минут лежала, не открывая глаз и ни о чем не думая. Ей не надо было глядеть на часы, она и так знала, что сейчас ровно семь. Дарья Павловна всегда просыпалась ровно в семь, а спала крепко, без снов.

Отбросив одеяло, она подтянула к животу правую ногу, резко вытянула ее, потом левую, а затем обе вместе. Три раза. Легко поднялась, босиком пробежала в кухню, налила из-под крана в кружку горячую воду, вернулась в комнату, села на пол по-турецки. Обняв кружку ладонями, стала медленно, маленькими глотками пить воду, глядя в окно на занимающийся день. Дань моде — йоговская гимнастика! Кто научил ее этой чепухе, Дарья Павловна не помнила и слегка посмеивалась над собой за веру в нее.

Но сорок пять есть сорок пять. Годы дают о себе знать. Пока незаметно, но дают. Что-то надо делать! Конечно, лучше бы ходить к массажистке, но где взять время? А «йоги» отнимают всего пять минут. Впрочем, она никому не рассказывала про эти свои утренние процедуры. Она не любила проявлять слабость ни на людях, ни даже наедине с самой собой. Может быть, именно это помогало ей всегда выстоять даже в самых сложных жизненных ситуациях.

Душ Дарья Павловна терпеть не могла, но тем не менее, преодолевая отвращение, она каждое утро его принимала. Воду она пускала не холодную, не горячую, а теплую, нежащую. Такой душ не приносил телу бодрости, наоборот, несколько минут после него она мерзла. Но душ был данью чему-то необходимому, она сама не знала чему. Не чистоплотности! Нет! После работы Дарья Павловна непременно выкраивала время и пятнадцать минут наслаждалась, лежала в теплой ванне, в которой шапкой стояла мыльная пена. Это она любила! Дарья Павловна была полна неясных предрассудков, в которых она сама плохо разбиралась. В ее жизни было много разных «можно», «нужно», «нельзя», которым она хотя и подчинялась, но объяснить их себе не могла, а впрочем, и не стремилась. Где-то в глубине души она подозревала, что становится ханжой, но в точности она не была в этом уверена.

Большую часть утреннего времени отнимала косметика. Есть женщины, которые, красясь, испытывают наслаждение. Дарья Павловна к ним не принадлежала. Она ненавидела длительность этой процедуры. Быстрая по натуре, она страдала от необходимости делать десятки замедленных прикосновений щеточкой к ресницам. Однако, сдерживая нетерпение, красилась старательно. Втирала тон, делавший ее кожу свежей и чуть смуглой, тщательно причесывалась. А затем так же тщательно одевалась. Перед уходом она подходила к трюмо и с пристрастием оглядывала себя. Из зеркала, легко улыбаясь, на нее смотрела довольно молодая и довольно красивая женщина, модная и современная с головы до пят.

Выйдя на улицу, Дарья Павловна достала из сумки большие темные очки и, надев их, не торопясь зашагала по улице, радуясь солнечному майскому дню. Зеленая дымка стояла над деревьями и кустами. Клейкие листочки уже проклюнулись из почек, но не развернулись, и это их неопределенное состояние как бы предвосхищало красоту. Дарья Павловна любила это время года.

Она шла через сквер, ни о чем не думая, безотчетно улыбаясь чему-то. Какой-то прохожий задержал на ней взгляд,— она погасила улыбку, придирчиво оглядела себя как бы со стороны и, оставшись довольной, снова улыбнулась. Светло-серые брюки, синий кожаный пиджак, голубой тонкий джемпер с высоким воротом, синие туфли и сумка через плечо. Дарья Павловна была удовлетворена собой, жизнью, своим положением в этой жизни.

Те, кто знал Дашу Лактионову в детстве и юности, с трудом верили метаморфозе, происшедшей с ней. Хорошенькая, увлекающаяся, доверчивая девочка, она училась кое-как, неровно. Тройка была самой стабильной ее отметкой. И происходило это не оттого, что она была ленива или тупа,— нет, просто сфера ее интересов лежала где-то вне школьных занятий. Она много и беспорядочно читала, и каждая прочитанная книга рождала новые увлечения. «Жизнь Марии Кюри» превратила Дашу на некоторое время в отличницу. Она решила быть целеустремленной и с утра до вечера учила уроки. Но тут ей подвернулся роман Станюковича «Равнодушные», и Даша поняла, что жизнь надо прожигать.

В девятом классе Даша выкурила первую сигарету, однако к табаку так и не пристрастилась, хотя бывали у нее периоды, когда она покуривала. В десятом в первый раз попала в ресторан, и там ей очень понравилось.

Все, кто знал Дашу в этот период ее жизни, считали ее легкомысленной и пустой; даже ближайшие подруги не принимали ее всерьез. Только сама Даша знала про себя совсем другое. Она не думала о том, какая она сейчас, она мечтала о том, какой она будет. Прежде всего очень знаменитой. Кем? Это было неясно. Может быть, актрисой (она немного рисовала), писательницей (она писала весьма плохие стихи), а может быть, выдающимся государственным деятелем. Вот какие масштабы были у Даши! В своих фантазиях она видела себя в открытой машине, за рулем, в белом английском костюме. Машина стоит, а Даша ждет мужа и прикуривает от золотой зажигалки. А в это время идет Он. Он — это был Ленька Капустин, который пренебрег ее любовью и назвал ее пустой дурой. Что будет дальше, Даша не знала. Ее фантазия всегда как-то тормозилась на этом Леньке. Она жила в своих туманных мечтаниях и ничего не делала для их осуществления.

Никто не предполагал, что из Даши выйдет что-то путное. Только одна из соседок, журналистка, желчная неудачница, разглядела в ней что-то и сказала Дашиной матери:

— Девчонка не так однозначна, как кажется! Я думаю, в конце концов из нее сформируется интересная личность.

Мать замечание соседки изумило. Дашка — личность?! Некоторое время она приглядывалась к дочери, но ничего выдающегося в ней не обнаружила.

Даша поступила на экономический. В те годы это была довольно бесперспективная профессия, но Даша пошла туда потому, что там, по слухам, самый маленький конкурс. Рассчитывать, что с ее тройками примут в приличный вуз, Дарье Павловне не приходилось. Но в институте она неожиданно для самой себя стала хорошо учиться и даже почувствовала к этому некоторый интерес.

Когда Дарья Павловна вспоминает свою юность, она удивляется: до чего же нерасчетливо жила, как много лет потеряно впустую! Но это было не так, просто она очень медленно взрослела.

Замужество Дарьи Павловны оказалось неудачным. Впрочем, это тогда она решила, что жизнь ее со Степаном у них не получается. В ту пору Дарья Павловна была максималистка; впрочем, она и теперь осталась ею, но не рубила сплеча, как в молодости. Жизненный опыт научил ее осторожности. Теперь-то она понимала, что Степан был совсем не так плох, как ей тогда казалось. Нормальный современный мужик; в меру ленив, в меру безответствен, с не очень хорошим, но и не с очень дурным характером — со временем все б обкаталось... Но тогда ее возмущало, что все заботы о семье он свалил на нее, заслонился от всего своей кандидатской, в которую, если честно говорить, втравила его Дарья Павловна. Но и когда он защитился, все осталось по-прежнему. Терпение Дарьи Павловны лопнуло, и они развелись. Степан и по сей день сидит в своем институте на должности старшего научного сотрудника, звезд с неба не хватает и, главное, не стремится к этому. Дарья Павловна давно опередила его во всем, хотя защищалась позже, но она уже доктор наук, профессор, заместитель директора института. Если б они не расстались, Дарья Павловна не дала бы ему засидеться, заставила бы двигаться. Она считала, что кое-какие творческие извилины у него были, просто ленив очень, готов малым довольствоваться, лишь бы не беспокоить свою драгоценную особу.

Больше Дарья Павловна замуж не выходила. Появлялись, правда, претенденты на ее руку, но все они были ничуть не лучше Степана. Не то чтобы Дарья Павловна жалела, что рассталась с мужем, нет, этого не было, но если б она в ту пору была более мудра, то не развелась бы со Степаном, перетерпела, а его бы все же заставила измениться. Какой-никакой, но все же отец ее ребенка. Она, конечно, привыкла к своему женскому одиночеству, настолько привыкла, что, кажется, и не сможет уже терпеть кого-либо возле себя.

Дарья Павловна пересекла большой прохладный вестибюль старинного особняка, где

размещался институт, поднялась по широкой мраморной лестнице на второй этаж, поздоровалась со своей секретаршей Милочкой, которая подражала ей во всем, да так, что Дарье Павловне порой казалось, что она смотрит на себя в кривое зеркало из комнаты смеха где-нибудь в парке культуры и отдыха.

— Здравствуйте, Дарья Павловна,— пропела Милочка и преданно заглянула ей в глаза.— Как вы себя чувствуете?

Дарья Павловна чуть заметно поморщилась: с чего бы это Милочка в последние дни интересуется ее здоровьем? Не старуха она еще, слава богу, и не болезная. И вдруг вспомнила: неделю назад она, заметив, что Милочка бледна, спросила, как та себя чувствует. «Ах, Милочка,— подумала Дарья Павловна,— какая же ты еще дурашка, Милочка». А вслух сказала с улыбкой:

— Прекрасно себя чувствую! Я всегда по утрам чувствую себя прекрасно, Милочка! А вот вечером — другое дело. К вечеру я, случается, совсем дряхлею.

Милочке казалось остроумным все, что произносили уста Дарьи Павловны; поэтому она рассмеялась.

— Ска́жете тоже, Дарья Павловна: «Дряхлею»! Это вы-то дряхлая?!

Дарья Павловна тоже посмеялась и проследовала к себе в кабинет. К своему возрасту она относилась двояко: с одной стороны, он ее огорчал — цифра «сорок пять» слишком близко стояла к пятидесяти — возраст, когда женщину называют пожилой. А пожилой Дарье Павловне никак не хотелось быть, потому что в душе она чувствовала себя совсем не старой. Но и скрывать истинный свой возраст претило Дарье Павловне. Поэтому Дарья Павловна, демонстрируя внешнюю моложавость, здоровье, подтянутость — все то, что она называла «формой»,— непременно при этом говорила, что она уже, увы, стара, по опыту зная, что факту верят больше, чем словам.

Уборщица, как всегда, оставила открытой форточку, и Дарья Павловна, не терпевшая сквозняков и вообще прохладной температуры, с ненавистью захлопнула ее.

На столе в узкой керамической вазочке стояла распустившаяся тополиная ветка. Дарья Павловна понюхала ее — горьковатый запах ударил ей в ноздри. Потом полюбовалась веточкой — стараниями Милочки, выросшей в Латвии, стол Дарьи Павловны всегда был озеленен.

Усевшись в кресло и бросив взгляд на рабочий календарь, Дарья Павловна ахнула: как же это она забыла, что сегодня ей надо быть в райисполкоме и «выколачивать» квартиру для недавно защитившего докторскую диссертацию Максима Туманова? Ей предстояла встреча с заместителем председателя Клавдией Агафоновной Агафоновой, женщиной несколько ортодоксальной, которая вечно боролась с модой и запрещала сотрудницам ходить на работу в брюках. А Дарья Павловна, забыв об этой встрече, вырядилась в брючный костюм. «Как глупо,— расстроилась она,— поистине старушка слаба умом стала». Конечно, ей было наплевать на вкусы Агафоновой, ей-то никто не посмеет запретить войти в райисполком в брюках. Но только Клавдия Агафоновна может принять это как вызов и на зло помариновать вопрос с квартирой, тем более, что вопрос сложный. Поэтому директор и отрядил на переговоры дипломатичную Дарью Павловну.

«Придется ехать домой переодеваться. Час времени кошке под хвост,— подумала Дарья Павловна. Что за чудище эта Клавдия!» Она вынула из сумки пудреницу, припудрила нос, чуть подправила локон, и деловой день деловой женщины начался.

Как-то так получалось, что у Дарьи Павловны работы всегда оказывалось больше, чем можно было успеть сделать за восемь часов. В институте на нее сваливали многое, потому что она умела решать вопросы быстро и умно. Она всегда точно представляла себе, что надо предпринять в том или ином случае и как предпринять. У нее были обширные деловые связи, и там, где другой потратит часы и дни, Дарье Павловне достаточно было пятиминутного телефонного разговора. Она была не только хорошим организатором, но и довольно крупным специалистом в той области науки, которой занималась. С нею считались, к ее мнению прислушивались.

Дарья Павловна любила работать и работала красиво. Хотя, казалось бы, как можно красиво работать, сидя за письменным столом? Однако нашелся человек, который заметил это.

Как-то к директору института пришел писатель Валентин Скудаев и попросил дать ему

возможность «повариться в атмосфере НИИ», так как он задумал писать роман, действие которого развивается в такого вот рода институте. Директор Игорь Васильевич Попов, естественно, сплавил его к своему заму. Он всегда все лишнее и ему ненужное сплавлял к Дарье Павловне, так как знал, что она более ловко, нежели он, сумеет от этого избавиться. Но получилось впервые, пожалуй, что Дарье Павловне не удалось избавиться от Скудаева. Более того, вместо того, чтоб «вариться в атмосфере НИИ», он предпочел «вариться» в атмосфере кабинета Лактионовой.

Сначала он ее раздражал. Приходил, когда хотел, подчас в самое неподходящее время, садился в уголок, в кресло, покуривал и поглядывал оттуда на Дарью Павловну круглыми черными глазами. Потом она привыкла к нему, порой вообще забывала, что он сидит у нее в кабинете. Иногда, обнаружив, говорила:

— Походили бы по лабораториям, Валентин Иванович. Ну, чего тут у меня интересного?

— Я хожу,— коротко отвечал Скудаев.— Но у вас интереснее. Там, в лабораториях, лишь кончики разных ниток, а у вас — узелки.

— Ну, сидите, раз узелки,— посмеивалась Дарья Павловна.

Иногда, когда к концу дня все утихало и у Дарьи Павловны выпадали свободные минуты, они разговаривали. Как-то он спросил:

— А почему вы не замужем, Дарья Павловна?

Дарья Павловна не любила разговоров на такие темы, сердилась, когда их заводили при ней, но сейчас этот вопрос отчего-то ее не покоробил. Она пожала плечами:

— Ну и вопрос вы мне задали, Валентин Иванович... В разные годы я б ответила вам по-разному. А сегодня сама задам вам вопрос: зачем мне муж?

Скудаев несколько растерялся.

— Вы красивы, милы... и нельзя же жить только работой.

— А я и не живу только работой. Хотя большая часть моих интересов лежит именно в сфере работы. Во-первых, у меня есть сын. Совершенно взрослый и даже женатый. Правда, живет он отдельно, потому что втроем мы вряд ли бы ужились. Я ведь привыкла командовать, помыкала бы невесткой..

— Да что вы на себя наговариваете, Дарья Павловна! Вы бы помыкали! Вы такая добрая.

— Я добрая? — Дарья Павловна воззрилась на него с любопытством, потом рассмеялась.— Значит, тогда б она помыкала мною. Но, впрочем, если серьезно: мое убеждение, что молодые должны жить отдельно, сами воспитывать друг друга. Никто третий между ними стоять не должен. Поэтому, как только сын решил жениться, я разменяла квартиру. И теперь у меня однокомнатная «гарсоньерка», где я живу абсолютно независимо.

— Вот видите,— убежденно сказал Скудаев.— Вы живете только работой. Но работаете вы удивительно красиво. До сих пор мне приходилось видеть, как человек красиво работает у станка, в поле, ну, физически, в общем, работает. Вы просто восхищаете меня, Дарья Павловна!

— Ну уж,— фыркнула Дарья Павловна, так как не очень доверяла похвалам. Жизненный опыт убеждал ее, что похвала редко бывает искренней, за ней непременно следует просьба. Хотя в глубине души Дарья Павловна была о себе довольно высокого мнения, может быть, даже выше, чем ей высказывали другие. Однако это мнение она держала при себе.

— Я всегда правду говорю,— обиделся Скудаев.— И вы мне очень интересны.

— Как типаж?

— Как человек! Я много думаю о вас. Вы красивая женщина. Вы любите подчеркнуть свою красоту одеждой, косметикой, но в то же время вы никогда не кокетничаете...

Дарья Павловна рассмеялась.

— Что вы говорите, Валентин Иванович! Разве заместителю директора института к лицу кокетство?

— Я неточно выразился... Я хотел сказать, что вы ведете себя так, словно вы не женщина. Всем своим видом вы даете понять, что на ухаживание за вами наложено табу...

— Я на работе, Валентин Иванович...

— Я думаю, что вы везде такая. Я сомневаюсь, что, выходя из института, табличку «табу» вы прячете в сумочку. Вы мне кажетесь человеком цельным. Вот вы спрашивали: а зачем вам муж? Ну, а тогда зачем стремиться быть красивой, для кого? Для ваших коллег? Так они ценят вас за ум, за деловитость. Для себя?

— Вы усложняете. Все проще. Я считаю, что собранной надо быть не только внутренне, но и внешне...

— Но для этого достаточно надеть просто строгий костюм. А у вас поглядите какое изысканное платье!

Дарья Павловна с удовольствием оглядела свое платье — шедевр портняжного искусства. Она привезла его из Парижа, вгрохав все командировочные до последнего франка.

— Быть красивой — это мой комфорт. Знаете, по Чехову: в человеке все должно быть прекрасным...

Скудаев смотрел на нее недоверчиво, а она улыбалась ему искренне и открыто.

Но все было совсем не так просто, как объясняла Скудаеву Дарья Павловна. Как всякий нормальный человек, она страдала от одиночества, не очень, правда, потому что на настоящие страдания у нее не было времени. Фраза «зачем мне нужен муж» была бравадой. Теоретически иметь хорошего любящего и любимого мужа и быть кем-то защищенной она бы желала. Просто муж ей не был нужен, как не нужно было положение замужней женщины ради престижности. Поэтому если говорить грубо, то красотой своей она никого заманивать не собиралась. Но неэффектная одинокая женщина — это одно, считала Дарья Павловна. Потому и одинока, что не на что глянуть! А красивая, элегантная одинокая женщина — совсем другое. Одинока, потому что зачем ей муж? Ей и так хорошо. В этом логическом построении, которое сочинила Дарья Павловна, логики, как мы видим, было немного. Просто стремлением быть красивой она самоутверждалась.

— Дарья Павловна,— спросил Скудаев,— ну, неужели вам никогда не мечталось о том, что так банально называется «личное женское счастье»?

— Мечталось,— засмеялась Дарья Павловна,— знаете, в молодости у меня была такая хрустальная мечта. Сижу я в белой открытой машине за рулем (пагубное влияние заграничных фильмов), на мне белый костюм, а мимо идет Ленька Капустин. Видит меня и понимает, что он потерял!

— А кто это Ленька Капустин? — с любопытством спросил Скудаев.

— Неосуществленная любовь... То есть любовь без взаимности. Мы в одном дворе жили в детстве, и когда он узнал, что я в него влюблена, сказал про меня, что я дура, да еще пустая.

Скудаев улыбнулся.

— Сейчас ваша мечта вполне осуществлена. Машина у вас есть, белый костюм тоже.

— Годочки не те!

— Ну, ерунда! И где же сейчас этот Ленька?

— Не знаю. Мы переехали.— Она вздохнула.— Разучилась я влюбляться, Валентин Иванович. Хорошо это или плохо, но это так...

— Плохо. Вы обкрадываете себя.

Но Дарья Павловна не согласилась с ним.

Почему-то сегодня, вернувшись из райисполкома, Дарья Павловна вспомнила этот разговор со Скудаевым. Прежде чем отправиться к Агафоновой, она все же съездила домой переодеться и облачилась в скромный английский костюм, вид которого чрезвычайно порадовал Клавдию Агафоновну.

— Мила, как всегда, мила,— сказала она, оглядывая Дарью Павловну. Потом прозорливо заметила: — Небось, специально так вырядилась, чтоб мне угодить.

Клавдия Агафоновна и внешностью и голосом была очень похожа на народную артистку Татьяну Пельтцер. Ветеран войны, она с незапамятных времен работала на своей должности и, несмотря на некоторые чудачества, была человеком чрезвычайно толковым.

— Конечно, именно для вас так приоделась,— сказала Дарья Павловна.— Не могу нарушать устав вашего монастыря.

— Хитрованка! Ну, так что там у тебя?

Дарья Павловна изложила. Максим Туманов только что защитил докторскую диссертацию, живет в коммунальной квартире, в пятнадцатиметровой комнате. Институт может ему дать квартиру в своем новом доме, но вот метров для него одного многовато — шесть лишних метров. А поменьше квартир в доме нет.

— Можем дать вам поменьше, а вы нам эту,— предложила Клавдия Агафоновна.

— Не хотелось бы.— Дарья Павловна повертела кольцо на пальце.— Ему тридцать семь лет. Вот-вот женится, родит ребеночка. И опять ему меняй квартиру! Понимаете, Клавдия Агафоновна, он исключительно талантливый человек, подает большие надежды. Мы очень просим пойти нам навстречу.

— Законы не про вас писаны? — проворчала Клавдия Агафоновна.— А вдруг не женится? Что ж он до сих пор-то не женился?

— Да он работал как одержимый. Шутка ли, в тридцать семь — доктор наук. А сейчас оглядится, влюбится...

— Эх, матушка,— перебила Агафонова Дарью Павловну,— кто до тридцати семи не женился, тот уж и не женится. Или он разведенный?

— Да нет! Но мы его женим. Непременно женим! Он у нас красавец. Да еще умный.

— Красивый умник так же плохо, как и умная красавица, вроде тебя. Сама-то все в холостячках?

Дарья Павловна скромно потупила взор.

— Старушка я уж, Клавдия Агафоновна! Куда мне!

— Не придуривайся! Старушка! Сколько метров-то в квартире?

Дарья Павловна сказала. Агафонова покачала головой: многовато.

— Клавдия Агафоновна,— быстро заговорила Дарья Павловна,— не надо подходить к этому формально. Случается же, что вы даете двадцатиметровую квартиру одинокому человеку, а ведь там тоже лишние метры, если исходить из нормы. А здесь просто кажется, что много, так как он имеет право, как доктор наук, на дополнительную площадь.

Агафонова сдалась неожиданно быстро.

— Ладно, подумаем...

— Спасибо!

Дарья Павловна быстрым шагом прошла через приемную, вышла в коридор и обнаружила там длинную фигуру Максима Максимовича Туманова.

— Здрасьте! — сказала она насмешливо.— Вы как здесь очутились?

Туманов не смутился.

— Только не подумайте, что я пришел болеть за эту квартиру. Просто у меня был к вам один вопрос, а Милочка сказала, что вы поехали домой переодеваться, так как у вас встреча с Агафоновой. И я понял, что Игорь Васильевич вместо себя отправил вас выбивать квартиру. А мне неприятно, когда о моих делах хлопочет женщина.

— Я не женщина! — высокомерно ответила Дарья Павловна.— Я заместитель директора института! Что это с вами, Максим? Что за средневековое рыцарство? И потом, что меняет в существе дела ваш визит сюда?

— Я понимаю, это глупо,— уныло произнес Максим.— Но поймите, мне неловко, что именно вы хлопочете мне квартиру.

Дарья Павловна с интересом поглядела на него. Какая ему разница, кто о нем хлопочет? Важен результат!

— Да будет вам известно, что именно я всегда занимаюсь такого рода делами,— заметила она.— У меня это получается лучше, чем у Игоря Васильевича.— Он,— Дарья Павловна неопределенно покрутила пальцами,— делает это несколько неуклюже. И на этот раз у меня, тьфу-тьфу, не сглазить бы, кажется, вышло удачно. Но не будем радоваться преждевременно — я суеверна!

— А я не радуюсь. В сущности, я и не просил квартиру. Это Попов решил, что она мне нужна. Меня вполне устраивает моя комната. Единственное, что книги уже совсем некуда девать. А так у меня прекрасно! Одна соседка всего, старушка! Она и готовит мне и стирает... Мы живем с ней душа в душу.

— Соседка — это прекрасно...— задумчиво произнесла Дарья Павловна, усаживаясь в ожидавшую ее машину.— Вы тоже в институт? Но Агафоновой я обещала, что вы женитесь. Иначе, я думаю, она б отказала. У вас есть невеста? Вы кого-нибудь любите? — небрежно, с высоты своего возраста и положения спро-

сила Дарья Павловна и, с улыбкой повернув лицо к Туманову, наткнулась на его непонятный, то ли встревоженный, то ли испуганный взгляд. Со странным для себя ощущением Дарья Павловна поспешно опустила глаза и, не дождавшись ответа, быстро заговорила:

— Какая весна нынче ранняя! И тепло... Больше всего люблю это время года! — Она произносила еще какие-то пустые, ничего не значащие слова, не понимая, что же это происходит сейчас между нею и Максимом. Но что что-то происходило, что-то странное,— это она чувствовала.

У подъезда института он стремглав выскочил из машины, открыл ей дверцу. Дарья Павловна вошла в вестибюль с ощущением, что табличку с надписью «табу» она несет в сумке, а не на груди, как это бывало обычно.

— Так какой у вас, Максим, был ко мне вопрос?

— Вопрос? Ах да! Я хотел вам показать окончательные тезисы моего доклада.

— Оставьте их у Милочки, я сейчас пойду к Игорю Васильевичу. А впрочем, не надо! Я посмотрю их в поезде. Завтра уезжать, а дел невпроворот...

— А тут еще эти квартирные хлопоты...

— Возьмите с собой побольше денег. В Риге много красивых безделушек.

— Я в этом ничего не понимаю.

— Посмотрим вместе.— Она кивнула ему.

В приемной директора Дарья Павловна спросила секретаршу:

— У себя?

— Да.

— Один?

— Один.

Дарья Павловна вошла в кабинет. Директор, высокий, толстый, лысый, в массивных роговых очках, делавших его похожим на сову, разговаривал по телефону. Увидев Дарью Павловну, которая приостановилась было на пороге, закивал ей и толстым пальцем потыкал в стоявшее рядом со столом кресло. Дарья Павловна приблизилась, села, закинула ногу на ногу, обнажив красивые круглые коленки.

На столе лежала пачка «Явы», и Дарья Павловна вдруг ощутила желание закурить. Она потянулась к ней, вытащила сигарету. Попов, продолжая разговаривать, щелкнул зажигалкой и, перегнувшись через стол, дал ей прикурить. Дарья Павловна затянулась с явным удовольствием.

— Ну что? — спросил директор, положив трубку.— Какие успехи?

— Клавдия сегодня оказалась довольно покладистой. Я, правда, пообещала ей, что мы Туманова скоро женим. Думаю, что утвердят ему эту квартиру.

— Хорошо бы! Золотые мозги! Не устаю им восхищаться! Какие идеи в голове! Какие идеи!

— Идеи — да! Но вообще он странный. Знаете, Игорь Васильевич, ведь он следом за мной примчался в исполком.

— Да-а? — удивился Игорь Васильевич.— Действительно странно. Мне казалось, что его совершенно не интересует эта квартира. Даже наоборот, получилось как-то, что я просто навязываю ему ее. Не может быть, чтоб я так ошибался! — Он заволновался и забегал по кабинету, неожиданно легкий для своего большого тела.

Дарья Павловна пустила колечко дыма (она умела пускать колечки и очень этим гордилась) и внимательно глядела, как оно расплывается и тает...

— Мне кажется, что вы ничуть не ошиблись, Игорь Васильевич,— заметила она неторопливо,— его почему-то смутило главным образом то, что хлопотать о квартире поехали не вы, а я.

— А откуда он об этом узнал? — остановившись посреди комнаты, спросил Игорь Васильевич.

— От Милочки, случайно...

— Ну и что?

— Ну и ничего! — Дарья Павловна притушила сигарету о пепельницу и поднялась.

— Ха, — сказал вдруг Попов. — Он, наверное, влюблен в вас, Дарья Павловна!

Ему были свойственны такого рода нелепые озарения. Дарья Павловна оглянулась на него от двери.

— Разве я похожа, Игорь Васильевич, на женщину, в которую влюбляются?

— Нет! — искренне сказал Попов и громко захохотал. Дарья Павловна пожала плечами и вышла из кабинета.

Вот потому-то и вспомнила сейчас Дарья Павловна разговор со Скудаевым. Значит, непохожа она на женщину, в которую можно влюбляться? Хорошо это или плохо? Раньше ей казалось, что хорошо. А сейчас?

«А он красивый,— без видимой связи подумала Дарья Павловна о Туманове.— А впрочем, какое мне до этого дело?»

Войдя к себе в кабинет, она достала из сумочки пудреницу, глянула в зеркало. Результаты осмотра ей не доставили удовольствия. Она нахмурилась, убрала пудреницу, постучала нервно пальцами по столу. Вошла Милочка, протянула ей конверт:

— Вот билет, Дарья Павловна.

— Спасибо, Милочка. Интересно, какая там погода?

— Я выяснила, Дарья Павловна. Погода хорошая, тепло. Теплее, чем у нас в Москве. Люди ходят с короткими рукавами.

Дарья Павловна покачала головой: поистине Милочка постепенно становится идеальным секретарем.

— И как же ты это узнала?

— Очень просто: спросила, когда заказывала гостиницу.

— Милочка, да ты делаешь сногсшибательные успехи!

— Стараюсь, Дарья Павловна! Я взяла на вооружение статью в «Литературной газете».

— Умница! Тысячи секретарей прочли эту статью, но не сделали никаких выводов. Я объявляю тебе благодарность.

— Спасибо, Дарья Павловна. Вам звонил сын, напомнил, что вечером они к вам зайдут. В семь часов.

Дарья Павловна поморщилась. Она любила сына, скучала о нем, но предпочитала, чтоб он навещал ее по субботам или воскресеньям.

Время после работы Дарья Павловна любила проводить в одиночестве. Она почти никогда не ходила в будние дни в гости, никого не принимала у себя.

Задерганная делами, усталая, она приходила вечером в свою однокомнатную квартиру, напускала воды в ванну, выпивала на ходу стакан молока или сока — что оказывалось в холодильнике. На ходу раздевалась, разбрасывая вещи по стульям и креслам, целый день подтянутости требовал разрядки, и Дарья Павловна находила ее в полной анархии, потом ложилась в теплую пенистую воду и лежала, ни о чем не думая, пока вода не остывала. Затем Дарья Павловна закутывалась в большой махровый халат, обувала обшитые пушистым мехом тапочки, густо мазала лицо кремом и ложилась на живот поперек тахты. Если у нее была работа, то, так вот, лежа, она читала и писала, если не было работы — смотрела телевизор или читала что-нибудь из того, о чем сейчас говорили. Эти вечера, ночи и утренние часы принадлежали лично Дарье Павловне. Она очень дорожила ими, потому что здесь ей не надо было ни держать себя в форме, ни самоутверждаться. Иногда Дарья Павловна сама с собой разговаривала, особенно когда случались неприятности. Тогда она размашистым шагом ходила по квартире и произносила длинные монологи. Она никогда не плакала, не позволяла себе плакать. Плакать можно лишь тогда, когда тебя есть кому утешить, а Дарью Павловну утешать было некому.

Она привыкла к своему одиночеству, ничуть не страдала от него, а с годами научилась даже наслаждаться им. Не надо было мыть каждый день посуду, готовить еду, убирать квартиру. Она занималась хозяйством, когда ей хотелось, или когда надоедал беспорядок, или когда кто-то должен был прийти к ней.

Визит сына ломал привычный вечерний распорядок Дарьи Павловны: надо было бежать в магазин, готовить ужин, но она сама просила его прийти сегодня, потому что соскучилась, а их обычное субботнее или воскресное свидание на этот раз не могло состояться, так как Дарья Павловна уезжала в командировку.

Окончание следует.

СЕКРЕТЫ «АЗОРСКИХ ОСТРОВОВ»

Не будем спрашивать народного артиста СССР Бориса Петровича Чиркова, почему так неожиданно назвал он свою книгу. В самом деле, при чем здесь Азорские острова в разговоре о жизни актера, художника?.. Но давайте подождем с выводами. И если ощущение загадки, секрета и дальше не разъяснится, то, наверное, нам захочется перечитать заново эту книгу, написанную, а точнее говоря, вдохновенно рассказанную автором.

Поэтично и доверительно звучат ее главы. Кажется, будто слышишь несколько приглушенный, иногда чуть смеющийся, а в то же время вроде бы чуть печальный, раздумчивый голос самого Чиркова. И вот эта покоряющая интонация, эта искренняя, простодушная манера общения, которая, наверное, и помогла стать в свое время Чиркову знаменитым Максимом с Выборгской стороны (так же, как превратила Максима в Чиркова), делает книгу другом и советчиком.

Жизнь, отданная людям, нескончаемый труд ради людей, ощущение родины как своей души, безраздельная поглощенность делом, творчеством — вот что становится богатством, которое находишь, отгадывая загадки «Азорских островов» и пытаясь как можно более точно обозначить их главную тему.

Будучи образчиком литературы мемуарной, всегда интересующей читателя драгоценными подробностями эпохи, сохраненными в памяти чертами далеких уже теперь лет становления нового советского искусства, книга Б. П. Чиркова покоряет активностью, партийностью мироощущения, патриотическим чувством, пронизанным неистребимой — невзирая на возраст — юношеской романтикой... Нет, Герою Социалистического Труда Б. П. Чиркову еще не пора подводить итоги тому, что им сделано: он продолжает д е л а т ь. Он как жил, так и живет в искусстве и смотрит вперед все с той же отвагой и верой в жизнь. От детства и юности его отделяет теперь опыт, накопленный за годы труда, да еще какая-то особая мудрость, в которой по-прежнему живет ясный и молодой взгляд на все происходящее вокруг...

До сих пор мы знали, что за каждым образом, созданным Чирковым на сцене или в кино, всегда стоит судьба, жизнь человеческая...

Тут, очевидно, и подойдем мы к раскрытию главного секрета книги. Азорские острова — это все, что было, и все, что еще будет в том нескончаемом переплетении света и тени нашего общего человеческого, народного существования — нашего труда, наших будней и праздников, наших радостей и нашего горя. Это поэтическая книга о единстве человека и родины.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Борис Ч и р к о в. Азорские острова. М., «Советская Россия», 1978, 288 стр.

НЕПОДВИЖНЫ ДЕРЕВЬЯ В СНЕГУ

Михаил БАСМАНОВ

БЛАГОДАРЕНИЕ СИРЕНИ

Спасибо говорю тебе, сирень,
За лист зеленый в пору листопада,
За радость цвета и тепла для взгляда
В холодный этот и ненастный день!

Тебе теперь, в предзимье, не цвести
И ароматом все вокруг не полнить.
Но лист зеленый твой весну напомнил,
Что где-то далеко от нас в пути.

ЕЛИ

От елей на сугробах тени
На фоне блекнущей зари,
В покое сумерек вечерних
Их силуэт неповторим.

Как будто стражи у дороги
Стоят недвижно на снегу,
Собравшиеся по тревоге
Проходы заслонить врагу.

Стоят в молчании суровом,
Воздели копья над собой,
По зову первому готовы
Вступить без промедленья в бой.

И вспомнился мне день вчерашний,
Когда вершился грозный суд...
О, как пришельцам было страшно
Здесь, в этом Истринском лесу!

ВОЕННАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ветер рыщет за окном,
Вьюга и буран в степи.
Не проникнут они в дом,
Спи, родимый, крепко спи!

Где-то в дальней стороне
Небо в зареве ракет.
Там отец твой на войне
В эту ночь ушел в секрет.
Он у нас бывалый воин,
Спи, малыш мой, будь спокоен!

Завтра, только рассветет,
Постучится почтальон.
Нам письмо он принесет...
Спи, мой милый, сладок сон!

А когда растает снег,
Твой отец придет домой.
Наяву, а не во сне,
Невредимый и живой.
Ждать недолго, потерпи,
Спи, хороший, крепко спи!

ЖУРАВЛИ

Прострочили пунктирною строчкой
Небо черные журавли.
Осень скорую напророчив,
Протрубили и скрылись вдали.
Окунулись, как будто в небыль,
Расплескав тишину за собой.
Лишь звенит высокое небо,
Будто колокол голубой.

СИНИЦА

Удивительная птица!
И не птица — пичуга скорей —
Желтогрудое чудо синица
Зимовала на нашем дворе.

Как ей мало, как мало надо —
Лучик света и струйку тепла,—
Искрометные чтобы рулады
На заре она повела.

С каждым разом звонче, призывней,
А певицы не видно совсем,
Будто зов неуемной жизни,
Обращенный незримо ко всем.

И поверилось как-то в удачу,
Ощутилось могущество плеч:
Может, я тоже что-то да значу,
Хоть мне моря и не зажечь.

ВЕСЕННЕЕ УТРО

Затеплились свечи на соснах,
В лиловом и белом сирень.
В пернатом разноголосье
Приходит ликующий день.

Пролиться готовая зелень —
Ни капельки желтизны —
И сладкого воздуха зелье,
Целебное зелье весны.

Во всем торжество обновленья,
Все тянется к солнцу, на свет.
Забыто о смерти и тлене,
Их не было словно и нет.

И в вечность я как-то поверил,
Едва лишь ступил за порог.
И сразу остался за дверью
Мир страхов ночных и тревог.

ЗАКАТ

Не бывает без дыма огня —
Так пословица говорит.
Но как раз напротив меня
Лес бездымным огнем горит.

Не горит — полыхает он,
И не он, а что-то еще...
Там, на западе, небосклон
Жарким заревом освещен.

Неподвижны деревья в снегу,
Изумленные птицы на них.
Да и сам я застыл на бегу,
Палки лыжные уронив.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА ХОНИНОВА

ЗАРДЕТЬСЯ ТЮЛЬПАНОМ

Мишей Черным прозвали белорусские партизаны подвижного темноволосого парня, подрывника и автоматчика, на чьем боевом счету было несколько мостов, два немецких эшелона, три сотни фашистов. Очерченные скулы и разрез глаз отличали его от уроженцев Могилевщины и Гомельщины. Он и впрямь пришел в белорусские леса из южных калмыцких степей. Вернее, не пришел, а его привели сюда жестокие военные дороги 1941 года. К концу войны на его груди сверкал орден Красного Знамени вместе со многими боевыми медалями. В Белоруссии запомнили светлые дела Миши Черного. Ведь своими внезапными и дерзкими налетами он спас от гибели и угона на чужбину тысячи советских граждан. Теперь он почетный колхозник трех колхозов Могилевщины и почетный гражданин города Березино.

Пора сказать, что подлинное имя Миши Черного — Михаил Ванькаевич Хонинов. Поэтическая известность пришла к нему после боевой, но сейчас они сравнялись в своей значимости. Больше тридцати книг стихов и прозы на его боевом писательском счету. Эпитет «боевой» здесь как нельзя к месту, ибо по-прежнему яростный запал и темперамент героя-партизана зажигают его строки. Одухотворяет их страстная любовь к родной земле, а это для Хонинова не только близкая его сердцу Калмыкия, но и не менее близкая Белоруссия и вся Советская страна. Читатель запомнил его книги «До последней атаки», «Битва с ветром», «Орлы над степью», «Все начинается с дороги», «Подкова».

Две прозаические вещи: «Миша Черный — это я!» (документальная повесть), роман «Помнишь, земля Смоленская» — возвращают нас к славным и трудным партизанским временам. Вновь оживают легендарные подвиги советских людей, вставших грудью на защиту своей Родины.

Не одно военное прошлое тревожит душу талантливого поэта и писателя. Своим пером он активно участвует в героических трудовых свершениях наших дней. Пусть не создастся у читателя представление о Михаиле Хонинове как о человеке, для которого, образно говоря, духовой оркестр и боевой марш — главное в музыке нашего времени. Нет, как герой-партизан Миша Черный всегда сочетал кипящую ненависть к врагу с глубокой нежностью к друзьям, так сейчас поэт Михаил Хонинов совмещает прямые наступательные стихи с проникновенным лиризмом строк, посвященных степям, облакам, любви...

У Михаила Хонинова счастливая биография. В жизни его слитно соединились понятия «поэт» и «воин». Яркая индивидуальность выступает из каждой его строки, страницы, книги. Он пришел к рубежу, когда поневоле приходится оглядываться на пройденный путь. В этот момент задумываешься о многом. В стихотворении «Красный тюльпан» поэт пишет:

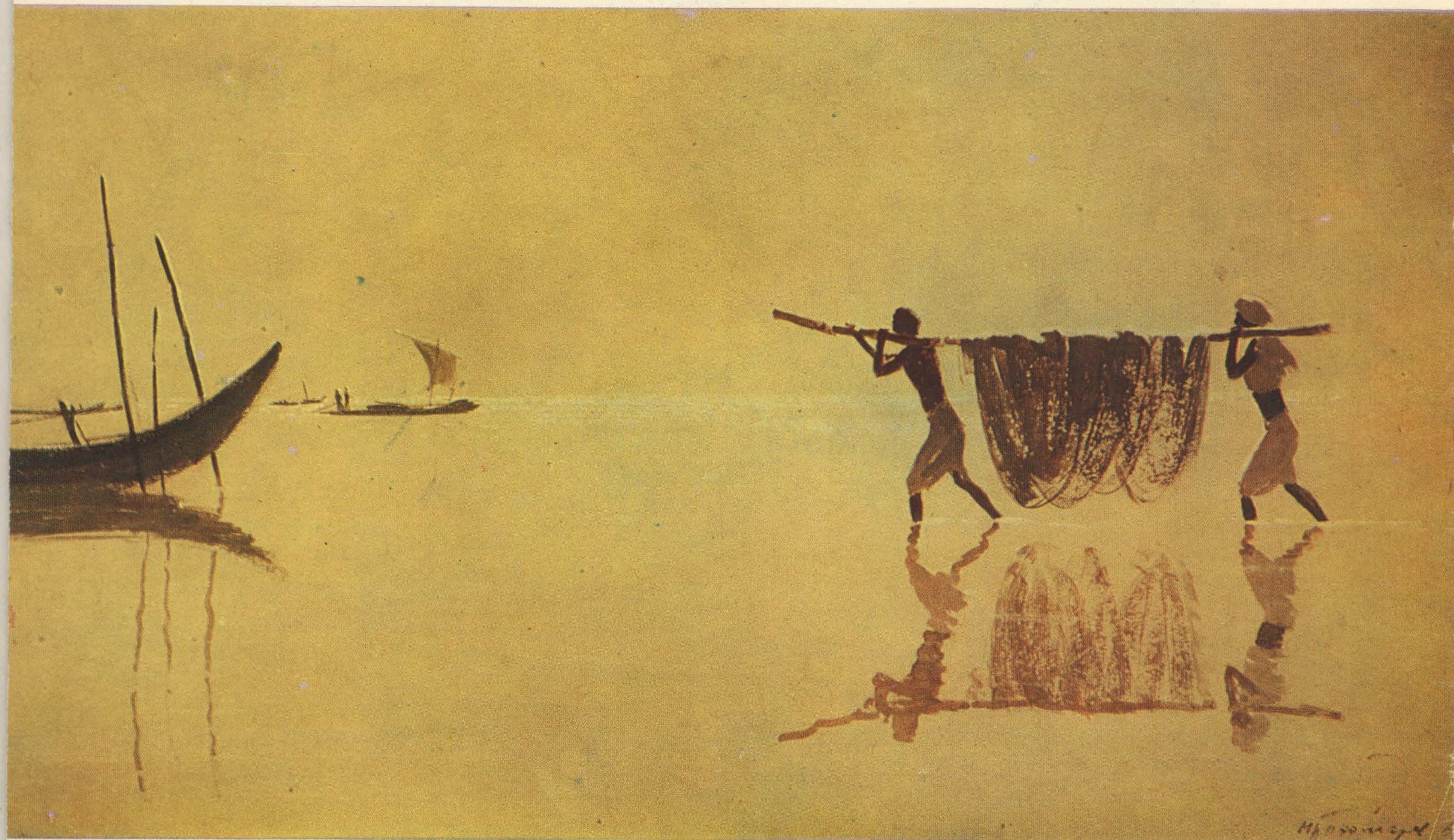
Вы запомните, дети,—
от вас я не скрою,
Что лелею мечту
Об уделе желанном:
Не хочу реять жаворонком
над землею,
А хочу на земле я
Зардеться тюльпаном.

Так пусть же долгие годы неугасимо пламенеет красный тюльпан поэзии Михаила Хонинова над родными калмыцкими степями, а значит, и над всей нашей землею.

Сергей НАРОВЧАТОВ

Н. Пономарев. НА ПЕРЕПРАВЕ. 1957.

Н. Пономарев. В БЕНГАЛЬСКОМ ЗАЛИВЕ. 1961.

МАЛЕНЬКИЙ РАБЕРА

Эстер РАНДРИАМАМУНДЗИ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

— Имя?
— Рабера.
— Сколько лет?
— Не знаю точно.
— Где родился?
— Не знаю.
— Кто родители?
— Не знаю. Мама умерла, когда мне было лет десять.

Бера не знал, что еще он мог сказать о себе. Мысленно он еще раз повторил вопросы, но так и не нашел ответа. Он привык отвечать на другие вопросы. Изо дня в день ему приходилось искать ответ на вопрос: «Что я сегодня буду есть?» или «Удастся заработать что-нибудь сегодня на обед?»

— Где живешь? — продолжал полицейский.
— В Амбатуфитурахана.
— А до этого где жил?
— В Исутри.
— А еще раньше?
— В Амбанидиа[1].

Бере надоели эти бесконечные вопросы. Ему надоело отвечать на них одно и то же. Нечего ему было рассказывать о своей жизни. Если б можно было убежать... Но в дверях на страже стоял полицейский. При малейшей попытке три или четыре полицейских бросятся на него, и не успеет он сделать и шагу, как его схватят. Надежды не было. И Бера, вздохнув, отвернулся от полицейского: он вдруг узнал его. Между тем тот продолжал спрашивать:

— Сколько ты платил за квартиру в Амбанидиа?

— Ничего не платил,— ответил Бера и тяжело вздохнул.

И тут полицейский тоже узнал его. Он снял очки и подошел к Бере совсем близко. Речь его стала мягкой и доверительной. А Бера смотрел на него умоляющим взглядом, и глаза его спрашивали об одном: прекратятся ли когда-нибудь эти бесконечные вопросы?

— Ты жил в разрушенном доме около большой рутры? [2].

— Ага!
— Значит, ты Бера? А меня помнишь?
— Помню, Паскаль.
— Извини, что...

Полицейский смущенно замолчал. Перед ним стоял друг его детства — один из немногих, с кем связаны лучшие воспоминания лучшей поры его жизни. У обоих комок подступил к горлу.

— Не за что. Ты исполнял свой долг.— Бера пытался разрушить стену, выросшую между ними за многие годы разлуки. А когда-то они были неразлучными.— Нас свел случай...

Бера тоже замолчал. Оба чувствовали себя неловко.

— Да, случай невероятный... Ну, вот что — приходи через неделю. Сейчас получишь коечто на жизнь на это время. Если возникнут какие-либо сложности, скажи, что твое дело у меня.

— Спасибо, друг. Ты оказался верным в трудную минуту.

Так они встретились — полицейский Паскаль и торговец Рабера, или, как их звали, Паси и Бера, когда они были еще мальчишками. Жизнь — странная штука. Долгие годы они не виделись и даже не вспоминали друг о друге. И вот встретились.

Вечер. Рынок уже закрыт. Лишь несколько уборщиц складывают столы и зонтики.

По рынку идет мальчуган лет десяти. На нем голубые все в заплатах брюки. На талии брюки перетянуты ремнем, внизу сильно закатаны, сразу видно, что не по росту. Грудь прикрывает цветная майка с отрезанными рукавами. Он только что отнес продукты хозяйке, которая живет в Антанинаренина [3]. Дорога туда — все вверх и вверх, да и корзинки нелегкие — на голове картошка и фрукты, в руках — горшок с цветами. Он согласился не меньше чем за десять ариари [4]. Обратно он радостно скакал по лестнице вниз. На последней ступеньке присел — ему не терпелось узнать, сколько он заработал. Не обращая внимания на прохожих, он вытаскивал из карманов деньги. Вот бумажки — десять ариари, еще десять ариари, итого двадцать. Потом стал выгребать мелочь — сегодня ее было немало. Набрал целую горсть, и еще что-то осталось в карманах. «А, потом посчитаю,— решил он.— Сначала лучше поем». И он направился в Амбудифиляу, пересекая рынок, еще мокрый после уборки.

— Рис с овощами и печенку! — сказал он, заходя в первую попавшуюся забегаловку.

В забегаловке было несколько его «коллег». Они молча стояли за стойками, быстро проглатывали пищу и сразу уходили. Бере еда показалась необыкновенно вкусной. Сначала он съел рис, чтобы не остыл. Стало полегче. Затем принялся за печенку с острым соусом. Теперь стало совсем хорошо. Бера небрежно отодвинул тарелку и вышел на улицу.

Был конец рабочего дня. С работы возвращались служащие, ремесленники, торговцы. Бера работал «грузовым рикшей» — вот уже больше года он носил хозяйкам продукты. Местом его деятельности был центральный рынок. Здесь он вырос. Здесь его мать продавала картошку. Они жили с ней тогда в Исутри в небольшой хижине, крытой соломой. Здесь, на окраине города, на рисовом поле около реки, ютились несколько семей таких же бедняков, как они.

Сколько он себя помнит, они вставали с рассветом и шли на рынок. Возвращались домой вечером, когда рынок закрывался.

— Бера, где ты пропадаешь? Твоей маме стало плохо, и ее увезла «Скорая помощь». Иди в больницу.

— А как я ее там найду?

Но, конечно, надо спешить. Увидеть маму во что бы то ни стало. Бера шел все быстрей и быстрей и наконец побежал. И вот он у ворот больницы:

— Мою маму увезла «Скорая». Где мне ее найти?

Из повести.

[1] Амбатуфитурахана, Исутри, Амбанидиа — кварталы в Антананариву.

[2] Рутра — дерево, которое растет только на Мадагаскаре, плоды его похожи формой на кизил, на вкус сладкие.

[3] Квартал в Антананариву.

[4] Мелкая монета. Равна примерно 2 копейкам.

— Посещение больных после шести. А детям вход в больницу не разрешается.

Бера не ушел. Он ждал. В шесть стали пускать посетителей. Он дождался, когда дежурный отвернулся, и, прячась за спины взрослых, проник во двор.

«Боже мой, как я найду маму?» — думал Бера, растерянно глядя на многочисленные здания и постройки.

Он ходил от здания к зданию, украдкой заглядывая в палаты. Кружил по бесчисленным пересекающимся дорожкам. У него стали ныть ноги, в глазах зарябило, к горлу подступила тошнота от запаха лекарств...

На следующий день он снова пришел. И на следующий тоже. Он бродил между зданий в надежде, что маме станет лучше и он встретит ее на прогулке. Прошла неделя, две недели. Прошло два, а может быть, три месяца — Бера все ходил и ходил каждый день.

Во дворе больницы всегда было много народу. Вот идут больные в сопровождении родственников — это выздоровевшие возвращаются домой. Других ведут под руки их родные. Они еще слабы и с трудом передвигаются, но любовь близких придает им силы, и они стараются устроиться где-нибудь подальше, чтоб не чувствовать запахов лекарств и не слышать жалобных стонов, хоть ненадолго.

Бера идет по рынку. Несет продукты. Вот продавщица лекарственных трав. Она всегда здесь стоит. Сын ее громко плачет, заливаясь слезами. Рядом с ними — продавщица картофеля. «Ма-а-а-ма-а-а!» — надрывается мальчуган. Сердце у Беры сжалось от этого душераздирающего крика. Он вспомнил маму.

«Вот возьмите,— сказал он хозяйке,— и не надо мне ваших денег». Бера поставил на землю корзинки. Хозяйка замерла от удивления и неожиданности.

— Он что, с ума сошел, этот мальчишка?..

Но Бера уже не слышал ее возмущенного голоса. Ему сейчас было не до вежливости. «Где мама? Где моя мама? Что с ней?»

Он бегал по рынку. Ему казалось, что если мама выздоровела, она обязательно будет искать его на рынке. Он подошел к Разили, маминой приятельнице, и спросил как бы между прочим, как нечто естественное:

— Мама не искала меня?

— Нет... А разве она не в больнице? Сколько месяцев уже...

Бера не слышал конца фразы. Его уже не было видно. Он опять бежал. Куда?..

Вновь он у ворот больницы. Ждет, когда начнут пускать посетителей. Надо непременно узнать, там ли еще мама. Как обычно, он пробрался во двор вместе со взрослыми.

Пам-пам! Пам-пам! Во двор въехала «Скорая помощь». Санитары и сестры бросились к машине. Бера не мог выносить вида крови. У него закружилась голова, и он прислонился к стене. Зажмурил глаза: ему казалось, что это его мама лежит там на носилках, вся в крови, страдая от невыносимых мук.

«Куда делась мама? Боже мой! А может, она умерла?»

От этой мысли ему стало нестерпимо. Он пошел прочь от этой больницы, скорей, скорей прочь. Бера бежал куда глаза глядят. Кого-то он толкнул, кого-то чуть не сшиб с ног. Несколько раз чуть не угодил под машину. Позади остались Бефелятанана, Ануси, Амбухидзатуву. Бера все бежал. Наконец, в Амбанидиа он нашел кустарник, где смог укрыться от людских глаз. Стало темнеть. Бера шел, пробираясь сквозь кустарник. И вот он оказался перед полуразрушенным домом. Он вошел, бросился на пол и горько зарыдал. Его душили слезы, из груди вырывались стоны. Десять лет его воспитывала мать. Теперь воспитывать его будет жизнь. Ему самому теперь придется бороться с ее тяготами. Выстоит ли он?

Глаза Беры опухли от слез. Рыдания становились глуше. Он не замечал уже пыли и не чувствовал сухих листьев, ставших его ложем в эту ночь, ложем, на котором он выплакал свое горе.

Глубокий сон сморил его.

Перевела с малагасийского
Л. КАРТАШОВА.

РУКОПОЖАТИЕ ЧЕРЕЗ ГИМАЛАИ

ЕВГЕНИЙ ЧЕЛЫШЕВ

КУЛЬТУРА

МИР
ПРОГРЕСС

Вспоминаются встречи с двумя известными поэтами. Один из них, поэт южной Индии — Валлатол, другой, знаменитый советский поэт, недавно ушедший из жизни Мирзо Турсун-заде. В Варшаве осенью 1950 года на Всемирном конгрессе сторонников мира я слушал вдохновенное слово Валлатола. Он говорил о том, с какой радостью встретил представителей советской культуры. Мы живем рядом, говорил Валлатол, и хотя наши страны разделяют высокие Гималаи, мы чувствуем пульс друг друга. Наши культуры, как и народы, объединяет много общего. Мы вместе защищаем мир и прогресс, свободу и независимость народов.

Другая встреча состоялась у меня с Мирзо Турсун-заде вскоре после его возвращения из Индии. Он был полон восхищения от поездки. И когда поэта спросили журналисты, что он увидел в далекой стране, он, как и Валлатол, сказал:

— Между нами пролегли Гималаи. Я пролетал над ними. Они высоки, но они не мешают нашему родству. Я до сих пор ощущаю теплое рукопожатие своих индийских друзей и через эти горы. Я глубоко уверен, что будущее наших народов — в нашей дружбе. Страна эта в сердце моем останется навсегда.

Я невольно вспомнил эти две встречи, прочитав выпущенную в Ташкенте книгу профессора Е. П. Челышева о традициях, современности и путях развития индийской культуры.

Ее автор — известный востоковед, член Советского комитета защиты мира, вице-президент Общества советско-индийской дружбы. Почти четверть века он участвует в движении за мир, хорошо знает Индию, деятелей ее культуры.

С большой убедительностью Е. П. Челышев показывает, что советско-индийское сотрудничество отвечает жизненным интересам наших народов. В книге рассказывается об огромном воздействии на прогрессивную индийскую культуру идей Великого Октября, о том, какой большой резонанс получает в Индии русская классическая и многонациональная советская литература. Это сотрудничество, как правильно отмечает автор, обогащает и советскую культуру, раскрывает перед советскими людьми замечательные ценности, созданные гением индийского народа.

Очень выразительно в книге рассказывается о том, как воспринимается и оценивается индийская культура в нашей стране, с каким огромным интересом, уважением и восхищением относились и относятся к ней советские люди, каким поистине неиссякаемым источником творческого вдохновения была и остается сегодня Индия для многих наших писателей, поэтов, художников, композиторов, деятелей театра и кино.

Мне особенно хотелось бы выделить в рецензируемой книге главу «Поэт-Шантидут», в которой рассказывается о первооткрывателе индийской темы в советской поэзии Н. С. Тихонове. «Посланцем мира и дружбы — Шантидутом» назвал однажды Николая Тихонова индийский писатель Ходжа Ахмад Аббас. И это действительно так. Трудно переоценить ту огромную роль, какую играет Н. С. Тихонов в пропаганде индийской культуры в нашей стране, в развитии духа дружбы и взаимопонимания между народами Советского Союза и Индии». И автор подтверждает этот вывод, анализируя стихотворения Н. С. Тихонова об Индии «Сами», «Индийский сон», его публицистические и художественные произведения, посвященные Индии, особенно написанные вскоре после революции, о борьбе и жертвах индийского народа, о пробуждении народных масс Индии, о рождении в Индии нового человека — сознательного борца за счастье народа. Острый взгляд художника проникает в самую глубину жизни индийского народа, обнаруживает красоту и величие души простого индийца.

Рассказывая о современной индийской культуре, Е. Челышев в то же время задумывается о ее будущем, о перспективах ее дальнейшего развития. Прогресс культуры, пишет он, неразрывно связан с социально-экономическим прогрессом Индии, как и других развивающихся стран, с успехами народов в их борьбе с силами внутренней и внешней реакции. Именно поэтому как никогда важно бороться за культуру, связанную с жизнью, служащую целям духовного подъема человека, общественного прогресса, надежную помощницу и союзницу миллионов людей.

Стремясь раскрыть основные тенденции и закономерности развития современной индийской культуры, автор книги наглядно показывает, какую позитивную роль в ней играют идеи мира, дружбы между народами, интернациональной солидарности. Творчество и деятельность многих индийских писателей, поэтов, журналистов, артистов, художников, музыкантов, деятелей кино внесли и вносят в настоящее время неоценимый вклад в утверждение в индийском обществе возвышенных гуманистических идеалов, в мобилизацию широких народных масс на борьбу против войны и империализма, за национальную независимость. Хорошо об этом сказал известный индийский писатель Кришан Чандар: «Сейчас всему миру нужна литература ... которая рождала бы мечты о счастье и строительстве новой жизни, преграждала бы путь мировой войне и защитила бы мир во всем мире...».

Вопрос о месте и роли культуры в движении за мир, за разрядку международной напряженности приобретает особую важность. Деятели культуры в Индии, как и в других странах, ищут новые пути и средства в борьбе за мир и безопасность в Азии, на всех континентах.

Книга является теоретическим обобщением процессов и явлений, связанных с движением писателей стран Азии и Африки, движением, в котором автор выступает активным участником со времени его возникновения.

Думается, что книга «Культура. Мир. Прогресс» будет способствовать дальнейшему исследованию темы борьбы за мир. Нельзя не согласиться с Хамидом Гулямом, который в своем слове, предпосланном книге, пишет: «Несомненно, что проблемы, рассматриваемые в настоящей книге на индийском материале, в теоретическом и методологическом отношении могут быть полезными и интересными для других литератур стран Азии и Африки».

Михаил КОТОВ

Евгений Челышев. Культура. Мир. Прогресс. Ташкент, Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 216 стр.

Дм. БРУДНЫЙ

АРТИСТ, КОТОРОГО ЗНАЮТ ВСЕ

Когда-то, еще в 50-е годы, я имел возможность постоянно видеть этого поразительного актера на сцене театра оперы и балета во Фрунзе. Уехав оттуда, Махмуд Эсамбаев, можно сказать, создал собственный театр. И в этом не было ничего удивительного. В балетных спектаклях и раньше всегда выделялось его умение создавать неповторимые номера, например, «Танец в ресторане» из балета Р. Глиэра «Красный цветок»,— он-то и породил затем знаменитый эсамбаевский «Автомат».

Артист обладает особой манерой исполнения, стремясь отыскать остросюжетные вариации в танце; это искусство ярко проявилось позднее в его самостоятельном сольном исполнении, где образность, законченность превращали каждый танец в новеллу, поэму, даже эпос; мне кажется, только такими жанровыми категориями можно определять сюжетные, драматически разработанные танцы Эсамбаева.

Наша встреча в родном городе артиста Грозном намечалась в филармонии, где он проводил репетиции.

— Начинаю в десять, — предупредил Махмуд.

Я усомнился: какая репетиция? Зачем?.. Но Эсамбаев начинает работать всегда с репетиции!.. Казалось бы, сколько раз исполнял он свой знаменитый цыганский танец на музыку Вайса, но опять и опять репетирует, словно проверяя синхронность звука и движения... Меня поразила и та самоотдача, которая не знает разницы между репетицией в пустом зале и исполнением перед публикой... Не вполсилы, а самозабвенно работает Эсамбаев на репетициях, будто в концерте, разница лишь в костюме.

— Теперь — «Макумба», — объявляет Эсамбаев.

Этот танец я видел не раз. Эсамбаев выходит неторопливо, и барабаны начинают отбивать свое «там-там-там-там», убыстряя темп. Порывистые движения и жесты становятся все учащенней: шаман изгонял злых духов, пока не падал замертво, совершив заклинание.

Проходит несколько мгновений. Артист поднимается. Я представляю себе, как колотится его сердце, но он улыбается. Ему подают полотенце. Он вытирает лицо. Мне кажется, он счастлив. Но ему надо отдохнуть, и я не начинаю разговор, он же, оказывается, полон энергии и почти без отдыха снова стремительно выходит на сцену:

— Теперь — «Портняжку»!..

Начинается действие: танец-рассказ о молодом и энергичном портняжке. Вот он приветливо встречает заказчика, помогает ему сделать выбор и при этом отчаянно жестикулирует, потом с такой же неуемной страстью принимается за шитье, ловко орудует иглой, гладит—и все это с веселым азартом человека, влюбленного в свое дело... Наконец, работа окончена: костюм готов. И портняжка танцует от радости.

Танцевальный номер «Автомат». Фото А. Степанова

— Я давно не исполнял своего «Портняжку»,—говорит Махмуд.— Теперь сделал для него новый костюм, в нем он будет смотреться лучше.

Махмуд снова спускается в зал. На какое-то время мы отвлекаемся от танцев, вспоминаем общих друзей, потом снова возвращаемся к искусству.

Эсамбаев говорит: пусть не покажется странным, но он уверен, что сделанное в искусстве в прошлом может оказаться непревзойденным даже сегодня... Вот, например, Любовь Петровна Орлова. В ее творчестве уже в те далекие годы, когда она начинала блистать, раскрывался уровень искусства будущего... Работая для своего времени, она умела так заглянуть в завтрашний день, что мы и сейчас воспринимаем ее как современницу; мы и сегодня ощущаем совершенство ее искусства, ее тонкую, ювелирную пластику, взыскательность, вкус... Или Ляля Черная. Она создала неповторимый образ прекрасной женщины, нежной и безудержной в своей страсти, но притом всегда остававшейся предельно правдивой, искренней. В наше время такое искусство должно становиться школой, которую следует изучать современным артистам эстрады: не секрет, что многие из них озабочены погоней за новациями иногда сомнительного свойства.

Махмуд ненадолго ушел и вскоре возвратился, как всегда, подтянутый, изящный. Эсамбаева ждали в Совете Министров Чечено-Ингушской АССР.

Депутат Верховного Совета республики Махмуд Эсамбаев накануне объездил многие пастбища, побывал на местах отгона крупного рогатого скота... Теперь в Совете Министров он должен был сообщить о своих наблюдениях. Я поехал с ним.

В городе, проезжая мимо старого базара, артист весело сказал:

— Обратите внимание: в некотором смысле историческое место! Здесь я мальчишкой продавал воду. Да, да, обыкновенную сырую воду: «Кому воды? Вкусная! Со льдом!» Однажды подошел старик и попросил: «А ну, покажи лед!» Я нашелся: «Так он же растаял!» Старик усмехнулся. Я налил ему кружку теплой воды, и он пил, казалось, с удовольствием... Когда я думаю о человеческой доброте, всегда вспоминаю того старика...

Я смотрел на Махмуда. Нет, он не меняется с годами! И всегда — в работе, в пути, остается предельно добрым и приветливым, полным энергии и замыслов.

— Вообще-то,— сказал он серьезно,— танцевать я буду еще очень долго... Во всяком случае,— он улыбнулся,— ближайшая пятилетка вся распланирована!

И тут начался перечень городов и стран, где предстоят гастроли Махмуда Эсамбаева — артиста, которого знают все

МЕЛОДИИ АРМЕНИИ

— В прошедшем году, отметившем 150-летие вхождения Армении в состав России, московские зрители смогли в полной мере познакомиться с искусством нашей республики — в столице гастролировали лучшие творческие коллективы. Завершила гастроли эстрадная программа «Мелодии Араратской долины»,— сказал генеральный директор и главный режиссер Армконцерта, заслуженный деятель искусств Армянской ССР Георгий Асатурян.— В ней мы хотели показать москвичам самых интересных, самых одаренных исполнителей. Но перед нами стояла еще одна задача — испытать в столь ответственной поездке и артистическую молодежь...

Что ж, гости из Армении заставили нас забыть о декабрьской стуже, заставили поверить, что где-то сияет солнце, и не бледным лучиком сквозь морозную пелену, а щедро, во все небо...

Эстрада, как и любой другой вид искусства, не может существовать, а тем более процветать вне связи с самобытными национальными традициями.

Концерт «Мелодии Араратской долины» начинает армянская народная песня «Люблю прохладу гор». Тиха и прозрачна музыка, завораживающе глубок голос певицы Ф. Мартиросян, мелодично сопровождение — дуэт дудукистов Н. Жангаряна и М. Мнацаканяна. Песня словно задает тон всему концерту — точный, единственно верный. Потом будет все, чем богата современная эстрада,—бешеные ритмы, веселые напевы, но первая мелодия не позволит забыть о том, что они родились в краю прекрасном и поэтичном.

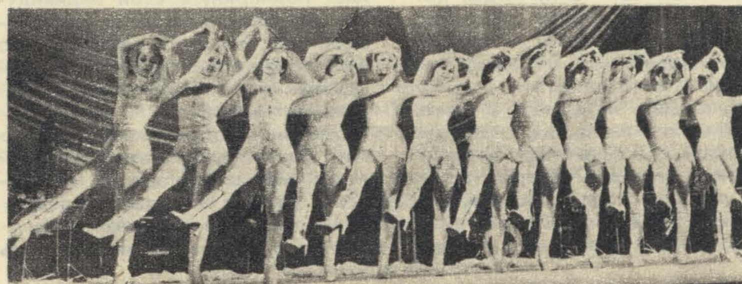
— В Армении так много композиторов! При составлении программы было нелегко из великого множества хороших песен отобрать те, что вобрали бы в себя лучшее, чего достигла современная армянская музыка,— продолжает свой рассказ Георгий Асатурян.— В Москве состоялся дебют нашего танцевального ансамбля «Аревик». Мы хотим создать на его основе мюзик-холл, в основу программы которого ляжет армянский народный танец.

Мы очень рады, что в концерте принял участие один из известнейших артистов Армении, Арутюн Акопян, лауреат международных конкурсов, обладатель «Гран-при» и большой Золотой медали в Париже, но еще и артист, получивший специальный приз за элегантность. Поэтому его выступление — и огромное удовольствие для зрителей и школа для молодых артистов...

Да, мастерство приходит с годами, а пока у молодых армянских артистов, будь то лауреат Всесоюзного конкурса артистов эстрады Г. Миносян или еще мало знакомая широкому зрителю солистка Армконцерта З. Никогосян, есть главное: искренность, которая вознаградилась щедрыми аплодисментами москвичей.

Л. ЛУКЬЯНОВА

Выступает ансамбль «Аревик»

МОДА И КРАСО

Б. ЛУКЬЯНОВ,
кандидат философских наук

«Публика была обычная: богато одетые бедняки и бедно одетые богачи». Так негритянский писатель Джеймс Болдуин выразил один из очередных парадоксов американской моды. А вот выдержка из статьи о моде в нашей прессе: «Каждая новая мода, побеждая предыдущую, демонстрирует свою жизненность и закономерность». Не будем пока придираться к этой решительной формулировке, оглянемся вокруг. Даже о «летающих тарелках», Бермудском треугольнике или телепатии говорят меньше, чем о моде. О ней спорят или молча подчиняются, во имя ее совершают неожиданные поступки и даже идут на лишения. Но самое удивительное, пожалуй,— ее способность проникать чуть ли не повсюду. Она диктует костюмы и прически, украшения и блюда, подсказывает вид, а то и место отдыха, заставляет собирать никому не нужные вещи, а иногда, увы, требует применения модных цитат и упоминания авторов даже в ученых сочинениях!.. Мода вынуждает носить бархат или нейлон, завиваться или выщипываться, мести тротуары клешами или надевать лицемерно скромные — учитывая цену — джинсы...

Мода не считается даже с великими. Когда-то Гегель сказал знаменитую фразу, что если факты противоречат теории, то, мол, тем хуже для фактов, но тот же Гегель, который развеял столько предрассудков обыденного сознания, даже он не рискнул посягнуть на моду, хотя и облек свое отступление в одежду разума и чуть ли не исторической необходимости: «Борьба против моды есть мальчишество... Не мое дело что-нибудь изобретать здесь; это, слава богу, изобрели другие». Таким образом, Гегель в этом рассуждении полностью доверился портному. И здесь он, конечно, был не одинок: много гордых голов склонилось перед феей пошивочных мастерских.

Какой же странной власти подчиняются академики и учащиеся ПТУ, жители Магадана и Кушки, равно как и всех больших и малых столиц?.. Не будем углубляться в дебри теории и искать «научные определения», тем более что литературы на эту тему хватает. Наша задача скромней: коснуться лишь той части моды, которая соприкасается с эстетикой. Ибо хоть мода, быть может, не всегда подозревает об этом, она нещадно эксплуатирует именно эстетические категории, такие, как «оригинальность», «вкус», «красота»... То есть мода продает и навязывает свои товары, снабжая их пропуском «красоты», поскольку ни одна вещь и ни одна привычка в истории не завоевывала публику, слывя безобразной. Следовательно, человек, прежде чем поменять свой гардероб, уже подвергся, так сказать, эстетическому запугиванию, и если не подчинится, то иные насмешливые взгляды осудят «устарелые» фасоны.

И опять же парадокс? Представления о красоте никогда не менялись так быстро, так часто, как это заставляет делать мода. Но если «красота» на самом деле есть «секретное оружие» царицы вкусов, не стоит ли вспомнить кое-какие факты из области эстетики, которые хоть несколько приоткроют завесу над святая святых моды и над причинами ее воздействия на людей?

В «Письмах без адреса» Плеханов приводит образцы первобытной «моды» — украшений и обычаев, считавшихся красивыми у дикарей. Тут и стачивание клыков, чтобы походить на полезных жвачных животных, и железные кольца на руках (иногда до килограмма), чтобы подчеркнуть свое богатство, и обувь, которая мешает ходить прямо, а едва позволяет ковылять, но зато каждому ясно, что владелица ее не нуждается в рабочей походке, и множество других «красот», в том числе ожерелья из ракушек, бусы из зубов хищников и т. д. Уже тогда Плеханов объяснил этот эстетический феномен тем, что туземцы наивным образом надеялись повысить свой вес в обществе, простодушно веря, что их амулеты и украшения делают человека храбрее, сильнее, неуязвимее. Польза, большей частью мнимая, все же предшествовала красоте, делает вывод выдающийся марксист.

Конечно, трудно усмотреть в нынешних ковбойских шляпах и джинсах, в этой когда-то пастушеской одежде («ковбой» — дословно «коровий парень»), тягу молодых людей к естественной жизни и тем более тоску по жвачным животным, с которыми цивилизация их разлучила. Причина, конечно, в другом. Каждый всплеск моды всегда возникает на скрещении двух вполне законных потоков: стремлении к оригинальности и стремлении к красоте. Пока человек лишь прикрыт одеждой — о моде речи нет; призрак ее возникает тогда, когда человек с помощью одежды желает подчеркнуть свои индивидуальные особенности и, по возможности, скрыть недостатки. То есть неповторимый, единственный человек хочет быть самим собой и желает выразить это еще и своим внешним обликом. Все так, но вот здесь-то и лежит первый искус моды. Ибо далеко не всякому удается удержаться в пределах некой необходимой разумной самооценки и не украсить себя при этом какими-то знаками доблести, которой, увы, объективно нет. Вот тут-то и появляются, фигурально выражаясь, те «сточенные клыки», те чрезмерные украшения, которые застенчивым придают лихой вид, слабогрудым — богатырские плечи, скромным служащим — пиратскую отвагу, а лоск дамы полусвета, а то и куртизанки — самой тихой и прилежной ученице или студентке. И здесь можно зайти весьма далеко во всех направлениях.

Естественная мысль — остаться самим собой и оттенить собственные достоинства — таким образом, уступила коварным соблазнам моды и погребла личность под грудой безделушек и только что изобретенных нарядов. Между тем, вновь вспомним Гегеля, культурность состоит не в выпячивании своей особы, а в «сглаживании своей особенности».

«Культурный человек,— писал Гегель,— в состоянии сделать все то, что делают другие, но не выставляет напоказ своей частности». Следовательно, ложная оригинальность, бездумное следование моде как раз есть признак малой культурности. Вот тут-то эстетика и могла бы от многого предостеречь доверчивых молодых, да и не очень молодых людей. Во-первых, следует помнить, что каждая мода несет в себе неустранимое противоречие. Ее первичная цель — будто бы сделать человека непохожим на других, отличающимся, особенным. Но чем больше следуют моде, тем меньше она удовлетворяет этому запросу, порождая целые толпы похожих, одинаково наряженных особ, однообразных, заунифромленных, как войсковое соединение. Кроме того, очевидно, что мода сплошь и рядом изменяет самой себе и предает собственные принципы, делая, например, из удобных и простых пастушеских брюк (джинсов) одежду явно «престижную», снабжая ее обязательными этикетками более-менее дорогих фирм. А чего стоит феминизация одежды мужчин?! Мы имеем в виду ту кружевную, вышивную эпидемию, которая не одних только эстрадных певцов уподобила швейцарам из богатых домов прошлого века...

Когда-то Маркс, отвечая на вопрос, что ему нравится в мужчине, а что в женщине, ответил, что в первом он ценит силу, а во второй слабость. Аналогичным образом большие художники испокон веков подчеркивали в мужчине мужественность, в женщине — женственность. Не странной ли является мода, искажающая жизнь?..

С моды начинается курение... И хоть медики твердят, что курение сулит раннюю смерть, а до этого — склероз, рак и импотенцию,— польза этой пропаганды, как известно, почти равна нулю... В чем же дело? А в том, что курение не столько медицинский, сколько эстетический феномен. И пока эстетики и их союзники — художники, писатели — не скажут своего слова, хирурги и невропатологи вряд ли добьются успеха в своих благородных усилиях. Ибо, как ни печально, но неосторожные (или заинтересованные) лица придали курению черты некоей эстетической привлекательности, внушив подросткам (ибо речь прежде всего о них) посредством кино и телевизоров, что сигарета и папироса — чуть ли не непременный спутник «интеллектуала», мятущейся души, непонятого гения. И курение — эта симуляция мысли, это средство выглядеть глубокомысленным, не говоря ни слова, запечатленное сотнями привлекательных (и, конечно, курящих!) героев,— спокойно сопротивляется атакам медицинских авторитетов. Это очередная победа моды. И еще одно поражение культуры.

Или мода на собирательство... Ничего нельзя возразить против законной тяги человека к собиранию более или менее интересных предметов и знаков культуры: такие коллекции приобретают со временем даже историческую, если не эстетическую ценность. Но иногда собирательство становится повинностью: человек готов собирать все что угодно (и безразлично что), лишь бы при случае сообщить, что у него, слава богу, тоже есть «хобби» — самое это уродливое словцо тоже достойно венчает бесполезный труд, мнимую деятельность...

Не следует забывать об идеологических аспектах моды: было бы странно, если бы ее индустрия оказалась вне столкновения идей, идеалов, мировоззрений... И действительно, многие проявления моды отчетливо несут в себе идеологические влияния. Особенно это касается знаковых украшений. Так, например, в последнее время все чаще появляются на рубашках и других вещах пятиконечные звезды. Казалось бы, против чего тут спорить?.. Но ведь пятиконечные звезды — это символ нашего строя, нашего государства. Это не украшение, которое сегодня есть, а завтра — нет. Значит, его нельзя пускать на размен, обесценивая неуместным применением. У него свое место — на орденах, на знамени, военных погонах... Иначе как бестактностью не назовешь идею некоторых хозяйственников превратить столь дорогой всем нам символ в бытовое украшение, узор на сорочке.

Необходимо сознательное отношение к украшениям и велениям

ТА...

моды, даже гражданская смелость — не принимать ее предписаний, если они противоречат убеждениям или эстетическим идеалам. Нужна и пропаганда хорошего вкуса, в атмосфере которого, конечно, не приживется холуйская погоня за этикетками и ярлыками, несущими на себе, между прочим, имена удачливых дельцов, торгашей...

Вспоминаю толпу на вокзале в Симферополе. Люди ждут на остановке троллейбус, чтобы ехать к морю. В очереди — робкая миловидная девушка. На ее белой футболке гордо красуется английская надпись: «Мисс любовь». Тут же неподалеку паренек; его надпись на рубахе (тоже, разумеется, инглиш) извещает присутствующих: «Президент». Смешно...

В последнее время все новые и новые обозначения — на всех мировых и немировых языках — ползут и ползут на наши вещи, предметы одежды. Можно встретить школьника с сумкой, на которой так и написано (большей частью по-английски): «Школьная сумка». Спортсмен идет с рюкзаком и обязательным оповещением для полиглотов: «Спортивный мешок»... Стоит перевести все эти надписи на русский язык, как сразу становится ясной, мягко говоря, нелепость этих надписей, неизвестно на что рассчитанных и никому не нужных. Дело, стало быть, только в латинском алфавите, который, по-видимому, имеет неотразимое действие на впечатлительные умы. Не вздумайте, например, написать на своей сетке «авоська»: так не пойдет! Лучше сразу применяйте язык Шекспира, или Расина, или Гете и смело ступайте на улицу: интерес определенной части окружающих обеспечен.

Конечно, растущий международный обмен все чаще приводит в наш обиход и новые, непривычные для нас вещи и фасоны, как и их названия. Но одно дело — неизбежное следствие обмена, а другое — утрата меры и вкуса, равно как и чувства собственного достоинства. Если дело пойдет и дальше такими темпами, то, пожалуй, имя Иван мы начнем писать латинскими буквами... Заметим, что одной из поправок, с которыми согласился В. И. Ленин в связи с принятием новых советских денежных знаков, была следующая: «Надписи на иностранных языках — снять».

Все чаще можно встретить и еще одну модную тягу к прекрасному: лица любимых артистов или певцов появляются на хозяйственных сумках, майках, значках и прочем... Дорогие лица, конечно, «от употребления» постепенно грязнятся, теряют свежесть и правильность черт: в сумках ведь возят всякое. Почему же сугубо бытовые предметы должны быть увенчаны лицом человека, доставившего нам радость общения с искусством? Не слишком ли прозаическое применение мы находим для своих кумиров?

И тут невольно думаешь о примерах противоположных. Ведь как же свежо, красиво, а главное, уместно выглядят надписи и рисунки на форме многих студенческих и комсомольских строительных отрядов, с каким вкусом выбраны их названия, как оригинальны и красивы эмблемы! Тут никому не придет в голову спрашивать, зачем через всю спину парня или девушки вьется старославянская вязь — «Смоленск-77» или просто, от руки — «Саяны-78» и т. д. и т. п.! Здесь налицо и высокий патриотический смысл и молодой задор! И можно лишь пожелать, чтобы наша промышленность не жалела ни лучших тканей, ни усилий лучших мастеров для изготовления этой одежды, прекрасной по своему общественному значению. Ибо это уже не вымученная погоней за необычностью мода, а традиция, рожденная творчеством народа, творчеством самой жизни. А жизнь, если вспомнить философско-эстетическую классику, является ключом и к пониманию прекрасного... Не случайно, между прочим, В. И. Ленин заметил как-то: «...Мода беспомощно тащится в хвосте у жизни...»

...Итак, мода не безобидна. Она может сделать привычным то, к чему привыкать не следует, и привить нечувствительность к тому, о чем забывать нельзя. Быть может, вам попадались молодые люди явно неверующего вида, у которых тем не менее на шее болтаются крестики. Обычные крестики — предмет разрешенного культа. Не буду говорить об оскорблении чувств верующих, которое как-никак при этом происходит, но как же можно украсить себя символом распятия? И тут досадная всеядность моды. И досадная нравственная неразборчивость.

А кто не видел джинсовых костюмов, украшенных «изящными» (фабричного производства) заплатами? Бедность, как известно, не порок. Но эстетизировать бедность, делать приметы бедности средством щегольства?! До этого могли додуматься только извращенные умы...

Мы намеренно не касались крайностей моды — таких ее проявлений, которые, в общем, почти не приживаются и, появившись на короткое время, затем исчезают бесследно, как, например, украшения в виде сердец, пронзенных стрелами, черепов на цепочках, бритвочек и тому подобной безвкусицы. Ее отбрасывает сама жизнь. Не будем затрагивать и моду в искусстве (музыке, живописи, литературе), ибо это тема для особого разговора.

Мы ограничились лишь некоторыми веяниями быта и, разумеется, не считаем, что затронутая нами проблема решается легко и просто. Но чем больше сознательности и эстетической грамотности здесь будет проявлено, тем меньше увидим мы казусов моды, а значит, унижения человеческого достоинства мещанским украшательством.

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

КЛИЕНТ СОГЛАСЕН НА СТАНДАРТ!

В «Огоньке» (№ 39 за 1978 год) напечатана своевременная заметка К. Барыкина «Стандарт на вежливость». Всецело поддерживаю все, что сказано в заметке. Продолжая разговор, хочу обратить внимание на такие стороны нашего сервиса. Почему не требуют от всех, кто соприкасается в работе с клиентами, строгости в поведении, умения держать себя, делового такта? Зайдите в парикмахерскую, и из разговора мастеров, которые в это время стригут или бреют, вы узнаете, кто и что купил, услышите характеристики их знакомых. Конечно, обо всем толкуется иносказательно, в расчете на недогадливого клиента.

И в магазинах у продавцов оживленные разговоры. На вопрос покупателя ответят однозначно: «Есть», «Нет»,— редко что предложат взамен, не посоветуют, когда зайти, чтобы застать нужную вещь. Нередко отвечают, повернувшись к покупателю вполоборота, небрежно. Иногда продавцы читают, а то и чистят ногти, подкрашивают губы, поправляют одежду, и все это на глазах покупателя.

Дурные примеры заразительны. И вот уже укореняется в троллейбусах такая манера.

— Передняя дверь не работает! — объявляет водитель троллейбуса. (Чаще ее не открывают вовсе без какого-либо объяснения.) И пассажиры идут к средней двери, мешая входящим. Но на следующей остановке в переднюю дверь входит знакомый водителя... Значит, открывается?

...Сапожная мастерская. Приемщица разговаривает с подругой. Клиент стоит минуту, вторую.

— Мастерская работает?

— Да!

— Мне бы зашить...

Приемщица медленно поворачивается и таким тяжелым взглядом смотрит на клиента, аж знобит.

Нужно, очень нужно разработать «Стандарт поведения» всех работников службы быта, широко разъяснить его, чтобы о нем знали и клиенты, и заказчики, и покупатели.

Нелишне ввести реальные меры взыскания за нарушение этих правил, а в каждом учреждении службы быта или в магазине иметь «Экран качества работы» — показывать передовиков и нерадивых. И не надо бояться огласки недостатков в работе.

От качества работы сферы обслуживания зависят наше настроение, наш отдых, отношения в семье и, безусловно, производительность труда.

Г. ЦЫГАНКОВ

Таганрог.

МНЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА

Когда эта заметка была подготовлена к печати, в редакцию пришло письмо из Министерства бытового обслуживания населения РСФСР. Член коллегии И. М. Шатаев сообщает, что Министерство бытового обслуживания населения РСФСР ознакомилось с заметкой «Стандарт на вежливость» и признает актуальность поднятой в ней темы. «Среди всех факторов,— продолжает тов. Шатаев,— определяющих культуру как самого работника службы быта, так и уровень обслуживания в целом, важнейшим является соблюдение норм профессиональной этики теми, кто вступает в контакт с населением. Успешному решению этого и ряда других сложных вопросов, связанных с повышением культуры обслуживания на предприятиях отрасли, Минбыт РСФСР уделяет первостепенное значение. В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 21 января 1977 года «О работе Министерства бытового обслуживания населения РСФСР по улучшению качества выполнения заказов и повышению культуры обслуживания трудящихся» во всех учебных заведениях системы министерства, включая краткосрочные курсы повышения квалификации, изучается специальный курс «Профессиональная этика поведения и культура обслуживания населения на предприятиях службы быта».

В настоящее время коллегией министерства одобрена и внедряется «Памятка-правила по культуре бытового обслуживания», которая включает этические и эстетические нормы поведения работников, непосредственно общающихся с людьми, определяет совокупность их моральных качеств, регламентирует основные моменты культуры представителя бытовых услуг.

Министерствам и управлениям бытового обслуживания населения автономных республик, краев и областей Российской Федерации дано указание довести содержание «Памятки-правил» до каждого работника, предложено проводить во всех подразделениях службы быта регулярные занятия по культуре обслуживания».

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы признательны Министерству бытового обслуживания населения РСФСР за быстрый и деловой ответ. Однако нельзя не заметить, что рекомендации «Памятки-правил» и параграфы стандарта, в которых был бы с присущей стандарту четкостью определен обязательный минимум,— не одно и то же. Думается, что письмо Министерства бытового обслуживания населения РСФСР не исчерпывает вопроса, поднятого в заметке «Стандарт на вежливость».

Редакция приглашает читателей, руководителей торговли, предприятий бытового обслуживания, а также Госстандарта СССР высказать свою точку зрения на «стандарт вежливости».

страницы минувшего

Маргарита СЕМЕНОВА, член президиума общества СССР — Нидерланды

СВИДЕТЕЛИ ВРЕМЕН ПЕТРОВЫХ

ПЕРВЫЙ КОРАБЛЬ НА НЕВЕ

Мне всегда казалось, что хорошо известный домик-музей Петра Первого в голландском городе Заандаме — это далеко не все из русских реликвий, оставшихся в Нидерландах от тех времен. Поискать бы там, где строятся корабли! И я пошла в Веркспоор, принадлежавший когда-то Ост-Индской компании, на верфях которой трудился молодой Петр.

В музее предприятия хранится модель фрегата XVIII века, точно такого, какой когда-то построил Петр. Хранится и топор, которым он работал. Мне рассказали: когда Петр построил гавань на Неве (это было в 1703 году), крупные морские державы Европы встретили появление нового конкурента на Балтике в штыки. И вдруг наперекор общему мнению в Нидерландах стал снаряжаться корабль в Санкт-Петербург. Инициатором этого дружеского по отношению к России акта был бургомистр Амстердама, известный этнограф, географ и путешественник, Николас Витсен. Он бывал в России, писал о ней добрые книги, лично знал Петра и захотел поддержать его.

А о том, что было дальше, я узнала совершенно случайно в маленьком городке Хинделопен на севере Голландии. Когда-то он был большим портом, но после строительства дамбы Афслейтдейк очутился на берегу внутреннего моря и заглох. В местном музее собраны деревянная ярко раскрашенная утварь, игрушки, мебель. Чтобы увидеть их, я и зашла в музей, где обратила внимание на интересный портрет маслом художника Франса ван дер Мейна: мужчина с энергичным лицом держит в руке мореходную карту. И подпись: «Питер Вибес, внук Ауке Вибеса, первого приведшего корабль в новую российскую гавань Санкт-Петербург».

Тот самый, первый корабль?.. Позже я узнала о Вибесах следующее.

Ауке Вибес плавал матросом на кораблях Ост-Индской компании, затем окончил морскую школу, стал опытным шкипером, и когда Николас Витсен снаряжал фрегат к Петру, он поручил Ауке привести его в неведомый российский порт. Петр лично встретил первого «иностранца» на Неве и отдал приказ пропускать Ауке Вибеса и его потомство во все российские гавани без пошлины до тех пор, пока киль будет служить их кораблю. Ауке много раз ходил в Россию на фрегате, названном «Санкт-Петербург», потом ходил его сын и, наконец, внук, Питер. Говорят, что у Питера не было наследников, и, чувствуя приближение смерти, он в 1770 году сжег корабль, дабы никто не воспользовался данным роду Вибесов исключением.

ПОЛОТНЯНАЯ ДЕРЕВНЯ

Как-то через Минск, Смоленск, Москву, Новгород к Ленинграду проехал старинный крытый фургон, «впряженный» в трактор харьковского завода. На облучке, то бишь у штурвала, восседал бородатый голландец в белом свитере, а из фургона выглядывали четыре его спутника, студенты Утрехтского университета. Они решили повторить путь своих далеких предков, поставлявших когда-то в Россию голландское полотно. Путешествие это не носило ни спортивного, ни исследовательского характера. Скорее оно было просто экзотическим. И все же приятно, что голландская молодежь вспомнила старую «полотняную дорогу» к нам.

Голландское полотно (живое представление об этой ткани!) сохранялось, наверно, лишь в памяти наших прабабушек. А с ним связана целая страница в истории торговых связей с Голландией и особенно с селом Фризефейн. Оно расположено в провинции Оверейсел, которая является центром современной текстильной промышленности, в местности, напоминающей своими лесами, перелесками и лугами наше Подмосковье. Одна из двух комнат сельского музея Фризефейна называется «русской». И чего тут только нет: самовары, старинные русские монеты, фотография Петербурга, копии картин русских художников. А самое главное — громадные сундуки, в которых голландцы возили свой товар к Невскому проспекту, и, уж, конечно, образцы самого полотна...

В Фризефейне вам могут рассказать, как в начале XIV века здесь поселилось одно из северных фризских племен, гонимое наступающим морем. Новая земля тоже не была для них находкой: кругом стояли торфяные болота («фейн» — торф). Беспросветная бедность толкала фризефейнцев на путь бродяжничества. Отсюда пошли и коробейники, торговавшие льняным семенем. Позже женщины стали выделывать из льна полотно, коробейники его продавали. И будто одного такого коробейника некий норвежский капитан отвез в Россию. Домой купец вернулся богачом.

Более правдоподобной выглядит версия, связывающая появление голландского полотна в России с именем Корнелиуса Крейса, строителя верфей в Санкт-Петербурге и Воронеже. Этого человека порекомендовал Петру тот же Николас Витсен. А Крейс был родом из Фризефейна, и, возможно, он указал своим землякам рынок сбыта.

В Гостином дворе, в Петербурге, целая линия, называемая Перинной (она и теперь так зовется!), принадлежала фризефейнским купцам. Поселившись в городе на Неве, они бойко распродавали свой товар и мчались за новыми партиями. Есть свидетельство о том, что рекорд скорости по маршруту Фризефейн — Петербург был поставлен в 1826 году купцом Якобом Крейзом, проделавшим «полотняный путь» за 14 дней. Этому рекорду и посвящено было путешествие голландских студентов.

Прижизненный портрет Петра I в доме Брандта в Амстердаме. Публикуется впервые.

Портрет Кристофеля Брандта, друга Петра I.

Фото Яна де Йонга

Дом в Амстердаме [темный, в центре], в котором останавливался Петр I.

ПОРТРЕТ ПЕТРА

В Амстердаме, на улице Кайзерсграхт, вот уже два с половиной столетия находится женская богадельня. Содержится она на неиссякшие до сих пор средства купца Кристофеля Брандта, жившего в начале XVIII века. Один мой амстердамский друг сказал мне, что в этом доме должны быть (не могут не быть!) какие-нибудь русские реликвии.

Не буду рассказывать, сколько любопытного я увидела и услышала в этом доме, где время, кажется, остановилось. Управляющий богадельней был любезен и щедр на объяснения. К концу экскурсии по апартаментам он подвел меня к «комнате регентов»:

— Сюда, пожалуйста...

Стены, обтянутые шелком, старинная мебель, портреты. На одном — мужчина в пышном парике с очень волевым лицом.

— Кристофель Брандт,— пояснил управляющий,— за успешную торговлю с Россией царь Петр дал ему этот документ...

Читаю на стене под стеклом: дата — 17 августа 1717 года, Брандту поручается управление русской торговлей в Амстердаме. Он возводится в дворянское звание. Ему пожалован патент на чин надворного советника.

— Царь Петр считал Брандта своим другом,— продолжает управляющий,— и когда бывал в нашем городе, неоднократно посещал этот дом. А теперь посмотрите назад...

Я оборачиваюсь и вижу у входной двери картину: всадник в треуголке, в военном мундире оседлал вздернутого на дыбы коня.

— Петр?!

Довольный произведенным эффектом, управляющий молча кивает головой. А я забрасываю его вопросами: «Кто писал? Когда? Выставлялся ли портрет?» Управляющий может ответить лишь на последний вопрос. Он знает твердо, что, как это было завещано Брандтом, прижизненный портрет Петра не покидал эту комнату никогда.

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

природа любит подшутить!

Фантазия природы неистощима. У нас на Дальнем Востоке есть много интересных мест, где природа создала самые причудливые образы. Посмотришь и диву даешься!

Вот, например, скала Медведь, что на острове Итуруп, Курильского архипелага. И действительно, эта маленькая гора с тыла напоминает вздыбленного медведя. Левая лапа свисает вниз, голова с ушками отвернулась и высматривает что-то впереди... Особенно это сходство выявляется в сумерки.

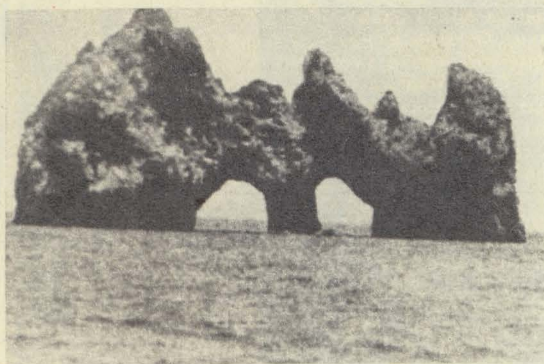
А на острове Путятин, близ Владивостока, есть «слон, пьющий воду». Взгляните на снимок, и вы подтвердите: «Да, похож!»

Или полюбуйтесь Аркой, затейливым островком, что стоит в Охотском море, в Пенжинской губе, близ устья реки и села Рекинники. И верно, настоящая арка и под ней двойные ворота, куда в отлив свободно проходят катера и малые рыболовецкие сейнеры. А в прилив даже лодка не протиснется: ворота Арки прочно закрываются на водяной замок. Дело в том, что морские приливы здесь очень высоки и доходят до 13 метров. В сжатой, узкой горловине Пенжинской губы нет выхода приливной океанской волне, и она стремительным напором заливает побережье. А когда с разбойным посвистом налетают злые холодные ветры, скалистый островок Арка первым принимает на свою грудь штормовые вздохи мятежного моря.

В. ЯХОНТОВ,
член географического общества СССР

воздушный буратино

Состязания по полету на воздушных шарах становятся популярными. Этот забавной формы шар изготовили английские аэронавты.

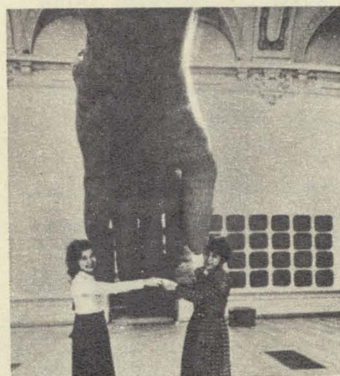

наказание

Не хочу вылезать из воды... Эту сценку запечатлел фотокорреспондент в террариуме Самутпракана (Таиланд).

эх, реклама!

Подобная перчатка, очевидно, могла бы служить иллюстрацией к рассказу о посещении Гулливером страны лилипутов... Это экспонат международной выставки трикотажных изделий в Лозанне (Швейцария), представленный одной из японских фирм в целях рекламы.

Владимир СВИРИДОВ

ФАЛЬШИВКА

Час пик. Вагоны электрички набиты до предела.

Коля Курбатов, отработавший целый день на овощной базе, от усталости едва стоял на ногах. Хорошо, рядом люди, плечи, спины. Они упасть не дадут. Захочешь — не упадешь.

Новая волна хлынувших в вагон пассажиров внесла активно действующего локтями горластого мужчину.

— Куда прешь? Куда? С ботинок слезь, чучело! Мозоль отдавишь! Сам ты пьяный! От хулигана слышу. Понял? Ты своего мужа учи, умная. На свои пью! Вот и отстань, дятел. Тесно? В такси ездить надо!

Находясь в приличном подпитии, мужчина пробивался из тамбура в вагон. Это удавалось ему с большим трудом, но он, хлопая осоловевшими глазами и бычась от напряжения, упорно лез вперед.

— Пропустите человека! Совести у вас нет, нашли над кем издеваться,— послышались голоса сочувствующих.— Разве не видите, выпивши он. Посадите его к окну. Душно очень.

Пьяного осторожно усадили. Окно, правда, не открывалось, но сидевшая напротив дама заботливо обмахивала его газетой. Через минуту, громко храпя, он погрузился в сон.

«Вот гад!— подумал Курбатов, пораженный увиденной сценой.— Вот пьянь! И сидит. И спит. А тут хоть вой...»

И, набравшись нахальства, Николай с минуту сосредоточивался, а потом неожиданно для окружающих диким голосом рванул песню. Внезапное перевоплощение всю дорогу молчавшего, тихого пассажира произвело на всех неизгладимое впечатление. Соседи Курбатова испуганно прижались друг к другу, обалдело глядя на странного певца, который голосил, совершенно наплевав на элементарные правила вокального искусства.

— Может, сумасшедший?— осторожно предположил кто-то.

Однако положение ненормального абсолютно не устраивало Николая. Чего доброго, санитаров позовут.

— Я из тебя сейчас макулатуру сделаю!— заорал Курбатов.— Выпить уж человеку нельзя.

— Так ведь он пьяный, товарищи! Ишь, нализался! Алкоголик!— облегченно вздохнули пассажиры.

Издавая жуткие вопли, куражась и гримасничая, Курбатов спокойно прокладывал себе зеленую улицу. Его тут же усадили. Удобно. Уютно.

Довольный своей проделкой, Николай неожиданно услышал чей-то робкий возглас:

— Смотрите, а он ведь трезвый!

— Точно! Трезвый!— принюхался сосед Курбатова.— Не пахнет.

— Аферист!— сердито крикнула стоявшая неподалеку женщина с авоськой.

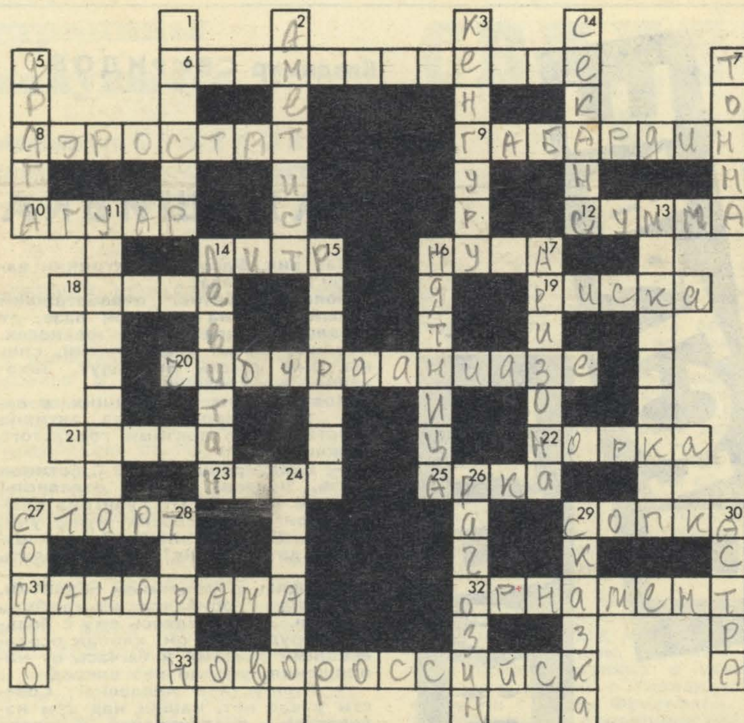
— Проходимец!

— Прохвост!

Пассажиры жаждали возмездия. Вагон гудел, негодовал, неистовствовал.

На следующей остановке Курбатов стоял на платформе и печально смотрел вслед уходящему поезду. Справедливость восторжествовала!

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Передача изображений на значительное расстояние. 8. Летательный аппарат. 9. Шерстяная ткань. 10. Ящерица. 12. Результат сложения. 14. Единица объема жидкостей. 16. Высокогорный пояс в Центральных Андах Южной Америки. 18. Французский писатель XVI века. 19. Черта на поверхности обрабатываемой заготовки. 20. Чемпионка мира по шахматам. 21. Русский театральный художник и искусствовед. 22. Пушной зверек. 23. Река в Казахстане. 25. Декоративная постройка в виде ворот. 27. Начало спортивных состязаний. 29. Небольшая гора на Дальнем Востоке, в Сибири. 31. Вид местности с высоты. 32. Ритмически построенный узор. 33. Город-герой.

По вертикали:

1. Голландский мыслитель. 2. Полудрагоценный камень. 3. Сумчатое животное. 4. Тригонометрическая функция. 5. Плавучее землечерпательное сооружение. 7. Мера веса. 11. Передняя часть площадки между занавесом и рампой. 13. Созвездие южного полушария неба. 14. Автор картины «Март». 15. Повторение части музыкального произведения. 16. День недели. 17. Штат США. 24. Столярный инструмент. 26. Персонаж трилогии К. А. Федина. 27. Движитель ракет и реактивных самолетов. 28. Рыба семейства карповых. 29. Повествовательный жанр народного творчества и литературы. 30. Цветок.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 1

По горизонтали:

3. Карпов. 5. Железо. 7. Бриз. 8. Роза. 9. Шаль. 10. Свет. 11. Серафимович. 15. Аллегро. 16. Крейсер. 17. Сутки. 19. Катет. 21. Гатчина. 22. Ренклод. 24. Айвазовский. 27. Банк. 29. Сага. 30. Альт. 31. Трап. 32. Курган. 33. Клюква.

По вертикали:

1. Дробь. 2. Пегас. 3. Кокарда. 4. Везер. 5. Жаров. 6. Оркестр. 11. «Снегурочка». 12. Атос. 13. Очки. 14. Чайковский. 18. Тост. 19. Кама. 20. Трос. 21. Гусачок. 23. Долгота. 25. Ватин. 26. Каток. 28. Кайра. 29. Спика.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Главная елка страны. * Москва белокаменная.

Фото Б. Задвиля, Л. Шерстенникова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Зимний день. Фото Б. Раскина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 18.XII.78. А 01272. Подписано к печати 2.I.79. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 050 000 экз. Изд. № 45. Заказ № 3229.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Фото А. БОЧИНИНА

Запах снега! Кто с радостью и надеждой не вдыхал его полной грудью! Кто не чувствовал прилива новых сил, увидев вдруг ранним утром за окном словно подкрахмаленную за ночь землю.

Не счесть в нашей стране горячих поклонников зимы. Широк ассортимент зимних забав и увлечений, и у всех свои достоинства. Спросите любителя лыж, чем его радуют прогулки по снежной целине, и он расскажет, что лыжи помогают ему проникать в самые сокровенные уголки зимнего леса; и о радости стремительного скольжения по лыжне; и о власти над скоростью, когда несешься по слаломной трассе. А у конькобежцев свои доводы. Ледяной круг катка создает настроение праздника, как бал. Недаром Пушкин сравнивал лед на речке с бальным паркетом. Ну, а для любителей фигурного катания лед — это действительно бальный паркет, на котором они кружатся под звуки вальса. А для хоккеистов та же ледяная площадка — это вовсе не бальный зал, а арена азартной схватки. Открывая новый сезон на этой арене, кто из юных Старшиновых и Михайловых не мечтает о том, чтобы перейти на настоящий спортивный лед, под начало настоящих тренеров.

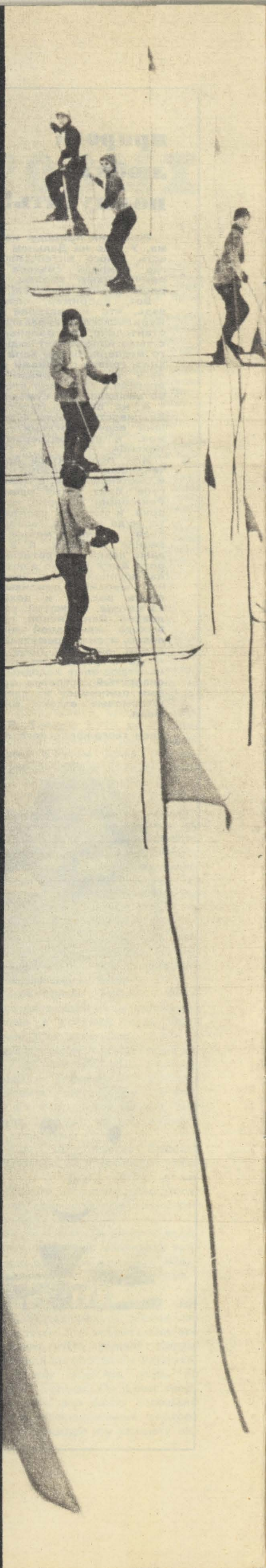
Да, много радостей сулит зима ее патриотам. Мы, пожалуй, не перечислили и половины этих радостей. Ведь можно бегать по заснеженным аллеям парка и без лыж. И таких бегунов становится с каждой зимой все больше. Можно пересесть с обычных салазок на спортивные, быстрокрылые сани. Можно сменить сани на прыжковые лыжи, и тогда вам самый крутой обрыв нипочем.

В последнее время во дворах и в парках все чаще встречаются не только любители подвижных зимних игр, но и зимних шахмат. Поговорите с ними, и они вас убедят в том, что Карпов, если бы играл не под крышей, а на воздухе, был бы еще сильнее.

А подледный лов! Говорят, что сокровенная тишина замерзшего озера, дыхание дымящейся лунки и горка окуней на льду обеспечивают самый лучший отдых.

В незапамятные времена были люди, которые поклонялись огню, и поэтому назывались они огнепоклонниками. Ныне появилось племя зимопоклонников. Вступайте в его ряды!

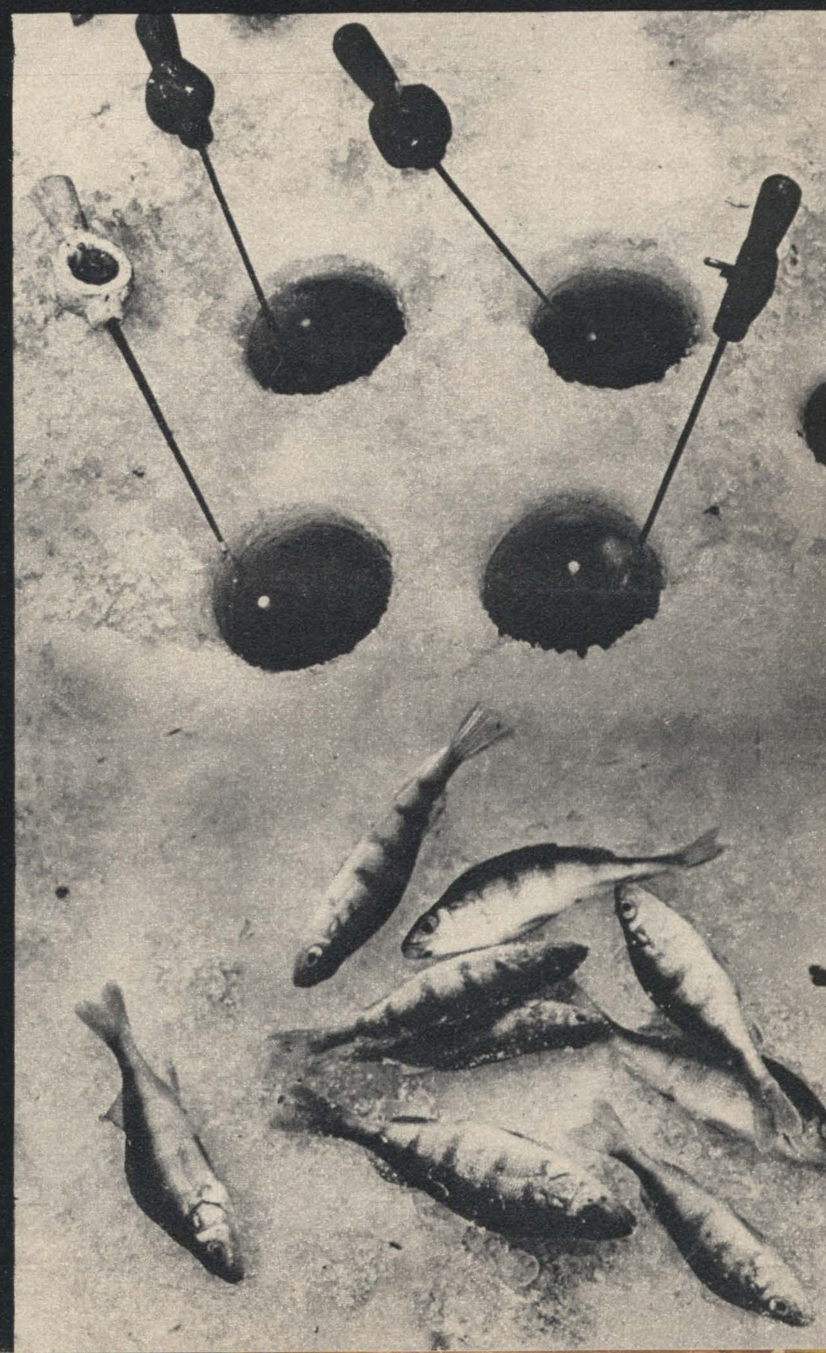
В. ЯКОВЛЕВ

ЗИМОПОКЛОННИКИ

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663